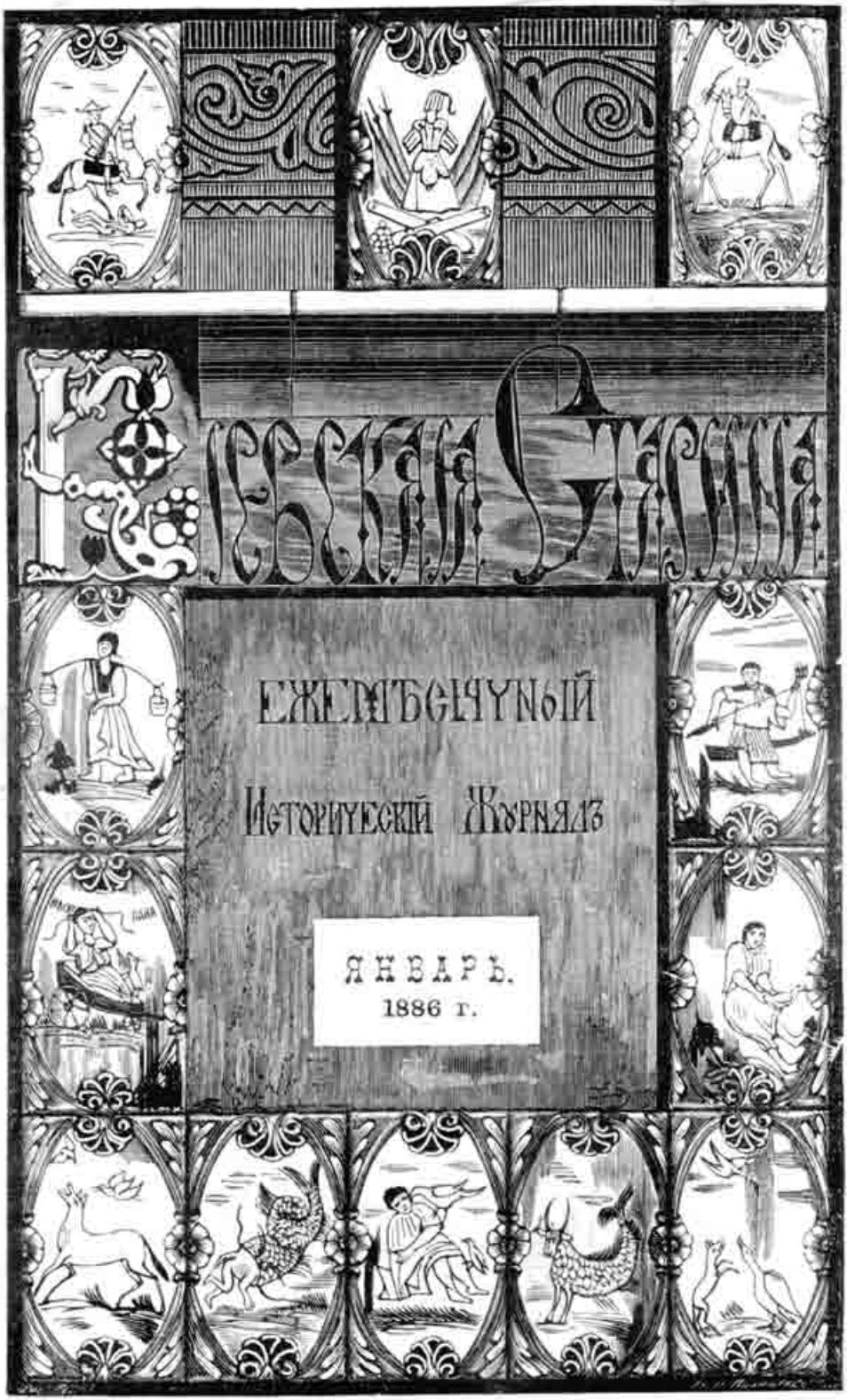

Кіевъ. Въ типографіи Г. Т. Корчакъ-Новицкаго.

СОДЕРЖАНІЕ.

Январь, 1886 г.

		Стр.
I.	ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ (Кулябки и Ломпковскіе). **А. Лазаревскаго**	1
II.	КЪ ВОПРОСУ О ВЛІЯНІИ ГРЕЧЕСКАГО И РИМСКАГО СВАДЕБНАГО РИТУАЛА НА МАЛОРУССКУЮ СВАДЬБУ. **Н. Ѳ. Сумцова** . .	16
III.	ОСТРОВЪ ХОРТИЦА НА РѢКѢ ДНѢПРѢ. (Изъ поѣздки по запорожскимъ урочищамъ). **Д. И. Эварницкаго**	41
IV.	ИЗЪ ЭПОХИ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ НА ЮГѢ РОССІИ (Народные слухи и толки о волѣ и землѣ). **П. Е.**	91
V.	ДВѢ ПОѢЗДКИ СЪ Н. И. КОСТОМАРОВЫМЪ. **В. Горленка** . . .	111
VI.	ДНЕВНИКЪ НОВГОРОДСКАГО ПОДСУДКА ѲЕДОРА ЕВЛАШЕВСКАГО. (1564—1604 года). Съ предисловіемъ **В. Антоновича.**	124
VII.	БИБЛІОГРАФІЯ: а) А. К. Селѣцкій. Острожская типографія и ея изданія. Историческая монографія, въ 2-хъ частяхъ. Почаевъ. 1885 г.—*И. Каманина.*—б) Н. Дашкевичъ. Замѣтки по исторіи литовско-русскаго государства. Кіевъ. 1885 года.—*Его-же.*—в) К. Бестужевъ-Рюминъ. Русская Исторія. Томъ II, вып. I, С.-Петербургъ, 1886 г.—*Его-же.*—г) Угро-русскія народныя пѣсни, собранныя г. де-Волланомъ (Записки географическаго общества по отдѣл. этнографіи, томъ XIII, вып. I). С.-Петербургъ. 1885 г.—*В. Горленка*	161
VIII.	ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Южно-русскій городъ въ началѣ текущаго столѣтія (Изъ «дневныхъ записокъ» А. С. Пишчевича).—б) По поводу картины художника С. И. Васильковскаго. *Д. Эварницкаго.*—в) Двѣ малорусскія оды изъ эпохи наполеоновскихъ войнъ (1807—1812).—*О. Лев—во.*—г) Судебная «инквизиція» въ бывшей гетманщинѣ.—Сообщ. *А. Л—скій.*—д) Изъ народной характеристики цыганъ.—*А. Р—ва.*—е) Еще извѣстіе о московскомъ походѣ Сагайдачнаго.—Сообщ. *А. Л—скій.*—ж) Вирша о сожженіи кіевскаго кптора Даніила Кушпира.—*Ѳ. Лободы*—з) Н. В. Гоголь въ гадячской ратушѣ.—*А. Луковаго*	173
IX.	ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА. (1728—1753 г.). *(Продолженіе).*	257—272
	ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

Открыта подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ 1886 года. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Трехсвятительская улица, д. № 8.—Оставшіеся въ незначительномъ числѣ экземпляры журнала за 1882 — 1885 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

ТОМЪ XIV.

ЯНВАРЬ.

1886 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 28-го декабря 1885 года.

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА XIV. 1886 г.

Январь, 1886 г.

I. ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ (Кулябки и Ломиковскіе). **А. Лазаревскаго** 1

II. КЪ ВОПРОСУ О ВЛІЯНІИ ГРЕЧЕСКАГО И РИМСКАГО СВАДЕБНАГО РИТУАЛА НА МАЛОРУССКУЮ СВАДЬБУ **Н. Сумцова** 16

III. ОСТРОВЪ ХОРТИЦА НА РѢКѢ ДНѢПРѢ (изъ поѣздки по запорожскимъ урочищамъ). **Д. И. Эварницкаго** 41

IV. ИЗЪ ЭПОХИ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ НА ЮГѢ РОССІИ (Народные слухи и толки о волѣ и землѣ). **П. Е.** 91

V. ДВѢ ПОѢЗДКИ СЪ Н. И. КОСТОМАРОВЫМЪ. **В. Горленка.** 111

VI. ДНЕВНИКЪ НОВГОРОДСКАГО ПОДСУДКА ѲЕДОРА ЕВЛАШЕВСКАГО (1564—1604 года). Съ предисловіемъ **В. Антоновича** 124

VII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) А. К. Селѣцкій. Острожская типографія и ея изданія. Историческая монографія, въ 2-хъ частяхъ. Почаевъ. 1885 г.—*И. Каманина.*—б) Н. Дашкевичъ. Замѣтки по исторіи литовско-русскаго государства. Кіевъ. 1885 года.—*Его-же*—в) К. Бестужевъ-Рюминъ. Русская Исторія. Т. II, вып. I. С.-Петербургъ. 1886 г.—*Его-же.*—г) Угро-русскія народныя пѣсни, собранныя г. де-Волланомъ (Записки импер. русск. геогр. общества по отдѣл. этнографіи, томъ XIII, вып. I). С.-Петербургъ. 1885 г.—*В. Горленка* 161

VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Южно-русскій городъ въ началѣ текущаго столѣтія (Изъ «Дневныхъ записокъ» А. С. Пишчевича).—б) По поводу картины художника С. И. Васильковскато. *Д. Эварницкаго* —в) Двѣ малорусскія оды изъ эпохи наполеоновскихъ войнъ (1807—1812 г.).—*О Лев—го.*—г) Судебная «инквизиція» въ бывшей гетманщинѣ.—Сообщ. *А. Л—скій.* —д) Изъ народной характеристики цыганъ. —*А.*

Р—ва.—е) Еще извѣстіе о московскомъ походѣ Сагайдачнаго.—Сообщ. *А. Л—скій.*—ж) Вирша о сожженіи мліевскаго ктитора Даніила Кушнира.—*Ѳ. Лободы.*—з) Н. В. Гоголь въ гадячской ратушѣ.—*А. Луговаго.* 173
IX. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1753 г.) (*Продолженіе*). . . . . 257—272
ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Февраль, 1886 г.

I. ТУРЕЦКІЕ АНЕКДОТЫ ВЪ УКРАИНСКОЙ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ. **П. Кузьмичевскаго** 209
II. НАУЧНОЕ ИЗУЧЕНІЕ КОЛЯДОКЪ И ЩЕДРИВОКЪ. **Н. Ѳ. Сумцова**. 237
III. КЪ ИСТОРІИ ПЕРВАГО КРЫМСКАГО ПОХОДА. **А. Востокова**. 267
IV. ВѢДЬМА (Полѣсскій разсказъ) 279
V. СЕКРЕТНАЯ ПЕРЕПИСКА КОША ЗАПОРОЖСКАГО (1734—1763 г.). **А. Скальковскаго** 327
VI. ЗАПИСКИ НОВО-ОСКОЛЬСКАГО ДВОРЯНИНА И. О. ОСТРОЖСКАГО-ЛОХВИЦКАГО (1771—1846 г.), съ предисловіемъ **Ѳ. Н.** 350
VII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Т. Шевченко. Гайдамаки. Изданіе иллюстрированное художникомъ А. Г. Сластёномъ. Спб. 1886 г.—*В. Г—ка.*—б) Виленскій календарь на 1886 г. Вильна. 1885 г —*И. Малышевскаго.*—в) Харьковскій календарь на 1886 г. Съ видомъ г. Харькова въ началѣ XIX ст.—*Ѳ. Н.* 371
VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Воспоминанія г-жи Смирновой о Гоголѣ.—*В. Г—ка.*—б) Бугскіе козаки и украинскіе уланы (замѣтки А. С. Пишчевича).—в) Безсоновское туранство малороссіянъ —*Семена Тыпдытникова* —г) Изъ записной книжки.—*Н В.*—Альбомы и рисунки Шевченка въ собраніи В. В. Тарновскаго —*В. Горленка.*—д) Изъ письма въ редакцію и по поводу его.—е) Отчетъ гласнаго 1865 г.—ж) Библіографическая замѣтка.—Сообщ. *И. Н. Божеряновъ.* . . . 381
ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Мартъ, 1886 г.

I. ДОСВѢТКИ И ПОСИДѢЛКИ. **Н. Ѳ. Сумцова** 421
II. ТУРЕЦКІЕ АНЕКДОТЫ ВЪ УКРАИНСКОЙ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ *(Окончаніе).* **П. Кузьмичевскаго** 445
III. СТРАНИЧКА ИЗЪ ИСТОРІИ СЛОБОДСКОЙ УКРАЙНЫ (Историческое прошлое суджанскаго уѣзда). **Евг. Максимова** . 467

IV. КЪ ВОПРОСУ О НАЧАЛѢ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ («Выпись съ книгъ гродскихъ воеводства кіевскаго», 1593 г.). **Н. Оглоблина** 482
V. КАРМЕЛЮКЪ (переводъ съ польскаго) 495
VI. ЗАПИСКИ НОВО-ОСКОЛЬСКАГО ДВОРЯНИНА И. О. ОСТРОЖСКАГО-ЛОХВИЦКАГО (1771—1846 г.) *(Продолженіе)* 561
VII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Библіографическій указатель матеріаловъ для изученія жизни и произведеній Т. Г. Шевченка.—*М. Комарова*— б) Д. И. Багалѣй.—Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта степной окраины московскаго государства въ XVI—XVII столѣтіи. Харьковъ. 1886 г.—*В. А.*—в) О. В. Щербицкій. Виленскій свято-троицкій монастырь. Вильна. 1886 г.—*И. Каманина* 570
VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ исторіи семейныхъ раздѣловъ у крестьянъ.—*П. Е.*—б) Находка въ области старинной южно-русской письменности.—*О. Левицкаго.*—в) Справка объ авторѣ «Топографическаго описанія харьковскаго намѣстничества».—*Н. Черняева.*—г) Надгробный запорожскій крестъ.—*В Бн—ка.*—д) Какъ судили и рядили въ Сѣчи запорожской.—*А. Скальковскаго.*—е) Изъ записной книжки.—*Н. В.*—ж) Исповѣдь Маргаса.—Сообщ. свящ. *Іоаннъ Борковскій* . . 593
ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Апрѣль, 1886 г.

I. КОЛОМЫЙКИ. **Н. Ѳ. Сумцова** 635
II. ЗАМѢТКИ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФІИ ЮЖНО-РУССКИХЪ СТЕПЕЙ. **Пл. Бурачкова** 659
III. ВѢДЬМА (полѣсскій разсказъ). *(Продолженіе)* 684
IV. ТРЕВОГА НАДЪ СВѢЖЕЙ МОГИЛОЙ Т. Г. ШЕВЧЕНКА. **И. Билыка** 708
V. ЗАПИСКИ НОВО-ОСКОЛЬСКАГО ДВОРЯНИНА И. О. ОСТРОЖСКАГО-ЛОХВИЦКАГО (1771—1846 г.) *(Продолженіе)* 729
VI. МИХАИЛЪ ЧАЙКОВСКІЙ И КОЗАКОФИЛЬСТВО. . . . 763
VII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Библіографическій указатель матеріаловъ для изученія жизни и произведеній Т. Г. Шевченка *(Окончаніе).*—б) Витебская Старина, т. IV, съ приложеніями и рисунками въ текстѣ. Витебскъ. 1885 г.—*И. Каманина.*—в) Историческіе матеріалы. Изъ архива кіев. губ. правленія. Выпускъ 10-й. Кіевъ. 1886 г.—*К. Цыбульскаго.*—г) Исторія Новой Сѣчи или Послѣдняго Коша Запорожскаго. *А. Скальков-*

скаго. Изданіе третье. Часть I. Одесса. 1885 г.—*И. Камнина.*—д) Памятники русской старины, изд. П. Н. Батюшковымъ. Выпускъ VIII. Холмская Русь Спб. 1885 г.—*Ѳ. Лободы.* 778

VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Потребность въ біографическомъ словарѣ южно-русскихъ дѣятелей и нѣсколько словъ о его программѣ.—*П. Е.*—б) Отвѣтъ на вопросъ о малорусскихъ одахъ изъ времени Наполеоновскихъ войнъ.—*С. П.*—в) Изъ записной книжки.—*Н. В.*—г) Волынская бывальщина.—*И. О—въ.*—д) «Нѣчто о дикомъ попѣ».—Сообщ. *Л. Мацѣевичъ.*—е) Дополненіе къ біографіи Адама Киселя.—*Е. Д—каго.*—ж) Памяти преосв. Филарета, архіепископа черниговскаго.—Сообщ. *И. Карпопольцевъ.*—з) Владиміро-волынскій мстиславовскій соборъ XII в. и предстоящее его обновленіе. *Е. Д.* . . 805

IX. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКА (1728—1753 г.) (*Продолженіе*). . . . . 273—288

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Кіевская Старина.

Изд. 1882 г. (54 экз.)

Четыре тома, въ больш. 8°, до 160 печатныхъ листовъ, болѣе 2500 стр.

Главнѣйшія статьи и матеріалы:

Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV по XVI ст., проф. *В. Б. Антоновича.* Паны Ходыки, воротилы городскаго самоуправленія въ Кіевѣ въ XVI и XVII ст., *его-же.* Уманскій сотникъ Ив. Гонта, *его-же.* Дневникъ Освѣщима, переводъ съ польскаго, *его-же.* Поѣздка въ Бѣлую Церковь, *Н. И. Костомарова.* Матеріалы для исторіи Коліивщины, *его-же.* Матеріалы для біографіи Шевченка, *П. М. Бѣлозерскаго.* Люди Старой Малороссіи (Лизогубы, Милорадовичи, Миклашевскіе, Свѣчки), *А. М. Лазаревскаго.* Сулимипскій фамильный архивъ, *его-же.* Украинская деревня половины настоящаго ст., *Е. М. Крыжановскаго.* Малорусскій вертепъ (съ нотами и рисункомъ вертеннаго ящика), съ предисловіемъ *Г. П. Галагана.* Главнѣйшіе моменты въ исторіи землевладѣнія въ харьковской губ., *А. Л. Шимапова.* Старинный южнорусскій театръ, проф. *П. И. Петрова.* Разговоръ Великороссіи съ Малороссіей (литерат. памятникъ XVIII ст.), *его-же.* Забытыя иноческія обители (монастыри холмскій и замостьскій), *его-же.* Кіевское представительство прежняго времени, *N.* Князья Ружинскіе, *П. П. Новицкаго.* Кіевскій митрополитъ Петръ Могила, проф. *Ф. А. Терновскаго.* Альбомъ М. А. Максимовича, *С. И. Пономарева.* Южнорусскіе архіереи XVI и XVII в., *О. И. Левицкаго.* Социніанство въ Польшѣ и юго-западной Руси, *его-же.* Разсказы о крестьянскихъ волненіяхъ 1855 года въ кіевской губерніи, свящ. *А. Ковальскаго.* Изъ воспоминаній потерпѣвшаго, прот. *В. Сикорскаго.* Къ характеристикѣ Д. Г. Бибикова. *N.* Почаевская Успенская Лавра, кн. *П. С. Голицына.* Образцы обличительной литературы въ Малороссіи, *П. С. Ефименка.* Ссыльные малороссіяне въ Архангельской губ. (1708—1802), *его-же.* Учебныя заведенія въ русскихъ областяхъ Польши послѣ ея раздѣла, *Е. К.* Полякп и Русины (къ исторіи ихъ отношеній), *Л. Мацѣевича.* Архіерейскія печали, *К. Березы.* Старинныя воззрѣнія русскихъ людей на русскій языкъ, *П. И. Житецкаго.* Внутреннее распорядки Запорожья, *А. А. Скальковскаго.* Умань и Софіевка, *А. Смоктія.* Переписка Румянцева о возстаніи 1768 г.—Кромѣ того до 50 библіографическихъ отзывовъ о вновь выходящихъ книгахъ по южнорусской исторіи и болѣе 100 разныхъ разсказовъ и замѣтокъ. Приложены портреты: Богдана Хмельницкаго, Гонты, Саввы Туптала и Петра Могилы и видъ Кіев. Академіи и ея студентовъ 1697—1702 г.

Цѣна 8 р. 50 к., съ пересылкой 10 р.

Кіевская Старина.

Изд. 1883 г. (148 экз.)

Три большихъ тома, 160 печатныхъ листовъ, 2566 страницъ.

Главнѣйтія статьи и матеріалы:

П. А. Кулишъ и его послѣдняя литературная дѣятельность, *Н. И. Костомарова.* Жидотрепаніе въ началѣ XVIII в., *его-же.* Серапіонъ, митрополитъ кіевскій, проф. *Ф. Терновскаго.* Фрески кіево-кирилловской церкви XII в., проф. *А. В. Прахова.* Замѣтки объ украинской народной словесности, *М. Т—ова.* Письма Шевченка къ Брон. Залесскому, съ пред. *его же.* Двѣ южнорусскія интермедіи

начала XVII ст., съ пред. *его-же*. Записки Карла Хоецкаго, съ пред. проф. *В. Б. Антоновича*. Судьба одного галицко-русскаго дѣятеля (И. Н. Вагилевича), *Я. Головацкаго*. Печерскіе Антики (изъ воспоминаній о Кіевѣ), *Н. С. Лѣскова*. Неизвѣстный доселѣ гетманъ (Д. Барабашъ), проф. *В. Б. Антоновича*. Анна-Алоиза, кн. Острожская, монографія *О. И. Левицкаго*. Задунайская Сѣчь (по мѣстнымъ воспоминаніямъ и разсказамъ, съ приложеніемъ нѣсколькихъ картъ и вида Дунавца), *Ѳ. Кондратовича*. Удѣльный періодъ и его изученіе, *Д. И. Багалѣя*. Генеральная опись Малороссіи, *его-же*. Займанщина въ лѣвобережной Украйнѣ XVII—XVIII ст., *его-же*. Галагановскій фамильный архивъ, *А. М. Лазаревскаго*. И. П. Забѣла, знач. войсковой товарищъ, *его-же*. Смѣна народностей въ Южной Руси, *И. Житецкаго*. Волынская революція первой четверти XIX ст. (обширный современный мемуаръ), Ириней Фальковскій, коадъюторъ кіевскій, *Г. Булашева*. Воспоминанія о Шевченкѣ, *А. Смоктія*. Картинки народной жизни, *его-же*. Записки барона Тодта о татарскомъ набѣгѣ 1769 г., съ пред. *С. Е.* Украинскія женщины (съ польскаго), разсказы д-ра *Антонія І.* Страшный Іосифъ (съ польскаго), *его-же*. Г. Ѳ. Квитка, историко-литературный очеркъ, *Н. Маркова*. Харьковскій Вертеръ, *А. Барымова*. Происхожденіе думы о Самойлѣ Кишкѣ, *В. П. Науменка*. Колонизація Кубанской области, *Ф. Щербины*. Бѣглые и крѣпостные въ Черноморіи, *его-же*. Ребъ-Лейбъ-Суресъ (еврейскія легенды), *А. Тарнавскаго*. Украинскій Соломонъ (по фамильнымъ воспоминаніямъ), *С. Д. Носа*. Предсмертная поземельная борьба Запорожья, *А. Шиманова*. Судъ надъ вѣдьмами въ Малороссіи, *П. С. Ефименка*. Шпитали въ Малороссіи, *его-же*. Братства и союзы нищихъ, *его же*. Куплетныя формы южнорусской пѣсни, *Ц. Г. Неймана*. Семенъ Гаркуша, *К. Кошовика*. Новыя свадебныя малорусскія пѣсни, *Ѳ. Николайчика*. Къ исторіи южнорусскихъ свадебныхъ обычаевъ, проф. *Н. Ѳ. Сумцова*. Посѣщеніе Кіева В. Кн. Павломъ Петровичемъ (современное описаніе). Разновидности Марцѣпанъ и Гаппусковой горѣлки. Херсонесъ Таврическій (по поводу юбилея), *В. Ястребова*. По поводу 50-лѣтняго юбилея Почаевской Лавры. *А. Тарнавскаго*. Къ 300-лѣтнему юбилею Ив. Ѳедорова, перваго русскаго печатника, *В. Ястребова*. Изъ бумагъ И. П. Котляревскаго, *В. П. Горленка*. Изъ бумагъ холмскаго архива. Допросъ Григ. Герцыка объ участіи его въ измѣнѣ Мазепы, съ пред. *А. И. Барсукова*. Переписка гр. Румянцева о возстаніи 1768 г., О Бугскихъ казакахъ, *А. Скальковскаго*. Запорожскіе выборы и порядки (по современ. описаніямъ), *А. Андріевскаго*. Покровская церковь въ Переяславлѣ, *А. Т.* Второбрачіе южнорусскихъ священниковъ, *С. Ц.* Кафельные памятники XVIII в. Національные типы въ украинской словесности. Малорусскія эпитафіи XVIII в., *А. Маркевича*. Клады въ кіевской губерніи. Гетманъ Ив. Куцковичъ, *А. С—ка*. О Кіевской Десятинной церкви. Кіевская пертурбація 1786 г. Анатолій Мартыновскій, архіепископъ могилевскій, д-ра *Пирожкова*. Восемь писемъ Т. Г. Шевченка къ разнымъ лицамъ. Письма Н. В. Гоголя къ В. В. Тарновскому. Письма С. Т. Аксакова, Мерзлякова, Ранча, кн. Ѳдоевскаго, М. Г. Павлова, Чижова и др. къ М. А. Максимовичу, Письма Г. Ѳ. Квитки, митрополита Евгенія Болховитинова и др.; помѣщены также письма князя Конст. Конст. Острожскаго и холмскаго епископа Якова Суши; до 150 рецензій и мелкихъ замѣтокъ по исторіи и этнографіи Малороссіи. Портреты: доселѣ живущаго запорожца А. Коломыйна, жены Гонты, кн. Конст.-Конст. Острожскаго, знаменитаго ревнителя православія, и жены его, княгини Софіи.

Цѣна 8 р. 50 к., съ пересылкой 10 р.

Содержаніе книжекъ журнала за 1884 и 1885 гг. будетъ помѣщено въ февральской книжкѣ.

ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ[1]).

8. КУЛЯБКИ.

1. *Илья Кулябка*, протопопъ лубенскій 1651—1653 г.
2. *Иванъ Кулябка*, лубенскій мѣщанинъ и «арендаръ» 1653 г.; «мѣщанецъ лубенскій» 1671—1679 г.
3. *Петръ*, значный войсковый товарищъ 1707 — 1736 г. Жена—*Анна*, дочь *Данила Апостола*, полковника миргородскаго, потомъ гетмана. 2
4. *Федоръ*, род. 1664 † 1735 г. По универсалу лубенскаго полковника Свѣчки 1699 г., «домы п. Федора Кулябки съ зятьями Корнѣемъ, Василіемъ и Фомою, по ходатайству миргородскаго полковника Апостола, освобождены отъ становискъ (постоевъ) всякихъ компанейскихъ и посланическихъ наѣздовъ, до ласки войсковой, также и хутора ихъ во всемъ вольными должны быть» 2
5. *Петръ*, сотникъ полковой лубенскій 1733 г.; бунчуковый товарищъ 1736 года 3
6. *Симеонъ*, въ монашествѣ *Сильвестръ*, р. 1704 † 1761 г., архіепископъ петербургскій 3
7. *Иванъ*, сотникъ полковой лубенскій 1736 г.; обозный лубенскій 1752 г.; полковникъ лубенскій 1757—1773 г. Жена 1, дочь Владиміра Григорьевича Максимовича; 2, *Марья Степановна Максимовичъ*, по первому мужу Корецкая 3
8. *Василій*, бунчуковый товарищъ; въ 1754 г. купилъ у брата Петра с. Шершневку 3
   Дочь. Мужъ—*Федоръ Ширай* 1733 г. 3
9. *Григорій*, писарь полковой лубенскій 1713—1714 г.; сотникъ полковой лубенскый 1715 — 1731 г.; бунчуковый товарищъ. Жена—дочь Василія Жураковскаго, есаула генеральнаго 4

[1]) См. «Кіевская Старина», 1885 г., майск. кн., стр. 1—21.

10. *Якимъ*, бунчуковый товарищъ 1727 г. Жена *Евдокія Андреевна Лизогубъ*, по второму мужу Стороженко 4
11. *Данило*, по купчей 1718 г. жители Высшихъ и Низшихъ Булатцевъ продали ему часть своихъ земель. 4
12. *Петръ* 5
13. *Иванъ*. Въ 1757 г. графъ М. Л. Воронцовъ просилъ гетмана назначить его лубенскимъ обознымъ, на мѣсто отца.—Арх. князя Воронцова V, 438. 7
14. *Яковъ*, корнетъ 7
15. *Григорій*, маіоръ; жилъ въ с. Березнякахъ 7
16. *Данило* 7
17. *Павелъ*, сотникъ снѣтинскій 1762 г.; обозный лубенскій 1774 г. . . 7
18. *Василій*, отставной сержантъ 7
19. *Степанъ*, бунчуковый товарищъ 1748 г., предводитель дворянства глуховскаго уѣзда 1783 г. Жена *Ульяна Федоровна Остоградская*, дочь миргородскаго полковника. 9
20. *Андрей* 10
Ульяна. Мужъ *Алексѣй Покорскій* 10
Ирина. Мужъ *Василій Кулаковскій*, судья полковой нѣжинскій 1747 г. 10
21. *Иванъ*, р. 1758 г., бунчуковый товарищъ, потомъ коллежскій ассесоръ. 19
22. *Петръ*, р. 1763 г., подпоручикъ. Жена *Дергунъ* 19
23. *Федоръ*, корнетъ, жилъ въ с. Крапивной, конотопскаго уѣзда 20

Родъ Кулябокъ происходитъ изъ Лубенъ. «Славны Лубны Кулябками, а Хоролъ Родзянками», говорила мѣстная поговорка. По купчей 1651 г., лубенскій житель Процикъ Бутенко продалъ о. Иліи Кулябкѣ, священнику святотроецкому, протопопу лубенскому хуторъ свой подъ Лубнами, на Плютиномъ балку. По другой купчей 1653 г., лубенскій мѣщанинъ Степанъ Цилюрикъ продалъ хуторъ свой на Плютинцахъ «славетному Ивану Кулябкѣ, мѣщанину и арендару лубенскому». По купчей того-же года «славетный Мартынъ, козакъ войска запорожского, обыватель лубенскій продалъ хуторъ, албо сѣчъ свою, славетному его милости о. Иліи (Кулябкѣ), протопопѣ лубенскому святотроецкому». По купчей 1671 г., «славетне урожоный п. Яковъ Засядко (бывшій въ 1659 г. полковникомъ лубенскимъ), товарищъ и житель лубенскій, продалъ ставилъ (прудовъ) двѣ въ Лысой Горѣ, на греблѣ, славетне урожоному п. Ивану Кулябцѣ, мѣщанину и обывателю лубенскому». Затѣмъ въ «листѣ» лубенскаго полковника Ивана Федоровича (Сербина)

1674 г. читаемъ: «п. сотниковѣ лукомскому, симъ нашимъ унѣверсаломъ ознаймуемъ, ижъ знаючи мы и видячи здавна п. Ивана Кулябку, значного мешканца (жителя) лубенского, которой во всемъ есть мѣстцу (городу, т. е. Лубнамъ) всему во вшелякихъ потребныхъ рѣчахъ и ни въ чемъ не закрытый и до того особливая его такъ противно (въ отношеніи) насъ, общихъ людехъ, якъ и всему мѣстцу явная щирость, теды съ респекту нашего, хотячи его и въ дальшій часъ въ таковой-же щирости заховати, а то ведлугъ прозби п. Ивана Кулябки, тотъ его млинъ съ двома колами, въ с. Александровцѣ, купленній у священника Орбжицкого, нѣмъ (пока) тотъ урядъ (полковничества) на себѣ мѣтиму, уволняемо, позволяючи зъ него (млина) ему самому пожитокъ мѣти, варуючи тое, абы такъ отъ старшины лукомской, якъ и отъ дозорцовъ нашихъ жадной не было перешкоды»... Кромѣ этихъ актовъ, извѣстны еще три купчія 1673, 1676 и 1679 годовъ, по которымъ Иванъ Кулябка скупалъ земли около Лубенъ [1]).

Въ этихъ актахъ видимъ двухъ Кулябокъ—Илью и Ивана; въ какомъ родствѣ они были между собою, неизвѣстно; едва-ли Илья не былъ отцемъ Ивана. Иванъ Кулябка былъ лубенскій мѣщанинъ, откупавшій въ 1653 году мѣстные шинки. Съ изгнаніемъ поляковъ, откупъ шинковъ, т. наз. «аренда», былъ уничтоженъ, но гетманъ Самойловичъ, не находя источниковъ на содержаніе компанейскихъ полковъ, возстановилъ эту «аренду», чѣмъ между прочимъ и возбудилъ противъ себя народъ. Въ 1692 г. Мазепа съ войсковою старшиною, обдумывалъ, «чтобы какимъ нибудь инымъ, а не арендовымъ способомъ сборъ денежный установить (на жалованье компанейцамъ и сердюкамъ), а аренду тую отставить, потому что та аренда въ малороссійскихъ городахъ не такъ налогами своими народу есть тяжелоносна, какъ самимъ именемъ (чаяти для того, что при польской державѣ жиды оною владѣли и многія вымышленныя отягощенія чинивали) есть досадна и полна безчестія и хулы» [2]). Этого рода аренды вѣроятно и дали возможность Ивану

---

[1]) Румянцевская опись Малороссіи, лубенская полковая сотня. Архивъ полтавской казенной палаты.—Хранившеюся въ этомъ архивѣ Румянцевскою описью мы пользовались лѣтъ пятнадцать назадъ; есть-ли она теперь, не знаемъ.

[2]) Чтенія въ московск. обществѣ исторіи и древностей, 1859 г., т. I, стр. 5.

Кулябкѣ нажить средства, на которыя потомъ онъ сталъ пріобрѣтать земли около Лубенъ. Интересно, что въ актѣ 1653 г. Иванъ Кулябка называется «мѣщаниномъ», а въ послѣдующихъ «славетнымъ паномъ» и «значнымъ мешканцемъ» лубенскимъ; это значило, что Кулябка при Хмельницкомъ не пошелъ въ козаки, оставшись торговцемъ, впослѣдствіи-же, когда старшина козацкая стала въ привиллегированное положеніе, зажиточное мѣщанство стало пробираться въ кругъ той-же старшины. Доступъ въ козачество былъ не труденъ, особенно для людей не бѣдныхъ. Изъ приведеннаго универсала Ивана Сербина видимъ, что за участіе Ивана Кулябки въ городскомъ лубенскомъ хозяйствѣ полковникъ нашелъ возможнымъ дать ему собственною властью ту привиллегію, которою собственно пользовалась войсковая старшина, т. е. освободилъ его водяныя мельницы отъ налога въ пользу «войска» [1]). Иванъ Кулябка былъ живъ еще въ 1691 г. и строилъ мельницы на р. Переволочнѣ [2]).

Сынъ Ивана Петръ является уже «значнымъ товарищемъ войсковымъ»; значитъ, онъ уже переписался изъ поспольства въ козаки. Да иначе и быть не могло: Петръ Кулябка своими достатками настолько выдѣлился изъ массы, что могъ жениться на дочери стараго миргородскаго полковника Апостола. Тесть, пользуясь своею властью и хорошими отношеніями къ гетману, надѣлилъ зятя маетностями, давъ ему въ своемъ полку села Шершневку, Радиловку, Шишаки и Клепачи (оба села хорольскаго уѣзда). А отъ своего полковника, Дмитрія Зеленскаго, Петръ Кулябка получилъ въ 1708 г. часть вольныхъ войсковыхъ лѣсовъ: «ознаймуемъ, ижъ п. Петро Кулябка, значный войсковый товарищъ, мѣючи свою власную въ

---

[1]) Доходъ каждой водяной мельницы («розмѣръ», извѣстная часть помола) дѣлился на три части: одна треть поступала въ пользу хозяина, а двѣ трети шли на «войске». Войсковая часть иногда отдавалась на откупъ, а чаще собиралась патурою, особыми «дозорцами». Войсковую часть гетмана, а иногда и полковника, часто отдавали козацкой старшинѣ, въ награду за службу; напр., въ универсалѣ Многогрѣшнаго 1669 г. читаемъ: «въ награду значныхъ услугъ п. Юрія Бурковскаго надалисмо ему млинокъ у Баклановой Муравейцѣ (село около Чернигова), съ котораго млынка мѣетъ на себе отбирать двѣ мѣрочки войсковыхъ, опрочъ мелницкой» (третьей мѣрочки).

[2]) Записки черниговскаго губернскаго статистическаго комитета, кн. II, стр. 105.

селѣ Александровцѣ, на р. Слѣпородѣ, греблю, доноситъ намъ, что гатится она съ давнихъ временъ хворостами (фашинникомъ) жителей с. Александровки, а теперь просилъ пасъ, чтобы мы ему п. Петру Кулябкѣ, для облегченія людей, позволили запять часть свободнаго лѣса; видя, что и другіе много уже заняли изъ тѣхъ вольныхъ и пустыхъ лѣщанокъ (лѣсныхъ участковъ), позволяемъ сму п. Петру Кулябкѣ, за вѣдомомъ ясневельможного п. гетмана, принять для своей потребы часть вольныхъ лѣщанокъ»...

Въ измѣну Мазепину тесть Петра Кулябки, какъ извѣстно, искусно выпутался изъ бѣды и тѣмъ спасъ отъ разоренія свою семью и отчасти семьи зятьевъ. Новый гетманъ Скоропадскій уже въ мартѣ 1709 г. не только подтвердилъ Петру Кулябкѣ с. Шершневку, но прибавилъ къ нему и другое—Калайденцы, а черезъ два года подтвердилъ ему Шишаки, Клепачи и Радиловку. Ставъ гетманомъ, Апостолъ подтвердилъ зятю всѣ эти маетности, но новыхъ не далъ, вѣроятно потому, что за зятемъ никакихъ войсковыхъ службъ не было. Маетности эти утверждены были царскою грамотою только въ 1736 г.; кромѣ селъ, грамота утверждала за Петромъ Кулябкою еще и купленные имъ хутора: Матишовку (теперь село), Очеретовое, на Омельнику и на Кагальнику.

Петръ Кулябка войсковой службы не несъ, потому, вѣроятно, что могъ получать маетности и безъ службы. Изъ дѣтей Петра Ивановича Кулябки (3) старшій сынъ Петръ (5) служилъ лубенскимъ полковымъ сотникомъ и пользуясь своимъ вліяніемъ по уряду, скупалъ земли у своихъ сотнянъ; особенно много земель скупилъ онъ въ с. Березнякахъ (хорольскаго уѣзда). У него былъ единственный сынъ Петръ-же (17), который учился гдѣ-то за границей; но ученіе это дорого обошлось отцу; въ купчей его записи 1754 г. читаемъ: «имѣючи я въ сотнѣ второй полковой лубенской маетность мою, село Шершнювку, по необходимости моей къ заплатѣ занятыхъ по векселямъ, сыномъ моимъ Петромъ, въ иностранныхъ училищахъ обрѣтаючимся, доброю своею волею и по письменнымъ того сына моего, единого наслѣдника оное (маетности), требованіямъ, продалемъ оное родному брату своему, бунчуковому товарищу, п. Василю Кулябкѣ за 1,500 рублей».

Изъ остальныхъ сыновей Петра Ивановича два: Семенъ и Иванъ сдѣлались замѣтными общественными дѣятелями. Первый

учился въ кіевской академіи и затѣмъ, съ согласія отца и дѣда Апостола [1]), въ 1727 г. поступилъ въ монахи, съ именемъ Сильвестра; въ 1740 году онъ былъ уже ректоромъ академіи, а черезъ десять лѣтъ, ставъ лично извѣстнымъ императрицѣ, поставленъ былъ архіепископомъ петербургскимъ. Другой сынъ, Иванъ (7), началъ службу въ 1725 году и былъ сначала сотникомъ въ Лубнахъ, а потомъ бунчуковымъ товарищемъ. Въ 1730 году онъ женился на внучкѣ барышевскаго протопопа Григорія Максимовича и получилъ за женою въ переяславскомъ полку с. Ерковцы и мельницу въ урочищѣ Чирскомъ (теперь хуторъ на р. Трубежѣ). Будучи внукомъ гетмана, Иванъ Кулябка успѣлъ получить на Ерковцы и гетманскій универсалъ, «яко въ приданое ему за женою доставшееся». При Разумовскомъ Иванъ Павловичъ получилъ урядъ полковаго обознаго, а съ тѣмъ вмѣстѣ и прибавку къ своимъ маетностямъ. Въ универсалѣ Разумовскаго читаемъ: «обозный полковой Кулябка, представляя о своихъ службахъ и яко чрезъ оныя остался въ скудости и въ содержаніи дому своего, а найвящше въ снабдѣніи дѣтей своихъ, изъ которыхъ три сына отправлены отъ него въ 1750 г. въ иностранныя училища и находятся въ Виттенбергѣ, а три меньшіе въ Кіевѣ латинскаго и нѣмецкаго языка обучаются, да еще два меньшихъ его сына поспѣваютъ также къ обученію, имѣетъ недостатокъ, просилъ о пожалованіи ему изъ свободныхъ войсковыхъ деревень до 50 дворовъ; и мы, гетманъ, опредѣляемъ ему, Ивану Кулябкѣ, въ вѣчное владѣніе, изъ свободныхъ войсковыхъ маетностей въ полку лубенскомъ, въ сотняхъ лукомской с. Березняки, да въ полковой сс. Засулье, Высшій Булатецъ и Губское». Урядъ лубенскаго полковничества Иванъ Кулябка получилъ въ 1757 году, видимо по предстательству брата своего Сильвестра, такъ какъ на значеніе это было сдѣлано по именному высочайшему указу, при чемъ урядъ этотъ отнятъ былъ у прежняго полковника Петра Апостола, будто-бы за старость послѣдняго. «Пожаловали мы, гласилъ указъ, въ полковники въ лубенскій полкъ обознаго полковаго Ивана Кулябку съ принадлежащими на тотъ рангъ деревнями и другими угодіями, а полковника Петра Апостола за его долговременную и вѣрную

[1]) Письма ихъ объ этомъ къ Семеону см. «Кіевскія Губернскія Вѣдомости», 1856 г., № 20.

службу изъ особливой нашей монаршей милости жалуемъ въ бригадиры, и за старостью отъ всѣхъ службъ отставить».

Воспитаніе дѣтей въ Германіи обошлось Ивану Кулябкѣ еще дороже, чѣмъ брату его Петру; въ 1762 г. отецъ виттенберскихъ студентовъ писалъ: «всѣмъ извѣстно есть, что я по причинѣ трехъ сыновъ моихъ Ивана, Григорія и Данила, въ иностранныхъ государствахъ для пользы отечества и чести фамиліи находившихся, по ихъ самовольству въ долги такіе пришелъ, что не только оныхъ материнскія недвижимыя имѣнія, въ полку переясловскомъ имѣючіяся, съ согласія покойной оныхъ-же матки, а моей первой жены, на уплатку спродать мусилъ (долженъ былъ), но и за возвращеніемъ уже въ отечество, когда въ службу отданы, не мало долговъ своимъ легкомысленнымъ самовольствомъ и другими случаями прибавили, для которыхъ уплатку принужденъ и собственные мои дѣдизные и отческіе грунта продавать».

Можетъ быть такія крутыя обстоятельства заставили и Ивана Кулябку дѣлать тоже, что дѣлала сплошь и рядомъ современная ему старшина—отнимать, пользуясь властью, земли у своихъ полчанъ-козаковъ. При составленіи генеральной описи Малороссіи въ 1766 г., по распоряженію Румянцева, козаки с. Шершневки показали, что имѣли они при своемъ селѣ пахатной земли издревне козачей, доставшейся имъ по предкамъ ихъ, а именно: Федоръ Фесенко на 8 дней, Леонтій Макаренко на 3 дня, Захарій Морозенко на 6 дней, Яковъ Зѣнченко на 12 дней и т. д., которымъ полемъ владѣли они чрезъ многіе годы спокойно, которое поле и въ нынѣшнюю генеральную опись за собою показали; но полковникъ лубенскій Иванъ Кулябка, невѣдомо почему, усиливаясь всѣмъ тѣмъ клиномъ, гдѣ ихъ поле, завладѣть, первое оный вокругъ самовольно заоралъ, чему слѣдуетъ четвертый годъ, а потомъ черезъ посланныхъ своихъ владѣть тѣмъ полемъ имъ козакамъ запрещалъ; сверхъ того съ нихъ у Левка Макаренка и Захарія Морозенка въ прошломъ 1764 г. по парѣ воловъ заграбилъ за то, что въ томъ году они свою землю выорали и засѣяли, и держалъ два дня, пока они, по приказу его, какой-то ему, полковнику, подписки не дали; и хотя оные всѣ козаки и нынѣ тѣмъ полемъ владѣютъ, однако по чинимому отъ него, полковника, запрещенію, въ немалой опасности состоятъ...»

Лубенскимъ полкомъ Иванъ Кулябка правилъ до 1770 года, когда былъ смѣненъ родственникомъ второй своей жены, Степаномъ Петровичемъ Максимовичемъ.

Изъ дѣтей Федора Ивановича Кулябки (4) старшій сынъ Григорій (9) уже въ 1713 г. былъ полковымъ лубенскимъ писаремъ; за службу на этомъ урядѣ Григорій получилъ отъ своего полковника Василія Савича [1]) два села: Клепачи (лубенскаго уѣзда) и Новаки, которыя подтверждены были ему и гетманомъ. Затѣмъ Григорій Кулябка полковой урядъ промѣнялъ на сотенный, ставъ лубенскимъ сотникомъ; на этомъ урядѣ онъ оставался болѣе 15 лѣтъ (1715—1731) и нажилъ за это время не мало земель отъ своихъ сотнянъ. Покупалъ земли Григорій Кулябка преимущественно въ двухъ селахъ: Березоточи и Волчкѣ (лубенскаго уѣзда), которыми впослѣдствіи и завладѣлъ, съ помощью двухъ покупокъ. Въ какихъ размѣрахъ и за какую цѣну производились эти покупки, видно изъ слѣдующей интересной купчей записи 1731 года.

«Мы нижепоименованные объявляемъ, что помѣрки наши, лежащіе надъ рѣчкою Вовчкомъ, попродали въ вѣчность п. Григорію Кулябцѣ, сотнику полковому лубенскому, такою цѣною, какъ ниже сего противъ нашихъ именъ изображено: отецъ Алексѣй продалъ свой помѣрокъ за рубля; Дмитро Шолудченко продалъ свой помѣрокъ за золотыхъ четыре (80 коп.); Грицко и Каленикъ Кузменки продали свою пайку за рубля; Грицко и Феско Дзюгамы продали свою пайку за рубля» и т. д. Кромѣ лично пріобрѣтенныхъ имѣній Григорій Кулябка получилъ за женой въ глуховской сотнѣ село Полковничью Слободу.

---

[1]) Василій Савичъ не былъ роднею Савичей, происходящихъ отъ генеральнаго судьи Саввы Прокоповича, сынъ котораго Семенъ былъ генеральнымъ писаремъ при Скоропадскомъ (Ср. Сочиненія Максимовича, т. I, стр. 717). Василій Савичъ сначала былъ лубенскій сотникъ (1702—1708 г.), а потомъ, по измѣнѣ Дмитрія Зеленскаго, поставленъ на его мѣсто полковникомъ и правилъ полкомъ до 1714 г., когда и умеръ. Мать его Татьяна Гиркаловна вторымъ бракомъ была въ замужествѣ за Андреемъ Яковлевымъ, лубенскимъ судьею (1690 г.), имѣніе котораго Хорошки перешло къ дѣтямъ Василія Савича—Василію и Петру, служившимъ бунчуковыми товарищами. Послѣдніе и Хорошки, и другое свое село, Худолѣевку, продали Григорію Михайловичу Любистку, одному изъ бандуристовъ-слѣпцовъ императрицы Елисаветы.

Сынъ Григорія, Степанъ Кулябка (19) нашелъ нужнымъ почему-то переселиться въ материнское имѣніе, Полковничью Слободу. Рядомъ съ этимъ селомъ находилось другое Малая Слобода, которое Степанъ Кулябка сталъ по частямъ пріобрѣтать у двоюроднаго брата своего Михаила Матвѣевича Жураковскаго; въ 1765 г. куплена была имъ и послѣдняя (третья) часть Малой Слободы, за 2020 р. Когда малороссійскіе «полки» преобразованы были въ намѣстничества, Степанъ Кулябка выбранъ въ Глуховѣ первымъ предводителемъ дворянства. Въ это время у него было въ Полковничьей и Малой Слободахъ и въ с. Щебрахъ 645 крестьянъ и въ лубенскомъ уѣздѣ 60; остальныя отцовскія имѣнія, вѣроятно, были проданы. Отъ Степана остались два сына Иванъ и Петръ. Старшій воспитывался за границей и должно быть тамъ-же поступилъ въ одну изъ масонскихъ ложъ, такъ какъ, вернувнись домой, онъ уже считался масономъ. Въ молодости онъ служилъ въ Новгородъ-Сѣверскомъ земскомъ судѣ засѣдателемъ, а потомъ, выйдя въ отставку, переселился въ конотопскій уѣздъ; здѣсь онъ купилъ у князя А. К. Разумовскаго богатое имѣніе (село Подлипное) и поселился около него хуторомъ (хуторъ Скибенцы), который купилъ у Кандибъ. Въ Скибенцахъ онъ жилъ уединенно, занимаясь преимущественно украшеніемъ своего сада. Имѣнія его перешли къ побочной его дочери, бывшей замужемъ за маіоромъ Н. Константиновымъ. Младшій братъ Степана Петръ сначала служилъ въ военной службѣ, а потомъ жилъ въ Полковничьей Слободѣ. Имѣнія его перешли, за единственной его дочерью, въ родъ Писаревичей (въ п. Воронежѣ, глуховскаго уѣзда). Другой братъ Григорія Якимъ (10) благосостояніе своей семьи устроилъ женитьбою на дочери богатаго конотопскаго сотника Андрея Лизогуба. По окончательному раздѣлу Лизогубовскихъ имѣній на жену Якима Кулябки досталась половина села Кропивной (конотопскаго уѣзда) и половина с. Погребковъ (кролевецкаго уѣзда).

Получивъ за женою богатое приданое, Якимъ Кулябка тяготился службою и всячески уклонялся отъ нея. Когда бунчуковыхъ товарищей нарядили, по распоряженію Петра Великаго, въ гилянскій походъ (1724 г.), то Кулябка, желая избѣжать этого похода, рѣшился было перейти въ духовенство. Марковичъ въ своихъ запискахъ отмѣчаетъ: «посланъ листъ до старшины лубенской о

Якиму Кулябцѣ, жебы онъ сказку далъ о себѣ инакшую», т. е., что онъ готовъ будетъ въ походъ до Гилянъ, «а если, какъ слышно, поѣхалъ онъ въ Кіевъ для поповства, то жебы на вздогонъ послали за нимъ, чтобъ онъ того не дерзалъ чинити» [1]).

9. ЛОМИКОВСКІЕ.

1. *Василій Ломиковскій*, похороненъ въ монастырѣ Мильчецкомъ, около Дубна.
2. *Иванъ*, р. 1654 † 1714 г, хорунжій генеральный 1689 г.; есаулъ генеральный 1696 г.; обозный генеральный 1700 — 1708 г. Жена *Марья Карповна Мокріевичъ* 1
3. *Иванъ*, господарь гадяцкаго замка, † 1750 г. Жена *Татьяна Даниловна Апостолъ* 2
4. *Владиміръ* 2
5. *Михайло* 2
6. *Илья* 2

   Елена. Мужъ *Семенъ Мировичъ* 2

   Дочь. Мужъ *Данило Лаврентьевичъ Ханенко* 2
7. *Павелъ*, бунчуковый товаришъ; управляющій имѣніями гетмана Разумовскаго 1750 г.; судья земскій менской 1764 г.; подкоморій менской 1768 г., надворный совѣтникъ 1784 г.—Жена дочь протопопа нѣжинскаго Яворскаго 3
8. *Петръ*, бунчуковый товарищъ 1730—1761 г. 3
9. *Василій*, служилъ въ казанскомъ драгунскомъ полку 1744 г. 3
10. *Иванъ*, квартирмистръ гусарскаго Стоянова полка 1744 г. 3

    Дочь. Мужъ *Михаилъ Стояновъ*, полковникъ сербскаго гусарскаго полка.

    Настасья. Мужъ *Иванъ Андреевичъ Марковичъ*. 3

    Дочь. Мужъ *Иванъ Корицкій*, сотникъ опошанскій 3
11. *Яковъ*, р. 1742 г.; поручикъ 1772 г. Жена *Марья Васильевна Родзянко*. Имѣнія въ Милюшкахъ, Шафоростовѣ и Панасовкѣ . . . 8
12. *Павелъ*, р. 1743 г.; прапорщикъ 1782 г. Жена *Елисавета Ивановна Кулябка*. Имѣнія въ Милюшкахъ и Шафоростовкѣ 8
13. *Алексѣй*, ротмистръ 1798 г. Жена *Елисавета Раковичъ*. 10
14. *Николай*, поручикъ 1798 г. 10
15. *Иванъ*, маіоръ 1798 г.. 10
16. *Петръ*, хорунжій харьковскій 1798 г. 10

Ломиковскіе были волынскіе выходцы. Одинъ изъ нихъ Иванъ Васильевичъ Ломиковскій присталъ къ Ханенку и въ то время, когда послѣдній гетманствовалъ въ Умани, Ломиковскій былъ у

[1]) Изъ подлинника записокъ. Ср. въ печати, т. I, ст. 55.

него генеральнымъ писаремъ; а когда Ханенко отказался отъ булавы, Ломиковскій поступилъ на службу къ Самойловичу, въ число его «дворянъ». Службу Ивана Ломиковскаго Самойловичъ наградилъ въ 1680 г. селомъ Вишеньками: «вамъ войтови и всѣмъ громаднимъ посполитымъ людемъ, с. Вишенокъ обывателемъ, ознаймуемъ, ижъ съ респекту нашего рейментарского надалисмо п. Ивановѣ Ломиковскому, товаришеви войсковому, щоденне (ежедневно) при дому нашомъ на войсковыхъ услугахъ працуючому, у власть и въ завѣдованіе село Вишенки, до ласки нашой войсковой, отколь маетъ быти ему п. Ломиковскому до вспартя господарства (для хозяйства) всякая услуга и выгода»... Около этого-же времени Иванъ Ломиковскій и женился на дочери Карпа Мокріевича, бывшаго генеральнымъ писаремъ при Многогрѣшномъ. При Мазепѣ Ломиковскій сдѣланъ былъ сначала генеральнымъ хоружимъ, причемъ къ Вишенкамъ Мазепа прибавилъ ему село Вербу, въ понорницкой сотнѣ. Скоро затѣмъ Ломиковскій сталъ однимъ изъ близкихъ людей къ Мазепѣ, который выпросилъ ему у царя почетное званіе стольника, сдѣлалъ генеральнымъ есауломъ и далъ два богатыя села: Понорницу и Парафіевку. Да самъ Ломиковскій успѣлъ пріобрѣсти за это время покупкою не мало разныхъ мельницъ и грунтовъ. Всѣ эти маетности утверждены были за нимъ царскою грамотою 1702 г. Впослѣдствіи Ломиковскій получилъ отъ гетмана еще два села: Лавы и Топаль. Лавы онъ отдалъ старшему сыну Ивану, который въ это время былъ уже женатъ. А когда умеръ около этого времени Василій Борковскій, Ломиковскій получилъ высшій послѣ гетмана урядъ въ войскѣ—генеральнаго обознаго.

Когда Мазепа рѣшился на измѣну, Ломиковскій болѣе всѣхъ изъ приближенныхъ гетмана настаивалъ на неизмѣнности этого рѣшенія и вмѣстѣ съ полковниками Горленкомъ, Апостоломъ и Зеленскимъ предложилъ Мазепѣ поклясться передъ ними, что онъ не отступитъ отъ этого рѣшенія, на что «Мазепа и соизволилъ по долгомъ себѣ о томъ стужаніи и велѣлъ обозному Ломиковскому, абы онъ самъ такую, якая имъ угодна будетъ, клятвенную роту написалъ» [1]). Вообще въ дѣлѣ Мазепиной измѣны Ломиковскій игралъ едва-ли не первостепенную роль; его настоянія дѣйствовать

[1]) Основа 1862 г., № 10, 21.

рѣшительнѣе иногда выводили Мазепу изъ себя. Разъ Орликъ передалъ гетману желаніе главныхъ его совѣтниковъ не медлить извѣщеніемъ шведскаго короля о задуманномъ дѣлѣ; разгнѣванный Мазепа закричалъ: «знаю я, что не кто иншій тое переговариваетъ, токмо тотъ чортъ лысый Ломиковскій!» [1]). А когда 24 октября Мазепа приблизился около сосницкаго села Орловки къ шведскимъ войскамъ, Ломиковскій первымъ былъ посланъ къ Карлу съ извѣщеніемъ о приходѣ Мазепы.

Послѣ полтавскаго сраженія Мазепа бѣжалъ вмѣстѣ съ Карломъ; побѣжали за нимъ и его сторонники, потерявъ, кромѣ нажитыхъ богатствъ, и всѣ свои надежды. Бѣглецы остановились въ Яссахъ и не зная, куда и зачѣмъ бѣжать дальше, оселились здѣсь. Весною 1710 г. умеръ Мазепа; въ его мѣсто бѣглецы нашли нужнымъ выбрать новаго гетмана и выбрали Орлика; постановлены были при этомъ, какъ водилось прежде, и «статьи» [2]). Но мало вѣрили въ осуществленіе этихъ «статей» ясскіе бѣглецы, что лучше всего видно изъ духовнаго завѣщанія Ломиковскаго, которое онъ написалъ въ тѣхъ-же Яссахъ, въ 1711 г., будучи въ это время шестидесятилѣтнимъ старикомъ. Распорядивъ свои маетности межъ дѣтьми, «если Господь Богъ милосердный дастъ прійти до зупольной ихъ поссесіи» (если имѣнія возвратятся въ дѣйствительное владѣніе), Ломиковскій съ ходатайствомъ за дѣтей обращается не къ Орлику, а къ Скоропадскому: «при доземномъ уклонѣ моемъ, покорне прошу ясневельможного его милости п. гетмана войскъ запорожскихъ, жебы изволилъ въ милостивой своей опецѣ и ласцѣ дѣтей мои держати». Опекунами надъ дѣтьми Ломиковскій просилъ быть Апостола, Полуботка, Семена Савича, Лукьяна Жураковскаго и Дмитрія Горленка, которые всѣ, не исключая и послѣдняго, ни о какомъ единеніи съ Орликомъ и не думали.

Составъ семьи и отношенія къ ней стараго обознаго видны изъ того-же завѣщанія: «всѣхъ сыновъ моихъ милыхъ—Іоанна старшаго, съ милою женою и коханими чадами, родительско благословляю, Владиміра во всемъ и за все прощаю и, да проститъ его Господь Богъ и да благословитъ, отцевско зычу (желаю) и если

---

[1]) Основа 1862 г., № 10, стр. 23.

[2]) Чтенія Московск. общества ист. и древн. 1858 г., т. I, стр. 242—254.

прійдетъ, по буйныхъ лѣтехъ, въ чувство и статечне (прилично) по Бозѣ житиметь, отъ лежащихъ (недвижимыхъ) добръ не чиню чужда, але родна сына и наслѣдника творю... Илью, яко повинующагося и послушнаго сына, сердцемъ благословляю. Коханую мою дочерь Елену Мировичевую, съ милымъ еи малжонкомъ и кохаными чадами, благословляю... Михайла сына юнѣйшаго, съ братіею и коханою сестрою, равному благословенію Божому вручаю».

Послѣ написанія этого завѣщанія, Ломиковскій жилъ еще года три, тамъ-же въ Яссахъ, и здѣсь же сложилъ онъ свои кости, а не въ печерской обители и не въ рыхловскомъ монастырѣ, какъ желалъ и писалъ въ своемъ завѣщаніи.

Богатыя маетности нажилъ Ломиковскій за тридцатилѣтнюю свою службу войску запорожскому, но не удалось ему передать ихъ своимъ дѣтямъ. Ломиковскій, бѣжавъ съ Мазепою къ Карлу, увелъ съ собою одного только сына Владиміра; остальныхъ сыновей, вмѣстѣ съ своею семьею, долженъ былъ везти за Днѣпръ старшій сынъ обознаго Иванъ. Послѣдній, женатый на дочери Апостола, повезъ сначала свою семью къ тещѣ, въ Сорочинцы, откуда всѣ, вмѣстѣ съ Апостолами, должны были ѣхать въ Крыловъ [1]). Современникъ, черниговскій обозный Павелъ Сангурскій разсказываетъ, что Иванъ Ивановичъ Ломиковскій захватилъ при этомъ съ собою и отрядъ козаковъ: «Иванъ Ломиковскій козаковъ сосницкой сотни ко Днѣпру за шведомъ было запровадилъ; а оные козаки по тракту ко Днѣпру, отъ Сосницы до Кременчука, гдѣ ночлеги были, взаперти за замкомъ содержались; а прибывши ко Днѣпру, когда началъ Иванъ Ломиковскій на тотъ берегъ Днѣпра съ дѣтьми и со всѣмъ домомъ переправляться, въ ту пору, за Божіею помощью, изъ коморъ взаперти будучіе козаки выбилися и кони свои за замкомъ бывшіе отбивши, заразъ повыводили и отъ нихъ измѣнниковъ бѣжали въ домы»... Но всѣ планы старшаго сына обознаго перемѣпились, какъ только онъ узналъ, что тесть его, бросивъ Мазепу, вернулся къ царю; нашелъ нужнымъ вернуться и зять, вмѣстѣ съ младшими братьями, Ильею и Михайломъ. Сначала Ломиковскіе оставлены были въ покоѣ; старшему изъ нихъ (зятю Апостола)

[1]) Молодикъ на 1844 г., стр. 71—75.

[2]) Чтенія моск. общества ист. и древн. 1858 г., т. I, стр. 153.

Скоропадскій нашелъ даже возможнымъ выдать подтвердительный универсалъ на село Лавы, а потомъ въ 1711 г. и самъ тесть далъ зятю въ своемъ полку два села—Ярмаки и Шахворостовку. Но въ 1712 г. «змѣнничихъ сродственниковъ» потребовали въ Москву; потребовали и Ломиковскихъ. За старшаго хлопоталъ тесть: «Апостолъ о зятю своемъ, Ивану Ломиковскому, принесъ челобитную до царскаго величества, ручаючись, подъ лишеніемъ живота своего, что онъ Ломиковскій съ отцемъ своимъ какъ прежде сего не имѣлъ, такъ и теперь никакихъ не будетъ имѣть кореспонденцій и ничего къ нему посылать не будетъ» [1]). Поручительство было принято. Младшіе Ломиковскіе, Илья и Михайло, оставлены были въ покоѣ за молодостію ихъ. Послѣ этого Апостолъ въ 1715 г. далъ зятю и третье село въ своемъ полку,—Милюшки. Но участь Ломиковскихъ все еще окончательно не была рѣшена; при Петрѣ II снова возникъ вопросъ объ ихъ измѣнѣ, «чтобъ ихъ Ломиковскихъ всѣхъ изъ Украйны побрать въ ссылку; и—взято Илью и Михайла, а Ивана объявили больнымъ близъ смерти и для того въ ссылку не взято; а Владиміръ въ турецкой области оженившись, въ Малороссію съ той области не возвратился». Такъ разсказывалъ въ 1739 г. тотъ-же Павелъ Сангурскій.—Илья и Михайло поселены были въ Москвѣ; первый изъ нихъ должно быть тамъ скоро и умеръ, а Михайло жилъ въ Москвѣ еще и въ 1729 г.; въ этомъ году онъ, вмѣстѣ съ другими ссыльными малороссіянами (Горленкомъ, Максимовичемъ и Гамалѣею), просилъ гетмана и старшину вызволить ихъ изъ Москвы: «мы-же кость отъ кости вашея, ибо единыя и тоеяжде матере отчизны малороссійской прибѣдные сынове, добровольно пришедшіе въ царского величества державу, четвертыйнадесять годъ въ Москвѣ пребывающе—и алчемъ, и жаждемъ, и скитаемся, и наготуемъ» [2])...

Успокоился старшій Ломиковскій, когда тесть его сталъ гетманомъ. Апостолъ прежде всего подтвердилъ въ 1729 г. за зятемъ право на три маетности: Шахворостовку, Ярмаки и Милюшки, которыя далъ ему, будучи миргородскимъ полковникомъ; потомъ Иванъ Ломиковскій назначенъ былъ «господаремъ гадяцкаго замка», т. е.

---

[1]) Чтенія моск. общ. ист. и древн. 1858 г., т. I, стр. 269.

[2]) Рукописи П. А. Марковича, теперь въ румянцевскомъ музеѣ.

управителемъ тѣхъ селъ гадяцкаго полка, которыя изстари назначены были въ личное пользованіе гетмана. Эту должность всегда занимали люди близкіе къ гетманамъ, такъ какъ «господарь замка» всегда пользовался и самъ хорошими доходами. Положеніе Ивана Ломиковскаго, когда онъ былъ господаремъ замка, обрисовывается изъ слѣдующей записки тогдашняго гадяцкаго полковника Грабянки, которую онъ писалъ Апостолу въ 1729 г.: «его милость п. Іоанъ Ломѣковскій, господарь замку гадяцкого, мѣючи любезную панну дочерь свою, обѣщанну въ супружество п. Іоану Корицкому, сотникови опошанскому, явственнимъ вѣнчаніемъ, при благословеніи Божіи, въ сихъ числехъ окончити, до которого акту и мене ку услуженію, чрезъ писаніе свое и посланного, изволилъ востребовать, о чомъ ясневелможности вашой позволеня зъ нижайшою покорностію прошу».

Въ 1730 г. Иванъ Ломиковскій умеръ, оставивъ четырехъ сыновей, изъ которыхъ старшій Павелъ въ это время былъ уже бунчуковымъ товарищемъ. Первоначальную службу Павла генеральная канцелярія описывала такъ: «началъ служить съ 1725 г. и съ того года былъ въ низовомъ походѣ въ числѣ прочихъ бунчуковыхъ товарищей, въ продолженіи пяти лѣтъ; въ 1736 и 1737 гг., во время турецкой войны, у прикрытія границъ и у полоненія льду, имѣя подъ командою разныхъ полковъ козаковъ, обрѣтался; въ 1737 г. командированъ въ очаковскій походъ и тамъ при атакѣ и взятіи Очакова и въ сраженіяхъ обрѣтался; въ 1738 г. былъ подъ командою кн. Трубецкаго, въ покупкѣ на армію лошадей; въ 1739 г. былъ въ хотинскомъ походѣ и при взятіи турецкаго лагеря и въ сдачѣ города въ сраженіи съ непріятелемъ находился; въ 1740 г. былъ при заготовленіи провизіи и строеніи квартиръ, мостовъ, конюшенъ и прочихъ потребностей во время слѣдованія турецкаго посла чрезъ Малую Россію, а въ 1744 г., по указу сената, по челобитью борзенскаго жителя Игната Дудки, опредѣленъ былъ къ произвожденію комиссіи и въ оной цѣлый годъ обрѣтался». Подобную-же службу несъ и второй братъ Павла Петръ, начавшій службу въ 1730 году; онъ также участвовалъ во взятіи Очакова и Хотина. Третій братъ Василій служилъ въ казанскомъ драгунскомъ полку, а четвертый Иванъ служилъ въ гусарскомъ Стоянова полку, т. е. въ полку своего зятя.

Изъ четырехъ сыновей Ивана Ломиковскаго одинъ только Павелъ пробилъ себѣ дорогу и сталъ замѣтнымъ человѣкомъ въ современномъ ему обществѣ. Подѣлившись съ братьями, онъ взялъ себѣ сосницкое с. Лавы. Въ Лавахъ онъ велъ безконечный споръ съ своимъ сосѣдомъ черниговскимъ обознымъ Павломъ Сангурскимъ, за какую-то мельницу, устройство которой со стороны Сангурскаго находилъ для себя невыгоднымъ. Въ этихъ спорахъ Ломиковскій, по тогдашнимъ обычаямъ, добивался своего права преимущественно силою, обходя безсильный судъ. Сангурскій въ ноябрѣ 1736 года жаловался, что Павелъ Ломиковскій во время отсутствія его изъ дому «несносныя обиды, разоренія и грабительства ему починилъ», разъ «насылаючи своихъ служителей ночною добою (порою) гребли его, Сангурскаго, разорять», а въ другой, «насбиравши себѣ великое число легкомысленныхъ людей, воровски ночью напалъ и до остатку разорилъ греблю»; и «того ради», продолжаетъ Сангурскій, «въ дворахъ своихъ жадного человѣка, чрезъ его гвалтъ и забойство, удержать не могу, потому что и недавно, гвалтомъ наславши на домъ мой многолюдствіе, взялъ человѣка моего, мордовалъ и невѣдомо по сее число, гдѣ онъ его подѣлъ» [1]).

Въ гетманство Разумовскаго Павелъ Ломиковскій сдѣлался управляющимъ его имѣній, которыми правилъ отъ 1750 до 1764 г. За эту службу онъ получилъ 50 дворовъ въ Сосницѣ, да имѣлъ кромѣ того въ сс. Лавахъ и Хворостовичахъ 327 крестьянъ. Павелъ Ломиковскій мужскаго потомства по себѣ не оставилъ; у него было только семь дочерей.

А. Лазаревскій.

[1]) Архивъ генеральной канцеляріи.

КЪ ВОПРОСУ О ВЛІЯНІИ

греческаго и римскаго свадебнаго ритуала на малорусскую свадьбу.

Къ серьёзному научному изслѣдованію народныхъ обрядовъ и пѣсенъ въ Россіи было приступлено лѣтъ тридцать назадъ, подъ благотворными западно-европейскими культурными вліяніями. Прежде всего обнаружилось стремленіе опредѣлить оригинальную, самостоятельную сторону народныхъ вѣрованій, сказаній, пѣсенъ и обрядовъ, раскрыть поэтическія воззрѣнія народа на природу, насколько они сложились въ древнюю эпоху его жизни, подъ свѣжимъ вліяніемъ религіозно-миѳическаго міросозерцанія, и сохранились въ обрывкахъ и обломкахъ до настоящаго времени въ памяти и бытѣ крестьянъ. Миѳологическая школа ученыхъ внесла цѣнные вклады въ науку о языкѣ и народной поэзіи: собрана была масса сыраго матеріала, объяснено много загадочныхъ явленій народнаго быта. Съ разъясненіемъ источниковъ предразсудковъ и суевѣрій естественно выиграло общественное развитіе и просвѣщеніе.

Въ новое время въ наукѣ возобладала теорія заимствованія повѣрій и сказаній. Сначала теорія эта возникла, какъ поправка и необходимое дополненіе къ миѳологической теоріи, въ силу сознанной необходимости опредѣлить въ народномъ бытѣ и міросозерцаніи инородческія вліянія и иноземные элементы. Безъ такого выдѣленія посторонныхъ элементовъ нельзя опредѣлить степень народнаго труда и своеобразности въ области словеснаго и обрядоваго творчества. Результатомъ научныхъ работъ въ этомъ направленіи было болѣе или менѣе точное опредѣленіе греческихъ, монголо-тюркскихъ и финскихъ вліяній на русскую поэзію и бытъ.

Въ настоящее время ни одинъ изслѣдователь народнаго быта и поэзіи не можетъ обойтись безъ пособія той и другой теоріи, миѳологической и заимствовательной и, смотря по свойству изслѣдуемаго матеріала, становится то на точку зрѣнія натуралистическую, то на точку зрѣнія культурно-психологическую, то смотритъ на предметъ съ точки зрѣнія литературнаго или бытоваго заимствованія.

Сложныя группы обрядовъ и пѣсенъ, напримѣръ, свадьба, рождественскія святки, масляница, представляютъ гордіевъ узелъ изъ разнообразныхъ элементовъ, оригинальныхъ и заимствованныхъ, съ тѣмъ различіемъ отъ классическаго гордіеваго узла, что въ классической древности нашелся Александръ Македонскій, который однимъ ударомъ меча разсѣкъ этотъ узелъ, а въ области народоизученія не можетъ быть столь быстраго разрѣшенія спорнаго вопроса, и всѣ ученые, бравшіе на себя смѣлость давать категорическія объясненія народныхъ пѣсенъ, обрядовъ и вѣрованій, въ дѣйствительности большею частью вносили въ неразгаданную тайну явленій народной жизни свое личное заблужденіе и такимъ образомъ лишь затемняли предметъ изслѣдованія и затрудняли новыхъ изслѣдователей въ разысканіи истины.

Объстоятельное изученіе свадебныхъ обрядовъ и пѣсенъ славянскихъ народовъ приводитъ, во первыхъ, къ тому заключенію, что всѣ славянскія свадьбы въ основныхъ своихъ чертахъ сходны и могутъ быть возведены къ одному цѣльному древне-славянскому свадебному ритуалу, во вторыхъ, къ тому, что всѣ славянскія свадьбы народны, по связи своей со всѣмъ бытомъ народнымъ, по своей зависимости отъ общихъ народныхъ понятій о жизни общественной и семейной, общаго народнаго уровня духовной и матеріальной культуры. Признавая въ славянскихъ свадьбахъ своеобразность, оригинальность, нельзя однако не замѣтить присутствія въ нихъ инородческихъ началъ. Такъ, въ чешской свадьбѣ встрѣчаются нѣмецкіе обряды и термины, въ болгарской и сербской турецкіе, на сѣверо-востокѣ Россіи татарскіе.

Въ свадьбахъ восточныхъ и южныхъ славянъ, въ особенности въ болгарской и малорусской свадьбахъ, обнаруживаются черты и особенности греческаго и римскаго свадебнаго ритуала. Сопоставленіемъ сходныхъ фактовъ и явленій греческаго и малорусскаго

свадебнаго ритуала мы имѣемъ въ виду указать не столько на дѣйствительное вліяніе съ одной и заимствованіе съ другой стороны, сколько на возможность такого вліянія и заимствованія.

«Эта чудная сторона, говоритъ Тэнъ о Греціи, какъ-то радостно настраиваетъ душу и склоняетъ человѣка смотрѣть на жизнь, какъ на празднество... У грека самыя серьёзныя идеи и учрежденія принимаютъ смѣющійся оттѣнокъ; его боги—блаженные, никогда неумирающіе боги. Живутъ они на верхахъ Олимпа, которыхъ не покачнетъ никакой вѣтеръ, которыхъ никогда не мочитъ дождь, куда и не подходитъ снѣгъ, гдѣ открывается безоблачный эфиръ. Тамъ въ чертогѣ ослѣпительной красы, сидя на золотыхъ престолахъ, пьютъ они нектаръ и вкушаютъ амвросію. Вѣчный пиръ при полномъ освѣщеніи—вотъ небо грека; поэтому самая прекрасная жизнь та, которая всего ближе подходитъ къ такой жизни боговъ... Религіозные обряды не что иное, какъ веселый пиръ, которымъ остаются довольны сами боги. Главные праздники—чисто оперныя представленія. Трагедія, комедія, плясовые хоры, гимнастическія упражненія составляютъ часть богослуженія...» [1]) Древнегреческая свадьба имѣетъ характеръ величественной драмы, съ увлекательными, полными движенія актовыми дѣленіями.

Въ Одиссеѣ обнаруживаются уже всѣ главныя черты греческаго свадебнаго ритуала: обрядовое купанье, пиршество съ пѣніемъ, музыкой и танцами, торжественное провожаніе молодой въ домъ новобрачнаго (XXIII, 131, 133; IV, 3, XI, 415, XVIII, 279). Бракосочетанію предшествовало жертвоприношеніе Зевсу и Герѣ со стороны родителей жениха и невѣсты. Прототипомъ человѣческаго брака былъ небесный, бракъ Зевса—неба и Геры—земли, ежегодно прославляемый въ видѣ священнаго драматическаго дѣйствія въ храмахъ Аѳинъ и Киоса. Во время жертвоприношенія Герѣ желчь жертвенныхъ животныхъ выбрасывали изъ храма, чтобы жизнь новобрачныхъ не была горькой. Кромѣ высшихъ покровителей брака Зевса и Геры, на свадьбахъ жертвенное приношеніе получали еще богиня любви Аѳродита и разныя мѣстныя божества,— городскіе пенаты: въ Эфесѣ Артемида, въ Беотіи Эвклея, въ Мегарѣ Ѳѳиноя, въ Аѳинахъ Аѳина. Въ Аѳинахъ дѣвушки, выходя замужъ, посвя-

[1]) *Тэнъ*, Чтенія объ искусствѣ, стр. 311, 315.

щали часть своихъ головныхъ волосъ богинѣ Артемидѣ. Молодыхъ вели въ храмъ, гдѣ ихъ благословлялъ жрецъ, что служило одновременно религіознымъ освященіемъ и юридическимъ закрѣпленіемъ брачнаго союза. Однимъ изъ главныхъ проявленій древне-греческой свадьбы было обрядовое купанье, причемъ воду приносилъ мальчикъ, близкій родственникъ невѣсты изъ священнаго источника, въ Аѳинахъ изъ Каллироя, въ Ѳивахъ изъ Исмена. Въ день свадьбы вечеромъ невѣсту везли на повозкѣ въ домъ новобрачнаго, въ сопровожденіи жениха, женихова пріятеля (дружка), родственниковъ и знакомыхъ, въ яркихъ цвѣтныхъ одеждахъ, съ вѣнками на головѣ. Невѣста съ закрытымъ лицемъ сидѣла между женихомъ и дружкомъ. Впереди шли съ факелами, пѣніемъ и музыкой. Въ домѣ новобрачнаго слѣдовалъ брачный пиръ, во время котораго молодые ѣли хлѣбъ, спеченный съ медомъ; удалившись въ спальную комнату, молодые ѣли квитовыя яблоки,—мистическій символъ плодородія. Дружко становился около дверей опочивальни, а молодежь пѣла веселыя пѣсни. Послѣ первой брачной ночи молодая посвящала Герѣ свое брачное покрывало и получала отъ мужа и родныхъ подарки [1]).

Въ Греціи были мѣстные свадебные обряды, встрѣчавшіеся въ одной, двухъ областяхъ и неизвѣстные въ другихъ. Такъ, въ Аѳинахъ во время свадебнаго пира мальчикъ, родители котораго были живы, съ вѣнкомъ изъ дубовыхъ листьевъ на головѣ, совершалъ круговращательный танецъ съ хлѣбомъ въ рукахъ, причемъ говорилъ: все дурное я изгналъ и нашелъ все лучшее. Въ Беотіи сожигали оси той повозки, на которой была привезена невѣста, какъ-бы лишая ее такимъ образомъ возможности вернуться въ отчій домъ [2]). При сравнительномъ обзорѣ свадебныхъ обрядовъ, значительный интересъ представляетъ еще существовавшее въ древней Македоніи обыкновеніе разрубывать свадебный хлѣбъ мечемъ, за что молодые должны были платить [3]).

---

[1]) *Lasaulx*, Studien des classisch. Alterthums. 429—432; *Schoemann*, Griech. Alterth. II. 493, 496; *Rossbach*, Unters. über d. röm. Ehe, 213—228.

[2]) *Hermann*, Lehrbuch d. griech. Privatalterth. 239.

[3]) *Lasaulx*, Stud. d. classisch. Alterth. 434.

Греческій свадебный ритуалъ глубоко коренился въ религіозныхъ вѣрованіяхъ народа и потому естественно долженъ былъ отличаться большою устойчивостью и прочностью. Даже аѳиняне, народъ въ высшей степени причудливый и свободомыслящій, питали большое уваженіе къ древнимъ предметамъ и обрядамъ. Все, что отзывается древностью, по замѣчанію Фюстель-Куланжа, было священно для аѳинянина. У него были древніе сборники, въ которыхъ изложены были обряды, и никогда онъ не уклонялся отъ нихъ; если-бы жрецъ посмѣлъ ввести въ богослуженіе малѣйшую новость, его предали-бы смерти. Самые странные обряды соблюдались изъ вѣка въ вѣкъ... [1])

Главныя черты древне-греческой свадьбы: обрядовое купаніе невѣсты, обрядный хлѣбъ, обрядное присутствіе мальчиковъ перешли въ ново-греческую свадьбу. Въ настоящее время, какъ и въ древности, греческіе свадебные обряды различны по мѣстностямъ. Въ южной части Македоніи, населенной греками, въ особенности выдается обрядовое употребленіе на свадьбахъ хлѣба, при участіи дѣтей. Такъ, въ понедѣльникъ къ невѣстѣ собираются ея подруги и отбираютъ зерно для свадебныхъ пироговъ. Во время этой работы комната оглашается хохотомъ и пѣснями. Въ среду веселое общество снова собирается. Къ молодымъ дѣвушкамъ присоединяются родственники и друзья семейства, являющіеся вечеромъ, чтобы помочь мѣсить тѣсто. Въ комнату вносится квашня и наполняется мукою. На одномъ концѣ квашни укрѣплено сѣдло, на которое садится мальчикъ, опоясанный мечемъ; съ другаго конца становится дѣвочка, которая должна первая замѣсить своими маленькими руками тѣсто и опустить въ него кольцо и золотыя монеты. Эти дѣти выбираются изъ самыхъ веселыхъ и счастливыхъ малютокъ. Обычай этотъ указываетъ жениху на его обязанность заботиться, когда онъ будетъ мужемъ, о защитѣ семьи; невѣстѣ-же онъ напоминаетъ о томъ, что она должна радѣть о домашнемъ хозяйствѣ. Послѣ того, какъ дѣвочка мѣсила тѣсто, ее смѣняютъ болѣе опытныя руки; затѣмъ тѣсто оставляется до слѣдующаго дня, когда оно раздѣляется на нѣсколько частей и въ этомъ видѣ раздается всѣмъ присутствующимъ; каждый старается найти кольцо, которое

[1]) *Фюстель—Куланжъ*, Древнее общество, стр. 323.

было опущено въ тѣсто, и тотъ, кто находитъ, получаетъ впослѣдствіи подарокъ при возвращеніи кольца жениху. Послѣ этого тѣсто снова смѣшивается въ одну массу и изъ него дѣлается «пропкасто» (свадебный пирогъ) и множество другихъ печеній. Въ четвергъ «пропкасто» ставится въ сосудъ, наполненный водою, и вокругъ него, послѣ веселаго обѣда, молодежь обоего пола пляшетъ въ три пріема, распѣвая пѣсни. Затѣмъ пирогъ снимается, разламывается на куски и вмѣстѣ съ фигами и другими плодами его бросаютъ черезъ головы жениха и невѣсты. Дѣти, бросающіяся подбирать эти лакомства, прикрываются простынею. Фиги и куски пирога знаменуютъ изобиліе, а дѣти, прикрываемыя простынею, служатъ эмблемой плодовитости будущихъ супруговъ.

Изъ другихъ обрядовъ греческой свадьбы заслуживаютъ вниманія еще слѣдующіе: торжественное заплетеніе косы невѣсты, опоражниваніе кувшина воды въ воротахъ дома женихова отца передъ отправленіемъ жениха въ церковь, потчиваніе жениха кольцеобразнымъ пирогомъ, причемъ половину пирога съѣдаетъ женихъ, половину невѣста, торжественное опоясываніе жениха, осыпаніе молодыхъ конфектами, троекратное обхожденіе молодой на другой день послѣ свадьбы вокругъ колодца и бросаніе въ него мелкихъ денегъ и слѣдующее затѣмъ поливаніе воды на руки мужа [1]).

Нѣкоторые изъ обозначенныхъ выше обрядовъ соблюдаются у новыхъ грековъ въ большіе праздники, преимущественно въ Рождество Христово. Такъ, на Іоническихъ островахъ въ рождественскій хлѣбъ *куллуру* кладутъ золотую монету. «Куллура» — круглый хлѣбъ, съ отверстіемъ въ серединѣ въ родѣ вѣнка, приготовляемый изъ пшеничной муки съ изюмомъ и кунжутовыми зернами. Нашедшій золотую монету беретъ ее себѣ. «Куллуру» ѣдятъ торжественно домохозяева и даютъ ее скоту [2]).

Сношенія славянъ съ греками начались въ глубокой древности. Классическій орнаментъ на скандинавскихъ подѣлкахъ древняго желѣзнаго періода указываетъ на воздѣйствіе греческихъ колоній въ Скиѳіи [3]).

---

[1]) *Дочь и жена консула*, двадцать лѣтъ пребыванія среди грековъ, болгаръ, турокъ, т. II, стр. 66—70.

[2]) *Schmidt*, Das Volksleben d. Neugriechen, т. I, стр. 63.

[3]) *А. И. Веселовскій*, въ Сборн. акад. наукъ, т. XXXII, стр. 103.

Во время великаго переселенія народовъ славяне проникли въ отдаленные углы элинскаго міра на европейскомъ материкѣ, въ Македонію, Эпиръ и Элладу. Въ восьмомъ вѣкѣ страны эти иногда прямо назывались славянскими, Terra slavonica. Названіе «Морея» считаютъ измѣненнымъ славянскимъ словомъ Морава. Византійскіе писатели VIII, IX и X ст. жалуются на славянизацію Греціи. Такъ, въ одной географической христоматіи этого времени сказано, что «весь Эпиръ и почти вся Эллада, Пелопонесъ и Македонія населены нынѣ скиѳскими славянами» [1]). При столь тѣсной связи грековъ съ славянами естественно происходило обоюдное вліяніе, грековъ на славянъ относительно культуры, повѣрій и обрядовъ, славянъ на грековъ преимущественно въ отношеніи физіологическомъ, по крови. Верхъ брала греческая сторона, какъ болѣе культурная, исторически выработавшаяся. «Носительница высшей культуры и христіанской вѣры, гордая сознаніемъ своихъ заслугъ, Византія имѣла для славянъ въ IX вѣкѣ такое же значеніе, какое имѣетъ въ настоящее время Россія на востокѣ. Не столько силой оружія, какъ дипломатіей и превосходствомъ въ умственномъ и гражданскомъ отношеніяхъ, Византійская имперія привлекала подъ свое вліяніе южныя и восточныя славянскія племена, находившіяся тогда въ періодѣ перехода отъ племенной къ государственной жизни. Сила разнообразныхъ вліяній, которыя неизбѣжно распространялись отъ Византіи къ славянамъ, не ограничивалась ближайшими племенами Ѳракіи и Македоніи, но шла при посредствѣ ихъ къ сербамъ, болгарамъ и моравамъ, а черезъ Крымъ и къ русскимъ. Было-бы весьма ошибочно измѣрять область византійскихъ вліяній на славянъ протяженіемъ имперіи въ IX вѣкѣ. Точно также нельзя думать о способѣ распространенія византійской образованности въ границахъ опредѣленнаго періода. Византійзмъ дѣйствуетъ между славянами съ VI вѣка, постепенно приготовляя изъ нихъ культурные народы, предопредѣленные принять и развивать далѣе усвоенное отъ Византіи. Соприкосновенія между греками и славянами были разнообразны и не ограничивались извѣстнымъ мѣстомъ и временемъ» [2]).

---

[1]) *Cuno*, Forschungen in Gebiete d. alt. Volkerkunde, т. I, стр. 33.

[2]) *Ѳ. Успенскій*, въ «Кіевской Старинѣ», 1885 г., май, стр. 108.

Обращаясь ближайшимъ образомъ къ свадебнымъ обрядамъ, можно допустить, что переходъ греческихъ свадебныхъ обрядовъ въ южную Россію могъ совершаться или при посредствѣ южныхъ славянъ, преимущественно болгаръ, или непосредственно черезъ сношенія южно-руссовъ съ греками, не столько политическія, религіозно-церковныя и литературныя, сколько черезъ торговыя.

Посредствующее значеніе болгарская свадьба потому могла играть, что среди коренныхъ славянскихъ обрядовъ болгарской свадьбы находится довольно много обрядовъ греческаго происхожденія; напримѣръ, свадебный хлѣбъ «мединикъ» представляетъ почти полное повтореніе древне-греческаго «мединика» и ново-греческаго «пропкасто». У болгаръ Лѣсковца молодая кладетъ по краямъ колодца просо; въ Панагюриштѣ во время свадьбы кладутъ въ ведро золотую монету (Смотри мое сочиненіе о свадебныхъ обрядахъ, 101),—обряды, сильно напоминающіе греческій свадебный ритуалъ.

Торговыя сношенія южной Россіи съ Греціей, оживленныя и частыя въ первые вѣка русской исторіи, на время было ослабѣли, въ слѣдствіе татарскаго погрома. При Ягеллонахъ снова стали развиваться торговыя сношенія съ Греціей. Въ XV столѣтіи пшеница явилась важной отраслью внѣшней отпускной торговли литовской Руси. Изъ Малороссіи отправляли на югъ въ продажу много хлѣба, частью сухимъ путемъ, частью по Днѣпру, большею частью по Днѣстру и Бугу. Украинская пшеница шла въ Крымъ (въ Кафу), въ Грецію, въ страны, прилегающія къ Средиземному морю. Въ особенности процвѣтала южно-русская заграничная хлѣбная торговля въ двухъ черноморскихъ портахъ, въ Хаджибеѣ, находившемся между Днѣстромъ и Бугомъ, и въ Бѣлгородѣ, или Акерманѣ, при устьѣ Днѣстра. Въ этихъ пунктахъ, повидимому, происходилъ живой обмѣнъ товаровъ между малоруссами и греками. По свидѣтельству Длугоша, византійскій императоръ Мануилъ, тѣснимый турками, просилъ въ 1415 г. польскаго короля Ягелла оказать ему помощь хлѣбомъ. Ягелло приказалъ отправить пшеницу въ Хаджибей, гдѣ ее и забрали греки. Изъ Бѣлгорода при королѣ Казимірѣ Ягелловой династіи подольская пшеница вывозилась въ средиземноморскія страны до Кипра. Въ половинѣ XV ст. южно-русской хлѣбной торговлѣ благопріятствовало, между прочимъ, и то обстоятельства, что крымскимъ ханомъ въ это время былъ Девлетъ-Хаджи-

Гирей, питавшій къ Литвѣ хорошее расположеніе, и потому удерживавшій перекопскихъ татаръ отъ грабежа и разоренія литовской Руси [1]). Въ концѣ XV ст. политическое положеніе южной Европы измѣнилось въ очень неблагопріятномъ для южной Руси смыслѣ. Въ 1475 году Магометъ II отнялъ у генуэзцевъ Кафу, у литовцевъ Бѣлгородъ. Сынъ и преемникъ его Баязетъ II захватилъ въ 1485 г. Килію. Въ 1490 г. татары разорили Хаджи-бей и построили на его мѣстѣ укрѣпленіе Очаковъ. Такимъ образомъ турки явились полными хозяевами на берегахъ Чернаго моря. На южно-русскую торговлю не могло не оказать вліянія другое великое событіе конца XV ст., открытіе морскаго пути въ Индію и открытіе Америки. Центръ тяжести въ торговлѣ изъ южно-европейскихъ странъ, съ береговъ Чернаго и Средиземнаго морей перешелъ на сѣверъ Европы, на берега Балтійскаго моря. При всемъ томъ въ концѣ XV ст. и въ XVI ст. южно-русская торговля съ средиземноморскими странами продолжалась, хотя и въ слабой степени, продолжалась въ силу заграничнаго спроса на южно-русскую пшеницу, тѣмъ болѣе, что литовско-польская граница шла не далеко отъ береговъ Чернаго моря, и польскіе короли заключали съ Турціей договоры о свободномъ отправленіи торговли на сушѣ и морѣ.

Хотя не подлежитъ сомнѣнію, что болѣе или менѣе значительная часть южно-русской торговли XV и XVI ст. шла черезъ руки евреевъ, которые уже въ то время дѣйствовали съ помощью капитала и протекціи магнатовъ, однако въ барышахъ отъ торговли были и коренные жители, малоруссы, литовцы, поляки [1]). Живое торговое общеніе вело къ общенію бытовому въ обширномъ смыслѣ этого слова, относительно сказаній, повѣрій и обрядовъ. Общеніе народовъ греческаго и малорусскаго и перенесеніе сказаній и обычаевъ съ балканскаго полуострова въ южную Россію могло совершаться различными путями, въ значительной степени посредствомъ многочисленныхъ въ старинное время бродячихъ, шляющихся людей: странниковъ мірянъ, нищихъ монаховъ, мелкихъ торговцевъ, возвратившихся изъ турецкой неволи плѣнниковъ.

Вліяніе отдаленнаго Рима на славянскую, въ частности южно-русскую обрядность не можетъ быть отвергаемо. Вліяніе это шло

---

[1]) *Jaroszewicz*, Obraź Litwy, т. II, стр. 93—94.

отъ ближайшихъ къ славянамъ римскихъ поселенцевъ Дакіи, съ первыхъ вѣковъ христіанской эры, и повидимому было довольно значительно. Достаточно сильнымъ доказательствомъ обширнаго вліянія римскаго міра на славянъ въ древности служитъ названіе художественныхъ святокъ колядой, коледой, отъ латинскихъ январьскихъ calendae. Замѣна древняго народнаго названія праздника латинскимъ предполагаетъ непосредственное знакомство славянъ съ древне-римскимъ міромъ. По мнѣнію профессора М. С. Дринова, реченіе это было заимствовано славянами въ Дакіи и ея окрестностяхъ въ то время, когда нѣкоторыя изъ тамошнихъ славянскихъ племенъ приведены были во временную зависимость отъ римлянъ Траяномъ [1]). Греко-римскій элементъ въ славянскихъ святочныхъ обрядахъ и вѣрованіяхъ отчасти разъясненъ А. Н. Веселовскимъ въ VII части «Розысканій въ области русскаго духовнаго стиха». Указывая на замѣчательное сходство современныхъ европейскихъ святочныхъ обычаевъ, А. Н. Веселовскій замѣчаетъ: «многое можно объяснить единствомъ натуралистическихъ представленій, легшихъ въ ихъ основу; вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ общемъ есть частности и совпаденія, невольно вызывающія вопросъ о возможности одного древняго культурнаго вліянія, распространявшагося разновременно и оставившаго слѣды въ очертаніяхъ новаго обряда» [2]). Далѣе, А. Н. Веселовскій разъясняетъ, что это было классическое вліяніе. Вс. Ѳ. Миллеръ въ изслѣдованіи о русской масляницѣ исходнымъ пунктомъ поставилъ древне-римскія празднества въ честь нарождающагося солнца, которыя начинались съ конца декабря и продолжались до половины марта. Маски и переодѣванія, бѣганья по улицамъ, конскія ристанія, зажиганіе огней въ храмѣ Весты, разгулъ, поминовеніе покойниковъ—таковы были существенныя черты древне-римскихъ солнечныхъ праздниковъ, перешедшія и въ западно-европейскій карнавалъ и отчасти проникшія въ русскую масляницу [3]). Разъ славянскіе обряды носятъ на себѣ черты вліянія римскихъ праздниковъ рожденія солнца, уже *a priori* можно при-

[1]) *Дриновъ*, Заселеніе балканскаго полуострова славянами, Москва, 1873 г., стр. 76.

[2]) *А. Веселовскій*, Сборникъ академіи наукъ, т. XXXII, стр. 103.

[3]) *Вс. Миллеръ*, Руская масляница и западно-европейскій карнавалъ, Москва, 1884 года.

знать возможнымъ вліяніе римскаго свадебнаго ритуала. Характерными чертами главнаго, патриціальнаго римскаго брака, *confarreatio*, были жертвоприношеніе богамъ животныхъ и хлѣба, обрядовое обхожденіе вокругъ алтаря съ огнемъ и водой, присутствіе мальчиковъ, гимны и молитвы—«Solemnia verba».

Жертвенныя животныя при confarreatio были свинья, корова, преимущественно овца. На шкурѣ зарѣзанной для жертвоприношенія овцы усаживали молодыхъ.

Главнымъ предметомъ жертвоприношенія при confarreatio, какъ видно изъ самаго названія этого священнодѣйствія, былъ пшеничный хлѣбъ, panis farreus, libum farreum. Пшеница въ глубокой древности составляла въ Лаціумѣ главный предметъ земледѣльческой культуры, была почти единственнымъ, употребляемымъ въ пищу, хлѣбнымъ зерномъ и потому заняла видное мѣсто въ религіозныхъ обрядахъ. Пшеничнымъ зерномъ осыпали алтарь и жертвенное мясо. Изъ пшеницы, съ примѣсью соли, приготовляли жертвенные хлѣбы, mola salsa, far pium. Римскій свадебный хлѣбъ приготовлялся съ медомъ и масломъ и по приготовленію и употребленію тождественъ съ болгарскимъ свадебнымъ медникомъ. По словамъ Сервія: liba sunt placenta de farre, melle et oleo, sacris aptae. Liba составляла предметъ жертвоприношенія земледѣльческимъ богамъ, Теллусъ, Церерѣ, на свадьбахъ и большихъ годовыхъ праздникахъ. Либу бросали въ огонь, пылавшій на жертвенникѣ.

Обрядовое покрываніе головы невѣсты краснымъ платкомъ (flammeum) составляло важную часть римской свадьбы. Обрядъ этотъ назывался nubere, obnubere. Замужняя женщина у римлянъ ходила всегда съ повязанной головой. Ярко-красный цвѣтъ фламмеума служилъ символомъ огня солнечнаго и домашняго очага.

Обрядовое употребленіе огня и воды составляло необходимую принадлежность римской свадьбы, безъ различія формы бракосочетанія и сословнаго положенія брачущихся. Обрядъ igni et aqua accipi совершался различнымъ образомъ: мальчики и дѣвочки приносили воду изъ священнаго источника, мыли невѣстѣ ноги, присутствовали съ водой и огнемъ въ рукахъ при обхожденіи молодыхъ вокругъ алтаря. Основное значеніе обрядъ этотъ имѣлъ при вступленіи новобрачной въ домъ мужа, какъ *domum deductio*, юридическое признаніе полноправности молодой замужней женщины въ распо-

ряженіи главными предметами домашней жизни, огнемъ и водой. Молодую встрѣчали на порогѣ съ огнемъ и водой: «ignis et aqua... nuptiis in limine adhibentur», по словамъ Варрона.

Обрядъ igni ассірі состоялъ въ томъ, что передъ отправленіемъ невѣсты въ домъ новобрачнаго въ домѣ ея родителей зажигали факелъ и мальчикъ несъ его впереди поѣзда невѣсты въ домъ новобрачнаго. Это былъ fax in honorem Cereris,—факелъ во славу Цереры.

Значеніе aqua ассірі заключалось преимущественно въ томъ, что невѣста переносила изъ родительскаго дома въ домъ мужа воду и здѣсь разливала ее, вѣроятно, на порогъ,—по словамъ Феста,—aqua aspergebatur nova nupta.

Важное значеніе въ римскомъ свадебномъ ритуалѣ имѣлъ мальчикъ, называемый Камилломъ (camillus), который при переѣздѣ невѣсты въ домъ молодаго несъ cumerum—коробку съ хлѣбнымъ зерномъ [1]).

Древняя южнорусская свадебная обрядность неизвѣстна. Въ посланіи Владиміра Мономаха къ Олегу есть указаніе на обыкновеніе пѣть на свадьбахъ пѣсни: «А сноху мою послати ко мнѣ, писалъ Владиміръ Мономахъ, запе нѣсть въ ней ни зла, ни добра, да быхъ обунмъ оплакалъ мужа ея и оны свадбы ею, въ пѣсний мѣсто: не видѣхъ бо ею первѣе радости, ни вѣнчанья ею, за грѣхы своя» [2]).

Изслѣдователь украинскаго свадебнаго ритуала напрасно будетъ пересматривать объемистыя сочиненія кіевскихъ ученыхъ XVII ст., отыскивая въ нихъ документальныя указанія на малорусскую свадебную обрядность. Онъ найдетъ въ нихъ лишь сухія наставленія о святости брака, о супружеской вѣрности и т. п. Почти единственнымъ исключеніемъ въ данномъ случаѣ служитъ «Лиѳосъ» (1644 г.) Петра Могилы. Небольшой отдѣлъ Лиѳоса о бракѣ (стр. 164—170) заключаетъ въ себѣ нѣсколько любопытныхъ указаній на южнорусскіе свадебные обычаи первой половины XVII ст.—по-

---

[1]) *Rossbach*, Untersuchungen über die röm. Ehe. 100—117, 307—328, 361.

[2]) *Лѣтопись* по лаврент. списку, изд. 1872 г., стр. 244.

хищеніе дѣвицъ, подстриганіе волосъ у молодыхъ, пѣніе благодарственныхъ пѣсенъ послѣ свадебнаго обѣда и др. [1]).

Небольшія, но весьма цѣнныя замѣтки о малорусской свадьбѣ XVII ст. находятся въ «Описаніи Украйны» Боплана.

Впервые подробному описанію украинскіе свадебные обряды подверглись во второй половинѣ прошлаго столѣтія. Въ 1777 г. въ Петербургѣ вышло «Описаніе свадебныхъ украинскихъ простонародныхъ обрядовъ въ Малой Россіи и въ слободской украинской губерніи», составленное Калиновскимъ [2]). «Описаніе» это перепечатано въ Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній, относительно до Россіи, изд. Калачова 1854 г., II, 2. Въ «Описаніи» Калиновскаго встрѣчаются любопытныя черты обрядоваго умыканія, покрыванія молодой, зажиганія костра, торжественнаго и обрядоваго присутствія дѣтей.

Недостатокъ старинныхъ записей вознаграждается многочисленностью сдѣланныхъ въ новое время записей малорусскихъ свадебныхъ пѣсенъ и обрядовъ. Большой въ этомъ отношеніи матеріалъ даютъ прежде всего сборники Чубинскаго и Головацкаго, затѣмъ этнографическіе сборники географическаго общества и южнорусскія Губернскія Вѣдомости.

Малорусская свадьба обнаруживаетъ сходство съ греческой свадьбой въ цѣломъ своемъ составѣ и въ частныхъ подробностяхъ, что однако не даетъ повода первую выводить изъ послѣдней. Такое производство уже потому мало убѣдительно, что слишкоиъ широко. Можно говорить только о заимствованіи частныхъ случаевъ и подробностей классическаго свадебнаго ритуала, отвѣчавшихъ общему складу славянской свадьбы, заимствованіи, весьма возможномъ при общеніи народовъ между собою. Съ-чужа бралось то, что напоминало родное, и самое заимствованіе во многихъ случаяхъ состояло не въ механической приставкѣ чужаго къ своенародному, а въ органической ассимиляціи своего съ чужимъ. Бросающееся въ глаза

---

[1]) Подробности въ моей статьѣ «Къ исторіи южнорусскихъ свадебныхъ обрядовъ» въ Кіевской Старинѣ за 1883 г, т. III, стр. 510—514.

[2]) Читатели «Кіевской Старины» ознакомились съ этимъ «Описаніемъ» по небольшой библіографической статьѣ В. Г—ка въ I т. «Кіевской Старины», стр. 505—507.

сходство во всемъ строеніи классическаго и славянскаго свадебнаго ритуала удовлетворительно можетъ быть объяснено происхожденіемъ классическихъ и славянскихъ народовъ изъ одного общаго арійскаго корня и вытекающимъ отсюда племеннымъ родствомъ.

Выдѣляя изъ малорусскаго свадебнаго ритуала черты, напоминающія свадьбу древнихъ классическихъ народовъ, нужно остановиться на обрядномъ употребленіи факела и свѣчи, воды, овчины, на обрядномъ покрываніи головы молодой, отчасти на обрядномъ употребленіи коровая и хлѣбнаго зерна и также отчасти на обрядномъ присутствіи на свадьбахъ дѣтей.

Въ малорусской свадьбѣ igni assirі состоитъ въ торжественномъ обрядномъ употребленіи факела, свѣчи и костра. Въ липецкой слободѣ харьковской губерніи молодыхъ въ домѣ родителей жениха встрѣчаютъ съ зажженнымъ факеломъ, приготовляя его изъ вѣтви дерева, обернутой паклей и облитой дегтемъ [1]), обрядъ чисто классическій во всѣхъ своихъ подробностяхъ и по времени совершенія. Этотъ обрядъ въ Малороссіи встрѣчается однако рѣдко; въ иныхъ мѣстахъ онъ въ значительной степени варьируется, большею частью факелъ замѣняется свѣчей и время примѣненія обряда переносится въ середину свадьбы, къ пріѣзду молодаго въ домъ невѣсты. Во второй половинѣ прошлаго столѣтія было уже въ ходу обрядовое уботребленіе восковой свѣчи «тройчатки» наканунѣ свадьбы, въ субботу, на дѣвичникѣ. Дѣвушка, подруга невѣсты, такъ называемая свѣтилка, сидя въ большомъ углу, держала на козацкой саблѣ, увитой калиновыми вѣтвями съ ягодами, зажженую восковую свѣчу «тройчатку». Женихъ, пріѣхавъ въ домъ родителей невѣсты, въ день свадьбы, становился съ свахой и съ свѣтилкой за порогомъ; къ нимъ на встрѣчу выходила мать невѣсты съ зажженой восковой свѣчей, зажигала находившуюся въ рукахъ свѣтилки на саблѣ свѣчу «тройчатку», цѣловалась черезъ порогъ и вводила жениха въ хату [2]). Почти тождественный обрядъ съ свѣчей «тройчаткой» встрѣчается и нынѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи: сестра жениха несетъ «квитку» съ тремя восковыми свѣчами. Когда придутъ въ хату

---

[1]) *Чубинскій*, Труды этнографическо-статистической экспедиціи, т. IV, стран. 428.

[2]) *Калиновскій*, стр. 5, 9.

невѣсты, сестра жениха останавливается въ сѣняхъ; на встрѣчу выходитъ мать невѣсты съ восковой свѣчей. Объ они ставятъ свои правыя ноги на «синечный» порогъ, цѣлуются, и затѣмъ, по приглашенію свахи, входятъ въ хату [1]).

Значительную отмѣну обрядовое употребленіе свѣчи представляетъ при печеніи коровая въ с. Ждановкѣ полтавской губерніи. Когда уже окончено украшеніе коровая, тогда въ него съ четырехъ сторонъ втыкаютъ четыре восковыя свѣчи; потомъ берутъ большую восковую свѣчу и прикрѣпляютъ ее къ ножу, положенному на дно дижи [2]).

Въ малорусскомъ гаданьѣ встрѣча двухъ свѣчей, пущенныхъ на воду, означаетъ бракъ [3]).

Малорусскіе свадебные факелы и свѣчи настолько сходны съ классическими, преимущественно римскими свадебными факелами, что возникаетъ мысль о возможности въ данномъ случаѣ прямаго заимствованія этихъ обрядныхъ предметовъ въ древнее время отъ народовъ классическихъ. Правда, у римлянъ требовалось, чтобы при отправленіи молодой въ домъ новобрачнаго было непремѣнно пять факеловъ [4]). У малороссіянъ мы видимъ свѣчу «тройчатку», причемъ число три могло возникнуть въ позднее время подъ вліяніемъ христіанскаго ученія о св. Троицѣ.

Обрядовое сожиганіе на свадьбахъ костровъ и прыганіе черезъ нихъ не имѣетъ связи съ обрядовымъ употребленіемъ свѣчей. По-видимому, въ классической древности ничего подобнаго не было, по крайней мѣрѣ на свадьбахъ. Обыкновеніе зажигать куль соломы при въѣздѣ новобрачной въ домъ родителей молодаго соблюдалось въ Малороссіи во второй половинѣ прошлаго столѣтія [5]) и нынѣ встрѣчается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ кіевской и волынской губерніи [6]). Во многихъ мѣстахъ этотъ обрядъ совершенно утраченъ, въ иныхъ мѣстностяхъ онъ сильно видоизмѣнился. Въ чигиринскомъ

---

[1]) *Чубинскій*, т. IV, стр. 188.
[2]) *Чубинскій*, т. IV, стр. 584.
[3]) *Чубинскій*, т. III, стр. 259.
[4]) *Rossbach*, 338.
[5]) *Калиновскій*, стр. 15.
[6]) *Чубинскій*, т. IV, стр. 428, 581.

уѣздѣ кіевсной губерніи, по выходѣ молодыхъ изъ коморы, въ случаѣ молодая оказалась цѣломудренной въ дѣвушкахъ, замужнія женщины раскладываютъ костеръ гдѣ нибудь въ оврагѣ и, обнажившись до пояса, прыгаютъ черезъ него [1]). Обрядный костеръ встрѣчается во всѣхъ славянскихъ странахъ или на свадьбахъ, или наканунѣ Ивана Купала, или на масляной недѣлѣ. Обрядный костеръ произошелъ изъ древне-славянскаго культа солнца и имѣлъ значеніе очистительное и предохранительное отъ колдовства.

Aqua ассірі въ малорусскомъ свадебномъ ритуалѣ выражается такъ-же различно, какъ igni ассірі, главнымъ образомъ въ формѣ выливанія воды на землю при въѣздѣ новобрачнаго съ молодой въ родительскій домъ, или въ формѣ обрадоваго купанья молодой, или наконецъ торжественнаго шествія молодой къ колодцу послѣ свадьбы, съ поднесеніемъ колодцу подарка.

Въ прошломъ столѣтіи мать невѣсты предлагала въ день свадьбы жениху горшокъ съ водою и овсомъ, и женихъ выливалъ воду на гриву лошади и бросалъ горшокъ на землю [2]). Въ настоящее время совершаются подобные обряды: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ при встрѣчѣ молодыхъ обрызгиваютъ водой цѣлый поѣздъ или однихъ молодыхъ [3]). Такъ какъ обрядъ этотъ встрѣчается почти у всѣхъ славянъ, то можно принять его самостоятельное происхожденіе, независимо отъ римскаго ритуала, гдѣ подобнаго рода обыкновеніе, повидимому, имѣло мѣсто въ концѣ свадьбы, выражаясь въ обливаніи порога въ домѣ новобрачнаго [4]).

Обрядовое купаніе молодыхъ встрѣчается съ наибольшей обрядной полнотой у галицкихъ Лемковъ. На другой день послѣ свадьбы въ теплое время года молодыхъ ведутъ къ рѣкѣ. Омывшись немного, молодой беретъ новобрачную за руку и проводитъ ее впередъ и назадъ вдоль или поперекъ рѣки, потомъ, по выходѣ изъ рѣки, утирается сорочкой молодой, а молодая сорочкой молодаго [5]). Въ Великороссіи, сообразно съ ея суровымъ климатомъ об-

---

[1]) *Николайчикъ*, въ «Кіевской Старинѣ» 1883 г., т. I, стр. 395.

[2]) *Калиновскій*, стр. 7.

[3]) *Чубинскій*, IX 428; *Головацкій*, «Чтенія въ моск. общ. ист. и древ.». 1872 г., II. 254.

[4]) *Rossbach*, стр. 361.

[5]) *Головацкій*, «Чтенія» и проч. 1873 г. III. 364.

рядовое купанье молодыхъ въ рѣкѣ было замѣнено обряднымъ омовеніемъ въ банѣ. У Болгаръ невѣсту передъ свадьбой также водятъ въ баню; если нѣтъ бани, то ее замѣняетъ домашняя ванна[1]). Нѣчто подобное встрѣчалось въ древней Греціи: молодые въ день свадьбы брали ванну, причемъ воду приносили мальчики изъ священныхъ источниковъ. Троянскія невѣсты омывались въ водахъ рѣки Скамандра.[2]). У римлянъ общее обрядовое омовеніе молодыхъ было замѣнено частичнымъ омовеніемъ у нихъ ногъ: De qua (т. е. aqua de puro fonte) nubentibus solebant pedes lavari, по словамъ Варрона[3]). Вопросъ о заимствованіи обрядоваго купанія невѣсты славянами, въ частности русскими у грековъ остается открытымъ. Можно предположить, что обычай этотъ возникъ первоначально въ странѣ съ болѣе мягкимъ климатомъ и съ болѣе продолжительнымъ лѣтомъ, чѣмъ климатъ и лѣто южной Россіи.

Нужно замѣтить, что римскому обрядному омовенію ногъ молодыхъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Малороссіи соотвѣтствуетъ обрядное мытье рукъ на рѣкѣ, вѣроятно, какъ замѣна общаго обряднаго купанья. Повидимому, независимо отъ свадебнаго обряднаго мытья рукъ, въ народной поэзіи мытье рукъ надъ рѣкой наводитъ дѣвушку на мысль о бракѣ.

Надъ ричкою стояла, стояла,
Били рученьки вмывала, вмывала.
Руки мои билыи, билыи,
А кому-жъ вы будете милыи, милыи?
Якъ будете молодому—дай Боже, дай Боже!
Якъ будете вдовцеви—брунь Боже, брунь Боже![4]).

Основная мысль пѣсни настолько проста и естественна для дѣвушки, что пѣсня могла возникнуть помимо реминисценціи, т. е. случайнаго и невольнаго воспоминанія о свадебномъ обрядномъ мытьѣ рукъ. Въ народной поэзіи для созрѣвшей въ физическомъ отношеніи дѣвушки напоминаніемъ предстоящаго замужества служитъ и постель бѣлая, и руки чистыя, и голосъ соловья въ рощѣ,

---

[1]) Чолаковъ, Болг. нар. сб., 13.
[2]) *Schoemann*, т. II, стр. 493.
[3]) *Rossbach*, цитир. на 364 стр.
[4]) *Чубинскій*, т. V, стр. 9.

и созрѣвшее жито, и много другихъ предметовъ внѣшней природы и домашняго быта. Шутливое выраженіе Беранже, что «барышни замужъ хотятъ», въ народной поэзіи находитъ полное раскрытіе и разъясненіе со стороны самихъ дѣвушекъ.

Обрядовое «скрываніе» молодой послѣ свадьбы возлѣ колодца, съ принесеніемъ колодцу подарка, представляетъ видоизмѣненіе обряднаго купанья. Молодая, вставъ съ постели, одѣвается и идетъ за водой, которую потомъ подноситъ умываться свекру. Когда онъ умоется, молодая даетъ ему свой рушникъ вытереться и потомъ вѣшаетъ его возлѣ иконъ. Если есть близко церковь, то молодыхъ ведутъ туда скрывать, а если церкви вблизи нѣтъ, то ихъ ведутъ для этой же цѣли къ колодцу и тамъ они сами скрываются слѣдующимъ образомъ: накрываютъ платкомъ молодаго и молодую; покрытые, они должны умыться и потомъ вытереться тѣмъ-же самымъ платкомъ, который прикрываетъ ихъ головы. Если молодая не потеряла своей дѣвственности до вступленія въ бракъ, то ее отъ колодца ведутъ съ краснымъ флагомъ, который несетъ старшій дружко, а свашки несутъ шишку, украшенную пучками калины [1]). Почти тождественный обрядъ существуетъ въ настоящее время среди грековъ, населяющихъ южную часть Македоніи [2]). Трудно сказать, идетъ ли этотъ обрядъ изъ классической древности и у македонскихъ грековъ представляется національнымъ, а у славянъ заимствованнымъ, или наоборотъ, идетъ изъ славянской древности и въ новое время заимствованъ греками отъ славянъ. Значительное сходство обрядоваго хожденія молодой къ колодцу у грековъ и малороссіянъ располагаетъ къ мысли о возможности въ данномъ случаѣ прямого заимствованія, опиравшагося на почвѣ общаго въ древности всѣмъ арійскимъ народамъ религіозно-миѳическаго почитанія рѣкъ и колодцевъ и принесенія имъ жертвъ.

Въ старинное время, по письменнымъ свидѣтельствамъ, въ Великороссіи въ XVII ст. и въ Малороссіи въ XVIII ст. [3]), и въ настоящее время въ Россіи почти повсемѣстно молодыхъ въ домѣ новобрачнаго встрѣчаетъ женщина въ овчинной шубѣ шерстью

---

[1]) *Чубинскій*, т. IV, стр. 592.
[2]) Дочь и жена консула, т. II, стр. 70.
[3]) *Калиновскій*, стр. 7.

вверхъ. Кромѣ того, въ Малороссіи и въ Галиціи молодую во время обрядоваго расчесыванія косы сажаютъ на разостланный на квашнѣ кожухъ [1]). Въ XVII ст. въ Москвѣ на царскихъ и боярскихъ свадьбахъ расчесывали косу невѣсты, посадивъ ее на собольи мѣха. Въ настоящее время обрядовое употребленіе овчины малороссіяне объясняютъ различно. «Якій кожухъ твій мохнатый, такій зять твій багатый», говорятъ въ Галиціи дѣвушки, обращаясь къ матери невѣсты [2]), или поютъ:

Выйди, матенонько въ кожусѣ
До горы вовнонькою,
И зъ счастенькомъ, здоровенькомъ,
И зъ доброю доленькою! [3]).

Въ другихъ мѣстахъ народъ встрѣчу молодыхъ матерью новобрачной въ вывороченной шубѣ объясняетъ желаніемъ свекрови напугать невѣстку или желаніемъ тещи напугать зятя. Такъ, въ малорусской пѣснѣ волынской губерніи:

Вывернула тещенька овчину,
Да на якую причину?
Щобъ зятенька злякати
И своеи дочки не дати [4]).

Въ хронологическомъ отношеніи первое объясненіе древнѣе, архаичнѣе. Обрядовое употребленіе овчины имѣетъ своимъ источникомъ жертвоприношеніе барана и овцы богамъ земледѣлія и брака, повидимому, практиковавшееся у всѣхъ арійскихъ народовъ въ древности, встрѣчающееся и въ настоящее время у кочующихъ народовъ сѣверной и средней Азіи. Молодыхъ усаживали на кожу животнаго, мясо котораго было принесено въ жертву богамъ. Въ особенности большое употребленіе обрядная овчина имѣла у древнихъ грековъ и римлянъ, не смотря на то, что ея основное религіозно-обрядовое значеніе было забыто этими народами въ глубокой древности. Такъ, римскій писатель Фестъ старался уже доискаться до основнаго значенія обрядной «pellis lanata» на свадьбахъ и

[1]) *Основа* 1862 г. т. IV, стр. 8.
[2]) *Тамъ-же*, стр. 37.
[3]) *Головацкій*, т. III, стр. 303.
[4]) *Этнографическій Сборникъ*, т. I, стр. 305.

предлагаетъ по этому поводу два объясненія: обрядное употребленіе овчины служитъ или остаткомъ того древняго состоянія быта, когда люди единственной одеждой имѣли мѣха животныхъ, или аллегорическимъ указаніемъ на обязанность замужней женщины заниматься пряжей [1]).

Во всякомъ случаѣ, обрядное употребленіе овчины у грековъ и римлянъ было настолько обширно, съ такой торжественностью исполненія и выработкой мелкихъ его подробностей, что, при общности обрядовой овчины всѣмъ арійскимъ народамъ, могло въ этомъ отношеніи обнаружиться частное вліяніе строго-опредѣлившагося и выработаннаго греко-римскаго свадебнаго ритуала на колеблющійся и слабый древне-славянскій свадебный ритуалъ. Въ настоящее время обрядовое употребленіе овчины съ наибольшей полнотой встрѣчается у южно-русскаго народа, въ однихъ случаяхъ напоминая древне греческіе, въ другихъ случаяхъ—древне-римскіе обряды, преимущественно послѣдніе. Древніе греки приносили въ жертву Деметрѣ немытую овечью шерсть, очевидный остатокъ жертвоприношенія овцы, pars pro toto. Въ Аѳинахъ масличную вѣтвь обматывали овечьей шерстью и несли ее въ храмъ Аполлона [2]). У римлянъ во время бракосочетанія confarreatio усаживали молодыхъ на два рядомъ поставленные стула, покрытые одной овчиною, или прямо сажали на кожу, снятую съ принесенной въ жертву овцы [3]). Римляне имѣли обыкновеніе послѣ молитвы садиться, что дѣлали и молодые послѣ обхожденія вокругъ алтаря. Къ слову здѣсь можно припомнить сходное русское обыкновеніе садиться передъ молитвой, если кто уѣзжаетъ въ далекую дорогу.

Обрядовое покрываніе головы невѣсты платкомъ свойственно многимъ народамъ, не только индо-европейскаго корня, но и семитическаго, и даже народамъ монгольской расы. Объ обрядномъ покрываніи головы невѣсты я подробно говорилъ въ моемъ изслѣдованіи о свадебныхъ обрядахъ (стр. 157—167). Здѣсь собраны проявленія обряднаго покрыванія невѣсты у разныхъ народовъ и объяснено основное его символическое значеніе, какъ внѣшнее знаменованіе облачнаго покрова, облегающаго землю время отъ времени и изли-

[1]) *Rossbach*, стр. 324.
[2]) *Schömann*, т. II, стр. 201.
[3]) *Rossbach*, стр. 101, 324.

вающаго на нее благотворный дождь и какъ выраженіе подчиненнаго положенія женщины. Что основное значеніе обряда вполнѣ натуралистическое, видно уже изъ одного его латинскаго названія nubere, obnubere, очевидно, отъ nubes-облака. Еще болѣе ясное опредѣленіе натуралистическаго значенія обряднаго покрыванія невѣсты находится въ польской свадебной пѣснѣ, которую поютъ во время «очепинъ»:

Przykryło się niebo obłokami,
Przykryła się Marysia rąbkami [1]).

Не останавливаясь подробно на обрядномъ покрываніи головы невѣсты, достаточно замѣтить, что малорусское и болгарское обрядное покрываніе головы невѣсты, находя родственныя и сходныя явленія въ свадебныхъ обрядахъ всѣхъ арійскихъ народовъ, въ особенности близко стоитъ къ древне-римскому обрядному покрыванію головы невѣсты. Быть можетъ, и здѣсь на усиленіе славянскаго обряднаго явленія повліялъ римскій свадебный ритуалъ. Боплант (XVII ст.) говоритъ, что въ Малороссіи молодую послѣ свадьбы повязывали очипкомъ, что и въ настоящее время повсемѣстно бываетъ въ Малороссіи и въ другихъ славянскихъ странахъ, причемъ сходство съ римскимъ свадебнымъ ритуаломъ состоитъ главнымъ образомъ въ слѣдующихъ подробностяхъ: торжественномъ расчесываніи волосъ невѣсты, покрываніи головы невѣсты послѣ бракосочетанія и въ красномъ цвѣтѣ покрывала. У болгаръ и у буковинскихъ малоруссовъ головное покрывало невѣсты бываетъ красное, «черлене» [2]). У римлянъ свадебное покрывало невѣсты называлось flammeum, очевидно, отъ flamma—пламя, огонь.

Терещенко въ «Бытѣ русскаго народа» русскій свадебный коровай производилъ отъ римскаго far, libum farreum. Не смотря на большое сходство коровая по времени и способу приготовленія съ римскимъ libum farreum и съ ново-греческимъ «пропкасто», нельзя эти обрядные хлѣбы выводить одинъ изъ другаго, такъ какъ каждый изъ нихъ представляетъ весьма сложное, выработанное, глубокоархаичное обрядовое явленіе, и малорусскій свадебный коровай представляетъ столь-же самостоятельный и цѣльный продуктъ

[1]) *Wojcicki*, Piesni ludu, т. II, стр. 77.

[2]) *Записки* юго-запад. отдѣла географич. общества, т. II, стр. 491.

древне-славянской жизни, какъ far—жизни римской. Коровай—первоначально жертвенный хлѣбъ, замѣнившій или дополнившій жертвенную корову; far—первоначально также жертвенный хлѣбъ, дополнявшій жертвенную овцу. Замѣчательное сходство въ способѣ приготовленія ново-греческаго «пропкасто» и малорусскаго «коровая» можетъ быть объясняемо вліяніемъ славянскаго, болѣе всего болгарскаго свадебнаго ритуала на ново-греческую свадьбу. Трудно судить, насколько ново-греческій «пропкасто» повторяетъ или сходствуетъ съ древне-греческими свадебными хлѣбами, за недостаткомъ письменныхъ свидѣтельствъ о способахъ приготовленія и употребленія хлѣба на древне-греческой свадьбѣ. Нельзя вполнѣ отрицать возможности перехода нѣкоторыхъ чертъ греческаго и римскаго свадебнаго хлѣба на свадебный хлѣбъ болгарскій и малорусскій, напримѣръ, круговращательнаго танца вокругъ вынутаго изъ печи свадебнаго хлѣба или вокругъ квашни, что бываетъ въ Греціи во время печенія «пропкасто», въ Болгаріи во время печенія «боговицы», въ Малороссіи во время приготовленія коровая, подниманія коровая выше головы и т. п. Въ классической древности въ свадебномъ ритуалѣ значительную роль игралъ сладкій хлѣбъ, съ примѣсью меда, у грековъ «мелипекта» и «плакунты», у римлянъ mustacea liba или просто mustacea,—пироги, замѣшанные на сладкомъ винѣ съ лавровымъ листомъ. Болгарскій свадебный «мединикъ», по способу приготовленія, напоминаетъ классическіе свадебные хлѣбы съ медомъ. Въ Малороссіи обрядный мединикъ не встрѣчается, но за то встрѣчается очень близкое къ нему обрядовое кормленіе молодыхъ хлѣбомъ и медомъ. Въ прошломъ столѣтіи въ домѣ новобрачныхъ на другой день послѣ свадьбы ставили на тарелкѣ паточный медъ, намачивали имъ калачи и потчивали ими молодыхъ и гостей [1]). Поднесеніе хлѣба съ медомъ молодымъ встрѣчается въ Малороссіи и въ настоящее время [2]). Обрядовое кормленіе молодыхъ хлѣбомъ и медомъ, по основной мысли предопредѣлить для молодыхъ сладкую, довольную, счастливую жизнь, на столько, такъ сказать, элементарно, просто, что можетъ одновременно возникать у разныхъ народовъ, внѣ какихъ-либо постороннихъ обрядныхъ или бытовыхъ вліяній.

---

[1]) *Калиновскій*, стр. 20.

[2]) *Чубинскій*, т. IV, стр. 461.

Обрядовое обсыпаніе молодыхъ сладкими плодами въ древней Греціи и хлѣбнымъ зерномъ у славянъ, обрядовое присутствіе мальчиковъ на греческой, римской и малорусской свадьбахъ—явленія общія многимъ народамъ и потому слишкомъ шаткія при рѣшеніи вопроса о вліяніи греческаго и римскаго свадебнаго ритуала на малорусскую свадьбу.

Нѣтъ спора, что можно отыскать черты сходства малорусской свадьбы и съ свадьбой древне-индусской, и съ свадьбой древне-германской, черты, во всякомъ случаѣ ничего другаго не доказывающія, кромѣ отдаленнаго племеннаго родства всѣхъ народовъ арійскаго корня. Другое дѣло, сходство славянскаго, въ особенности малорусскаго свадебнаго ритуала съ свадебнымъ ритуаломъ древнихъ классическихъ народовъ, сходство во всемъ строѣ свадьбы и во многихъ мелкихъ ея подробностяхъ, сходство, доходящее въ нѣкоторыхъ частностяхъ до тождественности. Здѣсь естественно возникаетъ мысль, что между древними классическими народами и славянами, и въ особенности той отраслью славянскаго племени, отъ которой впослѣдствіи пошелъ южно-русскій народъ, было тѣсное общеніе и единеніе, не только племенное, по крови, но и духовное, культурное, общеніе сильное, глубокое, не уступающее по интенсивности общенію германскаго міра съ латинскимъ западомъ.

Сходство славянской, преимущественно малорусской свадьбы съ свадьбой древне-классической, преимущественно римской можетъ быть выражено въ наглядномъ сопоставленіи или параллеляхъ всѣхъ главныхъ ихъ частей, актовъ, въ ихъ послѣдовательномъ размѣщеніи въ самой жизни народа:

1) Coemptio . . .	1) Обрядная покупка невѣсты женихомъ или его родителями.
2) Mancipatio... imaginaria venditio.	2) Торгъ за невѣсту, плата ея отцу или брату, выкупъ мѣста около невѣсты и т. п.
3) Auspicii . . .	3) Гаданья въ началѣ свадьбы, преимущественно въ домѣ невѣсты.
4) Sex crines; hasta caelibaris.	4) Обрядное расчесываніе косы невѣсты.
5) Nubere flammeum.	5) Обрядное покрываніе головы молодой, очепины.

6) Pellis lanata . .	6) Обрядное сажаніе молодыхъ на овечій мѣхъ.
7) Verti circum aras .	7) Обхожденіе вокругъ стола, круговращательный танецъ вокругъ дѣжи или коровая.
8) Libum farreum, mustacea.	8) Коровай, кормленіе молодыхъ хлѣбомъ и медомъ.
9) Coena nuptialis .	9) Свадебный обѣдъ, пиршество.
10) Dextrarum junctio.	10) Обрядное соединеніе рукъ молодыхъ.
11) Domum deductio.	11) Встрѣча и пріемъ молодыхъ въ домѣ родителей жениха.
12) Aqua accipi . .	12) Обрызгиваніе и обливаніе молодыхъ матерью жениха; купаніе ихъ въ рѣкѣ или мытье рукъ у колодца.
13) Igni accipi . .	13) Встрѣча молодыхъ матерью жениха съ свѣчей въ рукахъ, переведеніе ихъ черезъ зажженный костеръ.
14) Puer felicissimus, Camillus.	14) Обрядное присутствіе дѣтей при печеніи коровая или во время пріѣзда молодаго въ домъ невѣсты.
15) Certa et solemnia verba.	15) Пѣснопѣнія, въ родѣ «Мисяць дориженьку освитывъ» (Чуб. т. IV, стр. 406).
16) Nuces pueris . .	16) Бросаніе дѣтямъ орѣховъ и сластей, осыпаніе молодыхъ хлѣбнымъ зерномъ.
17) Lecti geniales, qui sternuntur puellis nubentibus (въ атріумѣ).	17) Помѣщеніе молодыхъ въ коморѣ; брачная постель на снопахъ жита.
18) Посвященіе брачнаго покрывала Герѣ.	18) «Скрываніе» молодой въ церкви.
19) Repotia . . .	19) Пирушка въ домѣ родителей жениха нѣсколько дней спустя послѣ свадьбы.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

ОСТРОВЪ ХОРТИЦА НА РѢКѢ ДНѢПРѢ.

(Изъ поѣздки по запорожскимъ урочищамъ).

„Грай, кобзарю! лый шинкарю!“
Козаки гукали.
Шинкарь знае—наливае
И не схаменетця;
Кобзарь шкваривъ, а козаки,
Ажъ Хортиця гнетця,
Метельци та гопака
Гуртомъ оддирають [1]).

Въ исторіи южно-русскаго народа съ именемъ Хортицы соединены воспоминанія о первыхъ временахъ славнаго нѣкогда «Низоваго войска». Здѣсь было первое укрѣпленное жилище запорожскихъ козаковъ, или «Сѣчь», и отсюда предпринимали они свои отважные походы противъ турокъ и татаръ.

Островъ Хортица—самый большой и самый величественный изъ острововъ Днѣпра на всемъ его протяженіи. Первыми свѣдѣніями объ этомъ островѣ мы обязаны греческому императору Константину VII Багрянородному (905—959). У Константина Багрянороднаго Хортица именуется островомъ св. Григорія: «Прошедъ крарійскій перевозъ [2]), они (руссы) причаливаютъ къ острову, который называется именемъ св. Григорія. На этомъ островѣ они совершаютъ свои жертвоприношенія: тамъ стоитъ огромной величины дубъ. Они приносятъ въ жертвы живыхъ птицъ; также втыкаютъ кругомъ стрѣлы, а другіе (кладутъ) куски хлѣба и мяса и что у кого есть, по своему обыкновенію. Тутъ-же бросаютъ жребій, уби-

[1]) Кобзарь Т. Шевченко. Спб., 1883 г., стр. 69.

[2]) Теперешній Кичкасъ.

вать-ли птицъ и ѣсть, или оставлять въ живыхъ» [1]). Въ русскихъ лѣтописяхъ имя Хортицы («Хортичъ») впервые упоминается подъ 1103-мъ годомъ, когда великій князь Святополкъ Изяславичъ, въ союзѣ съ другими князьями, отправился походомъ противъ половцевъ: «И поидоша на конихъ и въ лодьяхъ, и придоша ниже порогъ и сташа въ протолчехъ и въ Хортичимъ островѣ» [2]). Изъ русскихъ-же лѣтописей узнаемъ, что на островѣ Хортицѣ съѣхались всѣ русскіе князья и ихъ пособники, когда въ 1224 году отправлялись на первую битву противъ татаръ. Островъ назывался тогда варяжскимъ. «Придоша къ рѣцѣ Днѣпру, ко острову варяжьскому. И пріѣха ту къ нимъ вся земля половецкая, и черьниговцемъ пріѣхавшимъ и кияномъ и смолняномъ, и инѣмь странамъ; а галичане и волынци кийждо со своими князьми, а куряне и трубчане и путивлици и кийждо со своими князьями, придоша коньми, а выгонци галичькыя придоша по Днѣпру и въидоша въ море; бѣ бо людей тысящи, и воидоша въ Днѣпръ, и возведоша порогы, и сташа у рѣки Хорътицѣ на броду у протолчи» [3]). Эрихъ Лассота (1594 г.) о Хортицѣ говоритъ, что она лежитъ въ полу-милѣ отъ Кичкаса, прекрасна, высока и пріютна, въ длину имѣетъ двѣ мили и раздѣляетъ Днѣпръ на двѣ равныя части [4]). Бопланъ (1620—1637 г.) называетъ Хортицу настоящимъ ея именемъ и говоритъ, что островъ очень высокъ, почти со всѣхъ сторонъ окруженъ утесами; въ длину имѣетъ болѣе двухъ миль, а въ ширину около полумили, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и меньше того [5]). Изъ «Исторіи» Мышецкаго узнаемъ, что нѣкогда Хортица не была островомъ, а представляла лишь мысъ материка. «Сказываютъ, въ то время оный Хортицъ не былъ островъ, но соединенная степь, а ужъ потомъ отъ сильныхъ вешнихъ водъ въ низкихъ мѣстахъ сильною водою прорыло и учинило Хортицкимъ островомъ» [6]). Въ книгѣ Большаго Чертежа (1552—1600 гг.) Хортица именуется Хиртицей [7]), въ Путешественныхъ за-

---

[1]) De administr. imper., cap. IX, стр. 74—77. Изд. Бон.
[2]) Лѣт. по Ипат. списку. Спб. 1871 г., стр. 183.
[3]) Тамъ-же, стр. 495 и 496.
[4]) Путевыя записки. Одесса, 1873 г., стр. 30.
[5]) Описаніе Украйны. Спб. 1832 г., стр. 24.
[6]) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ. Одесса, 1852 г., стр. 24.
[7]) Книга, гл. Большой чертежъ. Москва, 1846 г., стр. 100.

пискахъ Зуева (1781 и 1782 г.) Хортицомъ [1]), въ атласѣ Днѣпра (1784 года) Хитрицкимъ островомъ, принадлежащимъ къ дачѣ свѣтлѣйшаго князя Потемкина [2]), у Ригельмана (1785—1786 г.) Хордецкимъ [3]). Объясненіе самаго названія острова находимъ у профессора Бруна. «Хортецкимъ онъ (островъ) могъ быть потому, что русы X вѣка имѣли обыкновеніе приносить на немъ жертвы своимъ богамъ, а подобными жертвами могли у нихъ служить, faute de mieux, молодыя собаки, которыхъ они легко могли назвать хортецами, т. е. именемъ, напоминающимъ финское слово hurtta, означающее волка и извѣстнаго вида собаку, извѣстную у эстовъ подъ названіе hart, у латышей kurts, у литовцевъ kurtas, у поляковъ chart, т. е. подъ именемъ нашихъ борзыхъ собакъ. Что эти именно собаки высоко цѣнились въ Россіи еще гораздо позже, это видно изъ описанія Герберштейномъ охоты, въ которой самъ онъ участвовалъ, въ присутствіи великаго князя Василія Іоанновича, mit reschen Hunden die sie Kurtzen nennen. По крайней мѣрѣ можно полагать, что австрійскій посланникъ (Герберштейнъ) подъ своимъ неразгаданнымъ словомъ Kurtzi просто разумѣлъ хортовъ» [4]).

Таковы первыя свѣдѣнія объ островѣ Хортицѣ. Къ этому нужно прибавить лишь то, что въ нѣкоторыхъ спискахъ сочиненія Багрянороднаго «Объ управленіи имперіей (De administrando imperio)» Хортица именуется островомъ не Григорія, а Георгія. Но это или простая замѣна слова, которая показана уже въ нашихъ лѣтописяхъ (Георгій, Гюрга, Гюргій, Григорій) [5]), или-же звуковое измѣненіе произшедшее по извѣстному закону перехода буквы х въ г (Хорт+иц+а=Хорд+иц+а=Хюрд+иц+а=Гюрди=Гюрги=Георги=Георгій).

Для изучающаго исторію запорожскаго козачества Хортицкій островъ важенъ тѣмъ, что на немъ была первая по времени запорожская сѣчь. Впрочемъ, нельзя при этомъ не сказать о тѣхъ лѣтописцахъ и изслѣдователяхъ, которые полагаютъ, что до того времени,

---

[1]) Путеш. записки Василія Зуева. Спб. 1787 г., стр. 261.

[2]) Русовъ. Русскіе тракты. Кіевъ, 1876 г., стр. 132.

[3]) Лѣтоп. повѣств. о Малой Россіи. Москва, 1847 г., ч. I, стр. 20.

[4]) Путевыя записки Эриха Лассоты. Одесса, 1873 г., стр. 85.

[5]) Лѣт. по Ипат. спис. С.-Пб., 1871 г., стр. 187, 205, 208 и др.

пока запорожцы осѣлись на Хортицѣ, они имѣли будто-бы уже три сѣчи: въ Седневѣ, мѣстечкѣ, отстоявшемъ отъ города Чернигова на 30 верстъ, при р. Сновѣ, впадающей въ Десну, Каневѣ, теперь уѣздномъ городѣ кіевской губерніи, на правомъ бѣрегу Днѣпра, и Переволочнѣ, теперь мѣстечкѣ полтавской губерніи на лѣвомъ берегу Днѣпра [1]). Но противъ такого утвержденія говоритъ, во первыхъ, самая этимологія слова «запорожецъ». Запорожцами, запорожскими козаками, въ собственномъ смыслѣ, назывались только тѣ изъ днѣпровскихъ козаковъ, которые, оставивъ свою родину гдѣ нибудь въ Малороссіи, Литвѣ, Польшѣ или за предѣлами ихъ, селились, основывали себѣ жилища *за порогами* Днѣпра, начинавшимися, ровнымъ счетомъ, на восемь верстъ ниже бывшей у козаковъ деревни Половицы, у насъ губернскаго города Екатеринослава. Вотъ какіе изъ днѣпровскихъ козаковъ назывались и потому должны называться запорожскими козаками; тѣ-же изъ нихъ, которые жили выше днѣпровскихъ пороговъ, въ такъ называемой Старой Малороссіи, въ теперешнихъ губерніяхъ: кіевской, черниговской и полтавской, тѣ козаки носили названіе черкасскихъ (отъ города Черкасъ, кіевской губерніи, бывшихъ одно время ядромъ этого козачества), малороссійскихъ, гетманскихъ, украинскихъ, городовыхъ, реестровыхъ или семейныхъ козаковъ. А какъ Седнево, Каневъ и Переволочна находятся *выше днѣпровскихъ пороговъ*, то и считать ихъ *запорожскими* сѣчами едва-ли возможно. Если-же пребываніе запорожскихъ козаковъ въ означенныхъ мѣстахъ и допускается, то это интересно скорѣе въ томъ отношеніи, что показываетъ намъ мѣсто возрожденія запорожскаго козачества: запорожцы не выходцы изъ Польши и не переселенцы изъ прикавказскихъ областей, какъ думали недавніе историки, а истые сыны Малороссіи, плоть отъ плоти и кость отъ костей ея. Впрочемъ, пребываніе запорожцевъ въ названныхъ мѣстахъ, хотя-бы то и не сѣчами, могло относится къ тому моменту ихъ историческаго бытія, когда они еще не обособлялись отъ малорусскихъ козаковъ и, живя

---

[1]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ, 1852 г., Одесса, стр. 9. Ригельманъ. Лѣтопис. пов. о Малой Россіи. Москва, 1847 г., стр. 2.—Бантышъ-Каменскій Седнево совсѣмъ исключаетъ, полагая сѣчи въ Каневѣ, Черкасахъ и Переволочнѣ.—Исторія Малой Россіи, Москва, 1842 г., т. II, прикѣчаніе 20.

въ Старой Малороссіи, составляли съ ними одно цѣлое. Но кромѣ этого общаго соображенія, не позволяющаго назвать Седнево, Каневъ и Переволочну запорожскими сѣчами, мы не можемъ именовать ихъ такъ еще и потому, что не имѣемъ никакихъ документальныхъ подтвержденій о пребываніи въ нихъ запорожцевъ сѣчами. Документально извѣстною, и то лишь въ смыслѣ временнаго укрѣпленія или замка, становится только Хортицкая сѣчь. Вотъ что говоритъ на этотъ счетъ лѣтописецъ: «Того-жъ мѣсяца (сентября, 1557 года) пріѣхалъ (въ Москву) ко царю и великому князю Івану Васильевичу (Грозному) всея Русіі отъ Вишневецкаго князя Дмитрія Ивановича бити челомъ Михайло Есковичъ, что(бъ) его (т. е. князя Вишневецкаго) государь пожаловалъ и велѣлъ себѣ служить, а отъ короля изъ Литвы отъѣхалъ и на Днѣпрѣ на Кортицкомъ острову городъ постановилъ противъ конскихъ водъ у крымскихъ кочевищь. И Царь и великіі князь послалъ къ Вишневецкому дѣтеі боярскихъ Ондрѣя Щепотѣва да Нечая Ртищева, да того-жъ Михаіла съ опасною грамотою и зъ жалованнемъ» [1]). Объ этомъ-же самомъ «городкѣ» на Днѣпрѣ говоритъ и посланникъ германскаго императора Рудольфа II, Эрихъ Лассота. «Четвертаго іюля прошли мы мимо двухъ рѣчекъ, названныхъ Московками и текущихъ въ Днѣпръ съ татарской стороны... Затѣмъ пристали къ берегу ниже, близь лежащаго острова Малой Хортицы, гдѣ лѣтъ тридцать тому назадъ былъ построенъ замокъ Вишневецкимъ, разрушенный потомъ турками и татарами» [2]). Съ свидѣтельствомъ Эриха Лассоты совпадаетъ и свидѣтельство Мартина. Бѣльскаго. «Есть и другой островъ, близь того (Kochanie), называемый Хорчика (Chorczyka), на которомъ Вишневецкій предъ этимъ жилъ и татарамъ очень вредилъ (na wielkiey przeczkodzie był), такъ что они не смѣли черезъ него такъ часто къ намъ вторгаться; немного ниже его въ Днѣпръ впадаетъ р. Тисменица, 44 м. отъ Кіева» [3]).

---

[1]) Русская лѣтопись по Никонов. спис. Спб., 1791 года, томъ VII, стр. 272 и 273.

[2]) Лассота отправленъ былъ къ запорожцамъ яъ 1594 г. Мѣсто сѣчи онъ полагаетъ на островѣ Малой Хортицѣ, по теперешнему Канцерскомъ островѣ; время-же возникновенія ея опредѣляетъ, очевидно, приблизительно.—Путев. записки. Одесса, 1873 г., стр. 53.

[3]) Лербергъ, Изслѣдованіе къ объясненію древн. россійск. исторіи, стр. 278.

Вотъ этотъ-то городокъ или замокъ на Днѣпрѣ, на Хортицкомъ островѣ, и слѣдуетъ считать первою по времени запорожскою сѣчью. «Онъ (т. е. островъ Хортица) высокъ, говоритъ одинъ изъ давнихъ русскихъ историковъ, берега его скалисты, неподверженъ наводненію и изобилуетъ дубовымъ лѣсомъ. Имѣя всѣ удобности къ заселенію, сей прекрасный островъ оставался очень долго необитаемымъ; орды кочующихъ народовъ, которые съ незапамятныхъ временъ бродили здѣсь по обѣимъ сторонамъ рѣки, полагали непреоборимое препятствіе всякому прочному на немъ заведенію. Въ началѣ токмо XVI ст., сколько намъ извѣстно, занятъ онъ запорожскими козаками и сдѣлался ихъ сборнымъ мѣстомъ для воспрещенія татарамъ переходить здѣсь» [1]). «На островѣ Хортицѣ, говоритъ другой, также очень давній историкъ, они (т. е. запорожскіе козаки) здѣлали себѣ укрѣпленное мѣсто, по ихъ Сѣчь называемое; но сіе мѣсто ихъ пребыванія иногда по обстоятельствамъ перемѣнялось» [2]). Князь Мышецкій считаетъ Хортицкую сѣчь также одною изъ древнѣйшихъ, хотя не первою по времени. «Противъ оныхъ трехъ рѣкъ Сухой, Великой и Нижней Хортицъ въ рѣкѣ Днѣпрѣ имѣется великій островъ, называемый Хортицъ, на которомъ издревле была запорожская Сѣчь» [3]). «Чтобы имѣть базисъ для наступательныхъ дѣйствій противъ Крыма, а вмѣстѣ съ тѣмъ защиту отъ татаръ, замѣчаетъ въ своихъ лекціяхъ о козакахъ профессоръ Антоновичъ, Вишневецкій строилъ передовыя укрѣпленія, далеко выдвигая ихъ въ степь. Первое такое укрѣпленіе временно было построено имъ на нижнемъ теченіи Днѣпра, на островѣ Хортицѣ, немного ниже пороговъ. Устройство этого укрѣпленія относится къ четвертому десятилѣтію XVI вѣка. Въ началѣ это укрѣпленіе не имѣло постоянныхъ жителей, сюда вводился гарнизонъ, когда была необходимость, обыкновенно лѣтомъ, а на зиму удалялся» [4]).

Кто-же былъ такъ часто называемый Димитрій Вишневецкій?— Димитрій Ивановичъ Вишневецкій происходилъ изъ волынскихъ

---

[1]) Zbiór pisarzow polskich. Część szosta. Tom XVIII. Warszawa. 1832, 191—193.

[2]) Миллеръ. Истор. сочин. о малоросс. нар. Москва, 1847 г., стр. 2.

[3]) Исторія о козакахъ запорожскихъ. Одесса. 1852 г., стр. 68 и 69.

[4]) Исторія малорусскаго козачества. Кіевъ. Читано въ 1882—83 акад. году.

князей Гедиминовичей; онъ былъ человѣкъ православной вѣры, владѣлъ многими имѣніями въ кременецкомъ повѣтѣ, каковы: Подгайцы, Окимны, Кушнинъ, Лопушна и другія и имѣлъ у себя трехъ братьевъ: Андрея, Константина и Сигизмунда. Имя князя Димитрія Вишневецкаго, въ началѣ не популярное, становится извѣстнымъ только съ 1550 года, когда онъ назначенъ былъ польскимъ правительствомъ на должность черкасскаго и каневскаго старосты (губернатора). Но должность эту Вишневецкій несъ лишь до 1553 года, когда получивши отказъ отъ короля Сигизмунда Августа въ какомъ-то пожалованіи, по старому праву добровольнаго отъѣзда служилыхъ людей отъ короля, ушелъ на службу къ турецкому султану. Тогда король, обезпокоенный тѣмъ, что турки пріобрѣтутъ въ лицѣ Вишневецкаго отличнаго полководца, какимъ онъ дѣйствительно и былъ, теперь врага польскому престолу, снова привлекъ князя къ себѣ, давъ ему опять тѣ-же Черкасы и Каневъ въ управленіе. Но владѣя этими городами, князь хотя и доволенъ былъ королемъ, но недоволенъ былъ собственнымъ положеніемъ: душа его жаждала битвъ, опасностей войны. И вотъ онъ приходитъ къ такой мысли: уничтожить крымскую орду и, если возможно, завладѣть черноморскимъ побережьемъ. Планъ свой Вишневецкій старался выполнить послѣдовательно съ 1556 года. Въ этомъ году Вишневецкій, вмѣстѣ съ русскими козаками дьяка Ржевскаго, запорожскими козаками атамановъ Млымскаго и Михайла Есковича и своими тремя стами черкасско-каневскими, ходилъ противъ татаръ и турокъ подъ Исламъ-Кермень и Воломъ Кермень «и тутъ кони и многую животину отгонили», затѣмъ добрался до Очакова «и у Ачакова острогъ взяли, и турокъ и татаръ побили, и языки поимали. А какъ пошли прочь и за ними ходили саінчаки очаковскоі и тягинскоіи со многими людьми, и дьякъ на нихъ учинилъ въ тростнику у Днепра подсаду и побилъ исъ пищалеі многихъ людеі, и самъ отшелъ подъ Исламкирменъ, и тутъ пришелъ къ Исламкирмени царевичъ Колга крымскоі, а съ нимъ весь Крымъ и князи и мурзы; и дьякъ сталъ противу его на острову, и бился съ нимъ исъ пищалеіи шесть днеі, да отогналъ ночью дьякъ у крымцовъ стада конные да на островъ къ себѣ перевезъ и по заднепрью по литовскоі сторонѣ

вверхъ пошелъ и разшелся съ царевичемъ дьякъ, далъ Богъ, здорово, а у царевича исъ пищалеі поранилъ и побилъ людеі многихъ»[1]).

Въ 1557 году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, Вишневецкій прислалъ къ Ивану Грозному Михаила Есковича съ выраженіемъ желанія поступить въ подданство къ московскому царю, на что и получилъ дозволеніе; съ тѣмъ вмѣстѣ Вишневецкій извѣщалъ царя объ устройствѣ «на Днепрѣ, на Кортицкомъ острову города»[2]). Въ томъ-же году, 16 октября Вишневецкій чрезъ своихъ пословъ Андрея Щепотева, Нечая, Ртищева, князя Семена Жижемскаго да Михаила Есковича извѣщалъ царя Ивана Грознаго, «что онъ (т. е. князь Вишневецкій) холопъ царя и великаго князя, и правду на томъ далъ, что ему ѣхати ко государю, а пошелъ воевати крымскихъ улусовъ и подъ Исламъ-кирменъ, служачи царю и великому князю»[3]). Производя набѣги на татарскія области, князь Вишневецкій долженъ былъ наконецъ испытать тоже самое и отъ татаръ. Въ 1557 году, въ маѣ мѣсяцѣ Вишневецкій писалъ царю, что крымскій ханъ Девлетъ-Гирей съ сыномъ и со многими крымскими людьми приходилъ подъ его городъ, что на Хортецкомъ островѣ («Гордецкоі островъ»), осаждалъ его двадцать четыре дня; но Божіимъ милосердіемъ и именемъ и счастіемъ царя, государя и великаго князя, онъ, Вишневецкій, отбился отъ хана, побивъ у него даже много лучшихъ людей, такъ что ханъ пошелъ отъ Вишневецкаго съ великимъ соромомъ и на столько обезсилѣлъ, что Вишневецкій отнялъ у крымцевъ многія изъ ихъ кочевичъ[4]). Но уже въ 1558 году, въ октябрѣ мѣсяцѣ, ханъ снова подступилъ къ городу на Хортицѣ, причемъ онъ привелъ съ собою многихъ людей турецкаго султана («турскаго царя») и волошскаго господаря. Вишневецкій, какъ должно думать, долго отбивался, но наконецъ «зъ Днепра съ Хортицкаго острова пошелъ потому, что корму не стало у него и козаки отъ нег разошлися... И онъ кормомъ не сѣлъ въ городе, а пришелъ за Черкасы и Каневъ»[5]). Царь

---

[1]) Русская лѣтопись по Никонову списку. Спб. 1791 г., стр. 266.
[2]) Тамъ-же, стр. 272 и 273.
[3]) Тамъ-же, стр. 274.
[4]) Тамъ-же, стр. 284.
[5]) Тамъ-же, стр. 292 и 293.

понялъ положеніе Вишневецкаго и потому велѣлъ ему, оставивъ Черкасы и Каневъ, ѣхать въ Москву на службу. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ того-жъ года Вишневецкій прибылъ въ Москву; здѣсь царь назначилъ ему жалованье, далъ въ отчину городъ Бѣлевъ со всѣми волостями и селами, «да въ иныхъ городахъ государь назначилъ князю подклѣтныя села и великими жалованы устроилъ»; князь-же за все это клялся животворящимъ крестомъ вѣрно служить царю на вѣки и добромъ платить его государству [1]). Въ томъ-же 1558 г., въ декабрѣ мѣсяцѣ, царь Иванъ Грозный отпустилъ Вишневецкаго на крымскіе улусы, «да съ нимъ черкасскаго (черкесскаго) мурзу кабартинскаго Канклыча Канукова въ Кабарту въ черкасы (въ землю черкесовъ), а велѣлъ имъ собрався итти всѣмъ ко князю Дмитрею на пособъ, а отпущенъ въ черкасы на Казань да на Астрахань судномъ, изъ черкасъ имъ итти ратью мимо Азова; да со княземъ Дмитреемъ-же братъ отпустилъ... иныхъ атамановъ съ козаки да сотцкихъ съ стрельцы; а велѣлъ ему государь итти прямо, а опослѣ велѣлъ суды подѣлати и зъ запасы итти на Днепръ, и велѣлъ государь князю Дмитрею стояти на Днепре и беречи надъ крымскимъ царемъ, сколько ему Богъ поможетъ» [2]).

Въ томъ-же 1558 году, мѣсяца мая, Вишневецкій доносилъ уже и о самомъ результатѣ предпринятаго похода. Простоявъ подъ Перекопомъ и не встрѣтивъ ни одного врага—крымца, князь пошелъ къ Днѣпру, къ Таванской переправѣ, «которая находится на полтретьятцатъ верстъ ниже Исламъ-Кременя»; на перевозѣ онъ простоялъ еще три дня, а крымцы все не являлись къ нему, и это, говорили, оттого, что крымскій ханъ былъ въ осадѣ. Отъ Таванской переправы Вишневецкій поднялся къ Хортицѣ (Ортинскій островъ) и здѣсь соединился съ дьякомъ Ржевскимъ; встрѣтивъ его выше пороговъ, велѣлъ оставить всѣ коши съ запасами здѣсь-же, на Интрскомъ (?) островѣ; а изъ дѣтей боярскихъ, которые изнурены были походомъ, отослалъ къ царю, оставивъ у себя только небольшое число боярскихъ дѣтей, козаковъ да стрѣльцовъ, съ которыми отправился лѣтовать въ Исламъ-Кремень; цѣль князя была—захватить Перекопъ и Козлецъ. Самъ-же ханъ крымскій, извѣщен-

---

[1]) Тамъ-же, стр. 295 и 296.

[2]) Тамъ-же, стр. 295 и 296.

ный о замыслахъ русскаго царя польскимъ королемъ, снялъ всѣ свои улусы съ Днѣпра и перенесся за Перекопъ. Такимъ образомъ Вишневецкій долженъ былъ проводить время въ бездѣйствіи, и потому царь, отправивъ посла къ князю съ жалованьемъ, самому ему велѣлъ ѣхать въ Москву, оставивъ на Днѣпрѣ Ширяя, Кобякова, дьяка Ржевскаго да Андрея Щепотева и съ ними немного дѣтей боярскихъ да стрѣльцовъ, да съ козаками Данила Чулкова и Юрія Булгакова»[1]). Это было въ 1558 году; но уже въ 1561 году Вишневецкій снова оказывается на Днѣпрѣ и хлопочетъ о томъ, чтобы опять передаться польскому королю. Что побудило князя къ этому, неизвѣстно; во всякомъ случаѣ, остановившись въ урочищѣ Монастырищѣ, между островомъ Хортицей и городомъ Черкасами, Вишневецкій отправилъ къ королю гонца съ просьбою, чтобы онъ снова принялъ его къ себѣ на службу и выслалъ-бы, по обыкновенію и прежде всего, такъ называемый «глейтовный», т. е. охранный листъ для свободнаго проѣзда изъ Монастырища въ Краковъ. Король охотно принялъ князя, и въ 1563 году Вишневецкій считался уже на службѣ польскому престолу; расположеніе короля къ Вишневецкому выразилось между прочимъ тѣмъ, что онъ прислалъ князю своего медика для излѣченія болѣзни, которою страдалъ князь еще въ юношескіе годы, отравленный какимъ-то ядомъ. Впрочемъ тотъ-же король при случаѣ не преминулъ освѣдомиться у русскаго царя о причинѣ отъѣзда князя Вишневецкаго изъ Москвы. «Пришелъ онъ, какъ собака и потекъ, какъ собака; а мнѣ, государю, и землѣ моей убытка никакого не причинилъ», отвѣчалъ царь Иванъ Грозный королю Сигизмунду-Августу. Въ это время Вишневецкій сдѣлался на столько дряхлъ, что едва могъ садиться на коня; но духъ героизма въ немъ не угасалъ. Такъ, находясь въ Краковѣ и подружившись тамъ съ польскимъ магнатомъ Ляскимъ, который владѣлъ молдавскою крѣпостью Хотинымъ и надѣялся и всю Молдавію присоединить къ Польшѣ, Вишневецкій, подъ вліяніемъ этого поляка, задался мыслью добиться молдавской короны. Съ этою-то цѣлью онъ и отправлялся въ 1564 году въ Молдавію; но этотъ походъ былъ послѣднею лебединою пѣснью князя. Дѣло въ томъ, что въ Молдавіи въ это самое время боролись два пре-

[1]) Тамъ-же, стр. 308 и 309.

тендента за обладаніе престоломъ: господарь Яковъ Василидъ, иначе Ираклидъ, и бояринъ Томжа, иначе Стефанъ IX. Томжа осаждалъ Василида въ Сучавскомъ дворцѣ, когда явился передовой отрядъ Вишневецкаго и потребовалъ молдавской булавы для своего князя. Томжа повидимому охотно согласился на это притязаніе и лично пошелъ встрѣчать славнаго героя. Князь не ожидалъ такой скорой развязки и съ небольшой дружиной двинулся къ Сучавѣ, но здѣсь внезапно былъ схваченъ сторонниками хитраго Томжи и плѣненъ. Этого мало: плѣннаго князя Томжа передалъ туркамъ, злѣйшимъ врагамъ его, и тѣ рѣшили предать его жесточайшей казни: бросить живымъ съ высокой башни на одинъ изъ желѣзныхъ гаковъ (крюкъ), которые вдѣланы были въ стѣну у морскаго залива, по дорогѣ отъ Константинополя въ Галату. Князь былъ брошенъ, зацѣпился ребромъ за крюкъ и въ такомъ видѣ висѣлъ нѣсколько времени, оставаясь живымъ, понося имя султана и хуля его мусульманскую вѣру, пока не былъ убитъ турками, не стерпѣвшими его злословій. Народъ сохранилъ въ своей памяти величественный образъ князя и воспѣлъ его трагическую кончину въ готовой уже пѣснѣ о козакѣ Байдѣ. Пѣсня разсказываетъ, что Байда на столько былъ славенъ, что самъ ханъ предлагалъ ему свою дочь въ жены; но Байда на столько-же былъ преданъ православной вѣрѣ, что съ омерзѣніемъ отвергъ это предложеніе, глумясь надъ всѣмъ, что было священно и простому мослемину, и самому хану, и рѣшился даже убить этого послѣдняго. Жестокая казнь слѣдовала за этимъ глумленіемъ. Польскій писатель Нѣсецкій прибавляетъ [1]), что у повѣшеннаго князя было вынуто изъ груди сердце; предавъ его огню, турки всыпали пепелъ его въ кружки съ виномъ и выпили, желая отъ этого заразиться такимъ-же мужествомъ, какимъ отличался во всю свою жизнь князь Вишневецкій.

У Царыгради та на рыночку,
Тамъ пье Байда медъ-горилочку;
Ой пье Байда та не день не два,
Не одну вичку та й не годиночку;
Ой пье Байда та й киваетця,
На турецького царя похваляется;

[1]) Korona Polska, 1728—1748, т. IV, стр. 545.

Ой пье Байда, що разъ наливае,
А турецкій царь его пидмовляе.
—Ой ты, Байдо, та славнесенькій,
Будь мени лыцарь та вирнесенькій.
Покинь, Байдо, та пити-гуляти,
Бери дочку та йди царювати!
Бери въ мене та царивночку,
Будешь паномъ а на Украиночку!
—Твоя вира та проклятая,
А дочка твоя та поганая.
Ой крикнувъ царь та своимъ гайдукамъ:
—Визьмить Байду та добре въ руки,
Визьмить Байду, извяжите,
На гакъ ребромъ почепите.
Ой висить Байда та й не день, не два,
Не одну ничку та й не годиночку.
Ой висить Байда та й гадае
Та й на свого царя споглядае,
Та на свого царя молодого,
И на свого коня вороного.
—Ой, царю-жъ мій молодесенькій!
Подай мени лучокъ та тугесенькій,
Подай мени тугій лучокъ
И стрилочокъ цилый пучокъ!
Ой бачу я три голубочки,
Хочу я вбити для ёго дочки.
Де я мирю, тамъ я вцилю,
Де я важу, тамъ я вражу.—
Ой якъ стриливъ, царя вциливъ,
А царицю въ потилицю,
Его доньку въ головоньку.
Не вмивъ, царю, Байды бити,
За це-жъ тоби въ земли прѝти.
Було-бъ Байди голову изняти,
Було-бъ ёго тило поховати,
А на воронимъ кони пидъизжати,
Хлопця ёго соби пидмовляти.

Такимъ образомъ Вишневецкій не удержался на Хортицѣ и основанный имъ притонъ или Сѣчь, для помѣщенія на островѣ козаковъ, также рушился: основавъ Сѣчь въ 1557 году, князь долженъ былъ оставить ее уже въ 1558 году. Прошло болѣе шестидесяти лѣтъ и Сѣчь на островѣ Хортицѣ снова возникаетъ. Теперь устройство ея принадлежитъ гетману малороссійскихъ и вмѣстѣ кошевому атаману запорожскихъ козаковъ Петру Конашевичу-Сагайдачному. «Какъ поляки шли войною на Россію въ 1630 году [1]), замѣчаетъ князь Мышецкій, тогда запорожскіе козаки были подъ Польшею, и одинъ запорожскій воинъ, прозываемый Сагайдачный, на оном островѣ (Хортицѣ) построилъ фортецію, а по ихъ званію окопъ» [2]). «Въ началѣ XVI ст., сколько намъ извѣстно, пишетъ Лербергъ, занятъ онъ (Хортицкій островъ) запорожскими козаками и сдѣлался ихъ сборнымъ пунктомъ»... Но заселеніе это продолжалось не долго, столько-же мало, какъ и *бывшее въ 1620 году*, въ которомъ сіи козаки заложили здѣсь крѣпость (сѣчу); поелику Бопланъ, бывшій на островѣ въ 1639 году, совѣтуетъ сдѣлать здѣсь заселеніе» [3]). «Островъ сей (Хортицкій), пишетъ Устряловъ въ одномъ изъ примѣчаній переводимаго имъ «Описанія Украйны», извѣстенъ у Константина Багрянороднаго подъ именемъ острова св. Григорія. Тамъ древніе руссы, переплывъ благополучно пороги и отразивъ непріятелей, приносили жертвы; тамъ въ началѣ XVI столѣтія запорожцы имѣли Сѣчь свою, оставляли ее, въ 1620 году возобновили и вскорѣ вновь покинули» [4]). «Хортица, замѣчаетъ наконецъ Григорій Спасскій, одинъ изъ большихъ острововъ... Первыми поселенцами здѣсь были запорожскіе козаки... Въ началѣ XVII ст. гетманъ Сагайдачный приказалъ жилища ихъ обвести земляным окопомъ и деревяннымъ тыномъ или *засѣкою*, отъ чего, можетъ быть, получило тогда это укрѣпленіе и названіе *Сѣчи*,

---

[1]) Мышецкій впадаетъ въ небольшую погрѣшность: дѣло было въ 1618 или 1620 г., но ни въ какомъ случаѣ не въ 1630 г., такъ какъ Сагайдачный умеръ уже въ 1622 году.

[2]) Исторія о каз. запорож. Одесса, 1852 г., стр. 68.

[3]) Изслѣдованіе къ объясненію древн. рос. исторіи, стр. 278—279.

[4]) Бопланъ. «Описаніе Украйны». Спб., 1832 г., стр. 150, примѣч. 97.

сохранившееся и при переходѣ запорожцевъ на другія мѣста, до самаго окончательнаго ихъ разсѣянія»[1]).

Такова исторія острова Хортицы. Особенное вниманіе обратилъ я на него во время своей поѣздки по запорожскимъ пепелищамъ. Подыскавъ себѣ спутниковъ въ лицѣ двухъ стариковъ и учителя Трофима Евфимовича Дешки ближайшаго къ острову села Вознесенки, я направился внизъ по Днѣпру и прибылъ прямо къ сѣверо-западному углу острова. Здѣсь Днѣпръ островомъ Хортицей дѣлится на два рукава: новый Днѣпръ и старый Днѣпръ. Новый Днѣпръ охватываетъ островъ съ сѣверо-востока и идетъ къ городу Александровску, старый Днѣпръ, иначе Рѣчище, окаймляетъ островъ съ юго-запада и протекаетъ по-надъ колоніями Верхней Хортицы, Канцеровки, Розенгардъ, Бурвальде и нижней Хортицы. Мы направились по старому Днѣпру, или Рѣчищу. Тотъ-часъ при входѣ въ Рѣчище, у лѣваго берега Хортицы, я увидѣлъ небольшую разщелину и обратился къ одному изъ своихъ спутниковъ съ распросами о ней. Спутникъ отвѣчалъ, что это пещера запорожская, что названіе ея «Зміева», а называется она такъ отъ того, что въ ней водилось много змѣй.

Я полюбопытствовалъ спросить, пытался-ли кто пролѣзть въ эту пещеру.

— А вже-жъ! отвѣчалъ мой спутникъ. Годъ сімьдесятъ тому назадъ, у цій печери найшли жертку, довгу та товсту таку, а на жертци десятокъ або два хамутивъ, зъ десятокъ недоуздкивъ,—усе, кажуть, запорожське; такъ потрюхло все: якъ визьмешься, такъ воно й сыпетця; такъ усе и поопадало.

Я скомандовалъ подвернуть къ пещерѣ, и лодка тотъ часъ-же причалила къ берегу. Пещера оказалась въ гранитномъ откосѣ лѣваго (островнаго) берега Рѣчища; она на столько возвышалась надъ уровнемъ воды, что безъ вспомогательныхъ средствъ къ ней не было никакой возможности докарабкаться. Тогда мы рѣшили сдѣлать такъ: я долженъ былъ стать обѣими ногами на плечи дѣду и такимъ образомъ добраться до пещеры, самъ же дѣдъ долженъ былъ укрѣпить возлѣ берега весло и по немъ долѣзть до пещеры.

---

[1]) Григорій Спасскій. Книга глаголемая Большой Чертежъ. Москва. 1846 г., стр. 258, прим. 125.

Къ послѣднему способу прибѣгъ и учитель Дешка. Скоро мы взлѣзли, зажгли свѣчу и нашимъ взорамъ представилось довольно просторное углубленіе на подобіе корридора. Привыкши къ точности, я тотъ-часъ же прибѣгъ къ измѣренію: пещера оказалась высоты двѣ сажени, длины больше трехъ, полъ каменный, но засыпанный пескомъ, по-верхъ котораго набросаны были колюки «якирьци»; въ пещерѣ было множество комаровъ и мошекъ. Въ самомъ концѣ ея зіяла яма, изъ ямы же выдавались острые камни. Мы рѣшились спуститься и въ яму; испытавъ, что въ сапогахъ, по скользкимъ камнямъ далеко неудобно лазить, мы сняли сапоги и начали спускать одинъ другаго, при помощи веревки, въ яму. Яма оказалась глубокая, къ югу нѣсколько удлиненная и засыпанная много пескомъ; кромѣ птичьихъ гнѣздъ да тѣхъ-же колюкъ—«якирьцивъ» въ ней ничего не оказалось; говорятъ, впрочемъ, что въ очень недавнее время пещера служила мѣстопребываніемъ особенно большой змѣи, но мы не видали ея и благополучно вылѣзли изъ ямы, оставивъ затѣмъ и самую пещеру. Спускаясь ниже по Рѣчищу, я поражался необыкновенною высотой и скалистостью его береговъ; особенно величественъ берегъ лѣвый; онъ, какъ и правый, состоитъ изъ дикаго гранита, мѣстами спускающагося къ водѣ громадными террасами, мѣстами выдѣляющаго изъ себя огромнѣйшіе, очень острые отроги, мѣстами же представляющаго какъ-бы сплошную отвѣсную стѣну, возвышающуюся надъ уровнемъ водъ до 30 сажень. Издали берега рѣки кажутся черными массивной величины стѣнами, камни которой какъ бы давятъ одинъ другаго. Ничего подобнаго во всю свою жизнь я не видывалъ. Здѣсь Днѣпръ кажется такимъ дикимъ, грознымъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ величественнымъ и обаятельнымъ, что невольно приковываетъ вниманіе и взоръ человѣка, вселяя въ него въ одно время и страхъ къ себѣ, и какое то священное благоговѣніе... Но вотъ мы стали огибать сѣверный уголъ острова, особенно выдавшійся въ Днѣпръ. Я спросилъ моего спутника о названіи этого мыса и онъ отвѣчалъ: «Свиняча голова», пояснивъ притомъ, что и въ самомъ дѣлѣ мысъ похожъ на голову свиньи. Мы миновали и «Свинячу голову», спустились еще ниже. Вездѣ берега скалисты и высоки, особенно-же лѣвый. Спустились еще ниже; тутъ, съ правой стороны, надъ самымъ берегомъ рѣки, я увидѣлъ заливъ и у него небольшое жилье. Чичероне мой замѣ-

тилъ, что это «Царьска пристань», но отъ чего такъ называется, отвѣта дать не могъ. И не мудрено. Дѣло въ томъ, что наименованіе это идетъ, какъ кажется, съ довольно давняго времени, и именно если не съ 1738 г., то съ 1790 года. Въ 1738 году здѣсь стоялъ царскій флотъ, «россійская армія и флотилія, вышедъ изъ Очакова, много время стояла»[1]), а въ 1790 году здѣсь останавливались царскіе плоты съ разнымъ лѣсомъ, который русское правительство присылало нѣмцамъ-колонистамъ во время переселенія ихъ въ бывшія запорожскія земли. «Настоящимъ именемъ своимъ, говоритъ Брунъ, эта мѣстность (Царская пристань) обязана, конечно, тому обстоятелкству, что именно тамъ была заложена адмираломъ Де-Рибасомъ въ 1796 г. такъ называемая Екатеринославско-днѣпровская верфь, назначенная для содержанія судовъ, чтобы перевозить соль изъ Крыма въ Одессу и Овидіополь»[2]). Такова причина названія пристани Царскою. Что касается жилья, расположеннаго возлѣ пристани, то это небольшой поселокъ или хуторъ, принадлежавшій прежде еврею Саксаганскому, а потомъ перешедшій во владѣніе двухъ нѣмцевъ, Роднера и Тиссена.

Отъ Царской пристани мы спустились ниже; берега рѣки постепенно опускались: слѣва тянулся тотъ-же островъ, справа шла земля колоніи Верхней Хортицы. Подвигаясь еще ниже, я увидѣлъ, съ лѣвой стороны, на берегу острова Хортицы, устье Куцой балки, а съ правой, отъ материка, мысъ Рогозы. Здѣсь мы пристали къ берегу; я вышелъ на материкъ и глазамъ моимъ представился цѣлый рядъ укрѣпленій. Укрѣпленія состоятъ изъ рвовъ, нѣкогда глубокихъ, но теперь на половину засыпанныхъ пескомъ, съ осунувшимися, но когда-то также высокими валами, расположенными звѣздообразно, въ водѣ ломанныхъ линій. Пройдя предварительно по всѣмъ укрѣпленіямъ, мы затѣмъ прибѣгли къ промѣру ихъ: оказалось, что весь кругъ укрѣпленій состоитъ изъ пятнадцати канавъ и равняется тремъ стамъ пятидесяти пяти саженямъ, причемъ первая канава (если стать лицомъ къ западу и взять правую сторону укрѣпленія) равняется сорока пяти саженямъ, вторая пятнадцати, третья девяти, четвертая сорока, пятая двѣ-

[1]) Мышецкій, Исторія о каз. запорож., Одесса, 1852 г., стр. 68.

[2]) Брунъ, Черноморье, т. II, стр. 365.

надцати, шестая десяти, седьмая двадцати, осьмая семи, девятая семнадцати, десятая и одинадцатая четырнадцати, двѣнадцатая восьмидесяти шести, тринадцатая пятидесяти четыремъ, четырнадцатая пяти и наконецъ патнадцатая двадцати саженямъ. Въ срединѣ укрѣпленія имѣютъ множество ямокъ, а по угламъ ихъ—квадратныя батареи, изъ которыхъ каждая сторона имѣетъ шесть саженей длины и состоитъ изъ канавы съ валомъ въ одну сажень высоты, съ пропускомъ, съ восточной стороны, для входа. Все укрѣпленіе расположено такъ, что концы сѣверной и южной линій его упираются въ самую рѣку, пропуская чрезъ середину дорогу, ведущую сперва на паромъ черезъ рѣку, а потомъ на островъ Хортицу.

Кто-же сооружалъ эти укрѣпленія?

Прямаго отвѣта на этотъ вопросъ нѣтъ; можно думать лишь, что сооруженіе ихъ принадлежитъ тѣмъ лицамъ, съ именами которыхъ связано и устроство самой сѣчи на Хортицѣ,—это князь Д. И. Вишневецкій и гетманъ Петръ Конашевичъ-Сагайдачный, который своимъ именемъ далъ названіе цѣлому урочищу на лѣвомъ берегу Днѣпра, противъ колоніи Кичкаса, между «Середней» скелей и «Попилищемъ» Сагайдака[1]).

Мы оставили укрѣпленія и пустились опять внизъ по рѣкѣ, держась все того-же направленія, съ сѣвера на западъ. Скоро мы миновали устье балки Наумовой, идущей съ острова къ лѣвому берегу рѣки, прошли мѣсто переправы (Ueberfahrt) черезъ рѣку съ материка на островъ[2]), оставили устье балки Громушиной, идущей отъ острова къ рѣкѣ, и наконецъ очутились у небольшаго островка Канцеровскаго. Островокъ находится почти у самаго берега рѣки съ правой стороны и отдѣляется отъ материка небольшимъ проливомъ Вырвой; длина Днѣпра отъ сѣверо-восточнаго угла Хортицы къ острову Канцеровскому равняется двумъ съ половиной верстамъ. Островъ Канцеровскій существуетъ съ давняго времени; онъ былъ извѣстенъ уже Эриху Лассотѣ, только подъ именемъ острова малой Хортицы. «Мы пристали, говоритъ Лассота, къ берегу (Днѣпра) ниже близъ

---

[1]) См. также Сбор. юго-зап. отд. г. геогр. общ. Драгоманова. Малор. пред. и разсказ., стр. 415.—Въ старину по урочищу Сагайдачному, по разсказамъ старожиловъ, пролегалъ шляхъ Сагайдаковъ, вѣтвь Муравскаго.

[2]) На берегу острова устроенъ для перевозчика небольшой домикъ.

лежащаго острова малой Хортицы... Близъ сего острова изливаются въ Днѣпръ съ русской стороны три рѣчки, которыя всѣ называются Хортицами, и названіе это онѣ передали обоимъ островамъ» [1]).

По разсказу старика Осипа Шута, Канцеровскій островъ былъ совсѣмъ маленькій: «одна скеля, а на ній крипость. По-за нимъ видъ праваго берега (отъ материка) бувъ тиховодъ и вода далеко вризувалась въ балочку. Въ цимъ тиховоди була пристань, куды запорожци заводили свои байдаки; тутъ-же иноди стояли и царьски судна. Тутъ, якъ-бы ставъ копати землю, то ще й теперь найшовъ бы стари судна. Тамъ затоплени и царьски, и запорожьски. Ще й я зазнаю, якъ писля великои воды багато вымыло зъ-пидъ писку судивъ. А изъ самои воды, оце якъ хто пирне, то й вытягне або рушныцю, або списъ, або яке зализо» [2]).

Чтобы составить себѣ представленіе объ общемъ видѣ острова, я рѣшилъ объѣхать сперва весь островъ кругомъ и затѣмъ уже дѣлать изслѣдованія на немъ самомъ. Мы скоро объѣхали островъ и высадились на сѣверо-восточномъ углу его. Островъ оказался раздѣленнымъ на двѣ части: низменную, покрытую лѣсомъ, на западѣ, и возвышенную, поросшую травой, на востокѣ. Всей земли подъ островомъ—двѣнадцать десятинъ и тысяча двѣсти квадратныхъ саженъ; западный и южный края острова отлоги, а восточный и уголъ сѣвернаго возвышенны, скалисты и совершенно отвѣсны; средняя высота ихъ отъ уровня водъ до семи саженъ. Возвышенная часть острова имѣетъ укрѣпленія по сѣверной, южной и западной окраинамъ, состоящія изъ глубокихъ канавъ съ насыпными валами, отъ двухъ до трехъ саженъ высоты; въ общемъ видѣ укрѣпленія имѣютъ форму полу-круга или, точнѣе, подковы, сѣверная и южная стороны которой имѣютъ по сорока саженъ, а западная пятьдесятъ шесть, съ пропускомъ въ три сажени для въѣзда; внутри укрѣпленій находится до двадцати пяти глубокихъ ямокъ, по которымъ растутъ деревья. Спрашивается: кто-же сооружалъ укрѣпленія здѣсь, на Малой Хортицѣ? Если укрѣпленія, сдѣланныя на материкѣ, возлѣ Царской пристани, могутъ быть приписываемы одинаково какъ князю

---

[1]) По Мышецкому это Сухая, Великая и Нижняя Хортицы; въ настоящее время рѣчекъ этихъ нѣтъ, а вмѣсто ихъ есть только сухіе овраги.

[2]) Изъ преданій, записанныхъ Я. П. Новицкимъ.

Димитрію Ивановичу Вишневецкому, такъ и гетману Петру Конашевичу-Сагайдачному, то тоже можно сказать и относительно укрѣпленій на островѣ Канцеровскомъ или Малой Хортицѣ. «Мы пристали, говоритъ Лассота, къ берегу ниже, близь лежащаго острова Малой Хортицы, гдѣ лѣтъ тридцать тому назадъ былъ построенъ замокъ Вишневецкимъ, разрушенный потомъ турками и татарами» [1]). Здѣсь Лассота не говоритъ о Сагайдачномъ, но это потому, что Сагайдачный пребывалъ на островѣ позже Лассоты.

Но оставивъ и островъ Канцеровскій, мы спустились еще ниже, держась все того-же направленія, съ сѣвера на югъ. Предъ нами промелькнули слѣва устья балокъ: Каракайки, Генеральской, Широкой и Корпѣйчихи; справа земли колоній: Канцеровки (Розенталь), Розенгардъ, Бурвальдъ и Нижней Хортицы, среди-же самой рѣки мы оставили небольшой Корнетовъ островъ. Чѣмъ дальше мы подвигались къ концу острова, тѣмъ большая замѣчалась разница въ характерѣ мѣстности: русло рѣки, дотолѣ узкое, значительно разширяется; берега ея, до этихъ поръ скалистые и возвышенные, становятся отлогими, потомъ низменными и наконецъ переходятъ въ такъ называемыя плавни, т. е. низменныя мѣста, покрытыя травой и поросшія мягкой породы деревьями, какъ-то: осокоремъ, красной лозой, ивами и другими.

Совсѣмъ стемнѣло, когда мы выбрались къ самой оконечности южной части Хортицы. Здѣсь мы пристали къ берегу и вышли на островъ. Оказалось, что южная часть острова шире сѣверной, но за то значительно ниже ея; она обилуетъ многими озерами, покрыта высокой болотистой травой и разными деревьями, начиная отъ ивняка и кончая дубомъ. Въ общемъ это ни что иное, какъ очень большая плавня. Видъ отсюда на рѣку открывался величественный. Долго я любовался имъ, пока не приглашенъ былъ своими спутниками къ лодкѣ. Мы усѣлись и проплыли въ Новый Днѣпръ. Теперь путешествіе наше было затруднительно, такъ какъ намъ нужно было плыть противъ теченія.

— Примичайте, паничу: острівъ Просередъ, Капральскій Просередъ! сказалъ сопровождавшій меня старикъ.

---

[1]) Путевыя записки Эриха Лассоты. Одесса, 1873 г., стр. 53.

Я осмотрѣлся и дѣйствительно увидѣлъ небольшой островъ, наносный, песчаной формаціи, расположенный ближе къ острову, нежели къ материку, противъ устья балки Проризной, идущей съ острова. Мы поднялись выше. Справа показалась Александровская пристань, слѣва высокій мысь.

— Ото вамъ «Нижча голова», замѣтилъ дѣдъ и для ясности прибавилъ:

— Отто-жъ була вамъ Высча, або Свиняча голова, вйдъ горы, а ця буде Низча голова, бо вйдъ низу.

— Добре, диду! понимаю, отвѣчалъ я.

Мы поднялись еще выше, миновавъ съ лѣвой стороны на островѣ устья балокъ: Корніевой, Липовой, Костиной, Башмачки и Шанцевой, а съ правой на материкѣ деревню Слободку, село Вознесенку и среди рѣки островъ Разстебинъ.

Дѣдъ пояснилъ мнѣ, что это островъ недавній, что ниже его былъ другой островъ, называвшійся Дубовымъ, но что отъ него и слѣдовъ теперь не осталось.

— Какъ-же такъ? съ недоумѣніемъ спросилъ я.

— А такъ, вода пидмыла, отвѣчалъ дѣдъ; тутъ це не диковина: оце стоитъ скилько литъ острив, коли гляди и загувъ за водою. На дубовимъ острови бувъ и лисъ, та ще великій, саме дубья, бувъ и шинокъ, и млинъ, такъ усе пишло за водою. Велику силу мае вода. Мабуть, годъ больше десяти назадъ тому було. А великій островъ бувъ: верстовъ зъ дви довжины.

Послѣ изъ плана, находящагося въ хортицкомъ волостномъ правленіи, я удостовѣрился, что такой островъ дѣйствительно былъ и что на немъ значилось 64 дес. земли.

— Вотъ ужъ гдѣ непримѣнимо понятіе о *недвижимой* собственности, подумалъ я.

Отъ Разстебина острова мы поднялись еще выше; скоро, вдоль лѣваго берега Днѣпра, на восточной окраинѣ острова Хортицы, мы увидѣли нѣсколько домиковъ нѣмцевъ-колонистовъ; они расположены въ ложбинѣ, искусственно углубленной и довольно живописной; множество вѣтвистыхъ, густо насаженныхъ вербъ, росшихъ у самаго берега рѣки, не позволяло мнѣ ясно разсмотрѣть нѣмецкія обиталища. Мы поднимались выше и скоро миновали Мартынову скелю, или мысъ, устья Ганновской, Малой Вербовой и Большой Вербовой

балокъ съ лѣвой стороны, на островѣ, Скотивскую, Великую скели или мысы и устье Блуквы балки, съ правой стороны, отъ материка, Но поднявшись еще немного вверхъ, мы добрались до мыса или скели Вошивой, съ лѣвой стороны, отъ острова.

— Ото вамъ, говорилъ дѣдъ, скеля Мартынова, друга Скотивська, а третя Вошива.

На вопросъ мой о происхожденіи сказанныхъ названій дѣдъ пояснилъ:

— Мартынова скеля видъ нимця Мартына: тутъ, противъ самои скели була у нёго хата; такъ-то спершъ усе казали: «скеля проти Мартиновои хаты», а потомъ уже прямо: «Мартинова скеля». А Скотивська, то ця вже видъ запорожця: Скотивець запорожець живъ коло неи. У нёго товару (рогатаго скота) була сила; якъ пригоне было ёго на водопой до Днипра, такъ Днипро ажъ стогне... Багатиня бувъ той Скотивець. Та довго, кажуть, и живъ винъ тутъ, уже якъ и запорожцивъ порозгонили видциля, а винъ усе живе та живе соби. Усякаго було й прыйме до себе: хто видкиль не визьметця, усе до нёго: винъ ёго сперше нагодуе, а потимъ и роботу найде. У слави великій бувъ Скотивець; отожъ одъ ёго и скеля Скотивською зветця, и балка Скотивська е.

— А Вошива? спросилъ я наконецъ.

— Тутъ, пробачайте, кажуть, запорожська голота нужу свою прудила, такъ одъ того й скелю такъ назвали.

Поднявшись еще выше отъ Вошивой скели, мы увидѣли, съ лѣвой стороны отъ острова, устья балокъ Молодняги, Холодной, Совутиной съ мысомъ того-же имени, скалу Пристинь съ правой стороны, и добрались до острова Дубоваго. Относительно Совутиной балки и скалы дѣдъ далъ характерное объясненіе, указывающее на то, что здѣсь было жилище какого-то разбойника.

— Балакають, шо то видъ запорожця Совуты. Противъ скели, у бальци, е богато печерь; у тихъ печеряхъ винъ и живъ. Страшный, кажуть, бувъ Совута той: очи въ ёго таки, якъ у совы, що въ ночи лучче бачать, якъ у день; у день, кажуть, винъ и не выходивъ изъ своихъ печерь,—тилько якъ ничъ настане, такъ вы-

скоче, ухопе, шо ёму треба, та впьять у свою нору и порина наче той звирь.

Добравшись отъ мыса Совуты до песчаной косы, у сѣверо-восточнаго угла острова, откуда мы и начали свой обходъ вокругъ, мы затѣмъ поворотили назадъ и пристали къ острову Дубовому. Любопытно было взглянуть на этотъ островъ. Островъ оказался небольшой; длина его едва доходитъ до одной версты; онъ на половину каменистый, на половину песчаный; вершина его покрыта невысокими деревьями, осокорнякомъ и шелюгой. Недавно, говорятъ, здѣсь росли и дубы; до 1845 года на островѣ видны были остатки отъ нѣкогда существовавшихъ здѣсь укрѣпленій, смытыхъ потомъ сильнымъ вешнимъ разливомъ рѣки.

Теперь объѣздъ острова конченъ, и я возвратился назадъ, приставъ къ берегу острова, противъ средины колоніи, нѣсколько выше Мартыновой скели. Здѣсь я отпустилъ своихъ спутниковъ въ село Вознесенку, оставивъ при себѣ только учителя Трофима Евфимовича Дешку, и пѣшкомъ направился къ ближайшему на островѣ дому. То была школа, лучшее зданіе во всей колоніи; она стоитъ на возвышенности, обращенная парднымъ крыльцомъ на востокъ, къ рѣкѣ, и обсажена съ двухъ сторонъ, съ сѣвера и юга, высокими деревьями; къ ней вела широкая и довольно высокая лѣстница. Мы поднялись по лѣстницѣ. Дверь оказалась запертой. Начали стучать. Долго простучали мы, пока наконецъ не услышали раздавшагося въ сѣняхъ скрипа отъ шаговъ чего-то, повидимому, очень грузнаго. Шаги приближались къ намъ медленно. Наконецъ это *что-то* подошло къ двери и, не отворяя ее, окликнуло насъ по нѣмецки. Послѣ нѣсколькихъ вопросовъ и отвѣтовъ дверь отворилась, и на порогѣ показался мужчина нѣсколько ниже средняго роста, довольно полный, уже пожилой, съ круглымъ, безъ бороды и усовъ, лицемъ, въ туфляхъ на ногахъ. Это былъ учитель колоніи, Якубъ Якобовичъ Купнъ. Я обратился къ нему съ просьбою пріютить меня на ночь; но нѣмецъ, подумавши немного, почему-то отказалъ и предложилъ провести меня къ сосѣду его Неткау. Неткау даже не отперъ двери и не откликнулся, не смотря на нашъ стукъ. Что дѣлать? Идти еще къ кому нибудь или расположиться подъ открытымъ небомъ на холодной и сырой землѣ? Я склоненъ былъ на послѣднее.

— Да вы зачѣмъ пріѣхали къ намъ на островъ? спросилъ меня Куппъ.

Я объяснилъ ему цѣль моей поѣздки. Куппъ задумался.

— Ну, ужъ знаете, пойдемъ-те лучше ко мнѣ, сказалъ онъ наконецъ.

Нечего и говорить, что подобный оборотъ дѣла обрадовалъ меня несказанно. Мы возвратились назадъ, дошли до школы, поднялись по деревянной лѣстницѣ, вошли въ широкія сѣни и наконецъ очутились въ просторной комнатѣ, Studirzimmer (кабинетѣ) Куппа. Обстановка оказалась простая, но она изобличала въ хозяинѣ присутствіе хорошаго вкуса; столъ, стулья, диванъ, гардеробъ все какъ-то пріятно поражало своей новизной и лоскомъ; вездѣ замѣчалась безукоризненная чистота; полъ былъ вымытъ до удивительной бѣлизны. Чувствуя усталость, я тотъ часъ-же усѣлся на диванъ за столомъ,

— Не хотите-ли ѣсть? обратился ко мнѣ Куппъ.

— Да хочу, отвѣтилъ я безъ церемоніи, потому что дѣйствительно хотѣлъ ѣсть.

— Сію минуту прикажу подать вамъ, торопливо проговорилъ хозяинъ.

И точно черезъ минуту на столъ подано было молоко, масло и хлѣбъ. Ужинъ окончился скоро, и я, не смотря на свое утомленіе, вышелъ съ хозяиномъ посидѣть на крыльцѣ.

Ночь была теплая и тихая; небо все залито звѣздами; взошедшій высоко мѣсяцъ обливалъ всю окрестность своимъ мягкимъ свѣтомъ, передъ нашими глазами разливался Днѣпръ длинною, широкою полосою; онъ былъ совершенно спокоенъ, какъ-бы недвижимъ; отъ праваго берега его, покрытаго сплошною стѣной высокихъ зеленѣющихъ деревьевъ, вѣяло освѣжительной прохладой; отъ лѣваго берега его, совершенно обнаженнаго, усѣяннаго неимовѣрной величины скалами, то высоко вверхъ поднимающимися, то нависающими надъ водой или далеко выдающимися въ рѣку, вставали какія-то длинныя и причудливо-фантастическія тѣни, ложившіяся темными пятнами въ широкой рѣкѣ. Никого и ничего не видно, кромѣ большихъ лѣсныхъ плотовъ, которые длинною полосой протягивались вдоль лѣваго берега рѣки, остановленные на время ночи; только по плотамъ и то кое-гдѣ промелькнетъ темная фигура литвина, оставляющая отъ себя въ водѣ обликъ человѣка внизъ головою и къ верху ногами; только кое-гдѣ, на томъ-же плоту, вспыхнетъ

огонь на разложенныхъ кострахъ, погоритъ-погоритъ и опять затухнетъ... Повсюду тишина. Общее безмолвіе нарушается только отрывистыми звуками рѣчи да заунывной короткой пѣснью какого нибудь парня изъ тѣхъ-же литвиновъ... Словомъ, то была картина широкая, величественная, полная прелести и очарованія. Во всемъ этомъ было что-то такое, что влекло къ себѣ и мою мысль и мое сердце...

Слѣдующимъ днемъ я поднялся съ восходомъ солнца и тотчасъ-же отправился на экскурсію. На этотъ разъ я поставилъ себѣ задачею осмотрѣть сѣверную часть острова, дѣлящагося по самой природѣ на сѣверную, среднюю и южную части. Меня сопровождалъ Якубъ Якубовичъ Куппъ. Пройдя съ полъ-версты, половину пространства, занимаемаго всей колоніей, отъ школы до дома колониста Давида Янцена, мы сразу выбрались на песчаную возвышенную мѣстность, черезъ которую пролегала широкая дорога. Быстро зашагали мы по дорогѣ: очень скоро миновали балки Малую Вербовую, Большую Вербовую; прошли еще съ версту и наконецъ увидѣли цѣлый рядъ укрѣпленій (Schanzengraben). Рѣшено было сперва пройти по всѣмъ укрѣпленіямъ, чтобы составить себѣ общее представленіе объ нихъ, а потомъ уже прибѣгнуть къ измѣренію. Трудъ былъ немалый. Дѣло въ томъ, что длина всѣхъ укрѣпленій, если растянуть ихъ въ одну прямую линію, простирается, какъ оказалось, болѣе, чѣмъ до двухъ съ половиною верстъ: до 1,455 саженъ. Общій видъ ихъ напоминаетъ форму неправильнаго квадрата, состоящаго изъ одинадцати батарей, соединенныхъ между собою тринадцатью траншеями и расположеннаго какъ разъ въ сѣверо-восточномъ углу острова. Сами батареи представляютъ изъ себя небольшіе квадраты, въ которыхъ каждая сторона состоитъ изъ высокой земляной стѣны, доходящей до десяти сажень, причемъ одна изъ сторонъ, обыкновенно сѣверная или западная имѣетъ отверстіе, какъ видно, для входа; въ срединѣ батареи, внутри, выкопаны одна, двѣ, а иногда три и больше, ямки, быть можетъ, имѣвшія значеніе землянокъ для помѣщенія въ нихъ войска. Всѣхъ такихъ батарей въ сѣверной части острова восемнадцать. Траншеи представляютъ изъ себя большіе рвы съ насыпными при нихъ высокими валами, соединяющими каждую изъ батарей; найбольшая длина рвовъ—полтораста сажень, найменьшая восемьдесятъ пять;

maximum глубины рвовъ два аршина, *maximum* высоты валовъ полторы сажени. Съ юга укрѣпленія начинаются непосредственно отъ Днѣпра и идутъ по направленію отъ востока къ западу, отъ Вошивой скели къ парому; они состоятъ изъ трехъ траншей, соединенныхъ между собою столькимъ-же числомъ батарей; изъ нихъ первая траншея имѣетъ длины сорокъ пять саженей, а вторая и третья по сто пятнатцати. За третьей батареей линія траншей раздѣляется на двѣ, при чемъ первая идетъ къ юго-западу, къ балкѣ Каракайкѣ, и состоитъ изъ трехъ батарей, связанныхъ тремя траншеями, одна во сто, другая въ семьдесятъ и третья въ восемьдесятъ саженей длины, а вторая направляется къ сѣверо-западу, къ балкѣ Громушиной, и состоитъ изъ двухъ батарей съ одной траншеей, въ сто десять саженей длины. Но давъ отъ себя двѣ побочныя линіи, на сѣверо-востокъ и на юго-западъ, главная (восточная) линія даетъ еще и третью: прямо съ юга **на** сѣверъ; эта третья линія состоитъ изъ шести батарей, соединенныхъ между собою пятью траншеями [1]), изъ коихъ три сохранились вполнѣ, а двѣ только отчасти; при чемъ первая и третья траншеи имѣютъ по сто пятидесяти саженей длины, четвертая ровно сто, пятая восемьдесятъ, шестая также сто [2]). Шестою батареей эти укрѣпленія и оканчиваются. Отъ сѣверной окраины острова, по направленію съ запада на востокъ, укрѣпленій нѣтъ; они начинаются уже на другомъ, восточномъ, концѣ острова, по направленію съ сѣвера на югъ: здѣсь насыпаны четыре батареи, соединенныя столькимъ-же числомъ траншей, по полтораста саженъ каждая. Восточная линія укрѣпленій стоитъ особо отъ южной и западной, не соединяясь ни съ той, ни съ другой и прерываясь менѣе, чѣмъ на половинѣ всей восточной окраины острова.

Такова общая схема укрѣпленій въ сѣверо-восточномъ углу острова. Къ укрѣпленіямъ-же надо причислить и тѣ многочисленныя глубокія ямы, которыя расположены частью за чертой укрѣпленій, частью-же внутри, и которыя служатъ признаками бывшихъ

---

[1]) Была и шестая (по порядку *вторая*) траншея, имѣющая 150 саженъ, но теперь она засыпана пескомъ.

[2]) Пятая и шестая траншеи на половину также засыпаны пескомъ; прежде пятая имѣла 100 саженъ, а шестая 150.

здѣсь нѣкогда землянокъ. Ямы, расположенныя за чертой укрѣпленій, тянутся по прямой линіи, съ сѣвера на югъ, вдоль батарей и рвовъ въ два ряда и большею частью попарно, причемъ промежутокъ между каждою парою равняется двумъ саженямъ, также какъ и самый діаметръ пространства, занимаемаго каждой изъ ямъ. Кромѣ ямъ, расположенныхъ непосредственно возлѣ батарей и траншей, есть ямы, которыя находятся въ болѣе отдаленныхъ мѣстахъ отъ укрѣпленій, у западной окраины острова; эти ямы слѣдуютъ въ безпорядкѣ одна за другой, но за то онѣ и глубже и шире предшествующихъ. То-же самое можно сказать и относительно ямъ, расположенныхъ внутри укрѣпленій; число ихъ заходитъ за сто, но всѣ онѣ расположены очень неправильно и въ однихъ мѣстахъ нисходятъ до глубины сажени и болѣе того, а въ другихъ значительно менѣе этого. На сколько можно судить по ямамъ, сѣверная часть острова населена была всего болѣе съ восточной и западной сторонъ и только отчасти съ южной, сѣверная-же сторона не носитъ на себѣ никакихъ слѣдовъ жилья. Видно также, что землянки, если только это были онѣ, располагались болѣе въ скрытыхъ мѣстахъ: балкахъ, углубленіяхъ, скалахъ, загроможденныхъ камнями и защищенныхъ деревьями; замѣтно также, что изъ двухъ населеннѣйшихъ сторонъ, восточной и западной, послѣдняя имѣла больше жильевъ, нежели первая, такъ какъ и до сихъ поръ на западной окраинѣ насчитывается 225 ямъ, кромѣ засыпанныхъ пескомъ, а на восточной 171.

Кто-же былъ виновникомъ сооруженія оставшихся теперь на островѣ Хортицѣ укрѣпленій?

Можно думать, что починъ сооруженія названныхъ укрѣпленій принадлежитъ сперва князю Дмитрію Ивановичу Вишневецкому, какъ въ томъ убѣждаютъ насъ свидѣтельства лѣтописца [1]) и слова посланника Эриха Лассоты [2]). Но кромѣ Вишневецкаго, на островѣ Хортицѣ дѣлали укрѣпленія еще Яковъ Шахъ [3]), затѣмъ гетманъ

[1]) Русск. лѣт. по Никон. списку. Спб., 1791 г., стр. 272 и 273

[2]) Путевыя записки Эр. Лассоты. Одесса, 1873 г., стр. 53. См. также Карамзина Истор, госуд. рос. Спб., стр. 262; Бантышъ-Каменскій. М. 1842 г., томъ II, стр. 113; Маркевичъ, Исторія Малороссіи, М. 1842 г., стр. 1, 45.

[3]) Яковъ Шахъ, сперва генеральный есаулъ, а потомъ, съ 1582 года, гетманъ малорусскихъ козаковъ.—Семеновъ, Исторія Малороссіи, Москва, 1874 года, томъ I, стр. 71.

малорусскихъ козаковъ и кошевой атаманъ запорожскихъ, Петръ Канашевичъ-Сагайдачный въ 1618 и 1620 году [1]) и русскія войска въ 1738 году. «Въ 1738 году на Хортицкомъ островѣ сдѣланъ отъ россіянъ великій ретраншементъ, со многими редутами и флешами, на которомъ россійская армія и флотилія, вышедъ изъ Очакова, долгое время стояла» [2]).

Кромѣ батарей, траншей и ямокъ въ той-же сѣверной части острова есть еще четыре кладбища, по преданію оставшіяся отъ времени пребыванія здѣсь запорожскихъ козаковъ. Одно изъ такихъ кладбищъ находится у восточнаго берега острова, надъ балкою Велика Молодняга, другое въ сѣверо-западномъ концѣ острова, надъ крутизной Рѣчища, третье и четвертое съ западной стороны, между Куцой балкой и переправой черезъ тоже Рѣчище на островъ.

Уже высоко поднялось солнце, когда мы оставили укрѣпленія и направились вдоль береговъ той-же сѣверной части. Но и берега пройдены; осталось сдѣлать нѣсколько экскурсій отъ береговъ къ укрѣпленіямъ, въ разныхъ направленіяхъ. Окончено и это. Оказалось, что вся сѣверная часть острова довольно возвышенна, особенно въ сравненіи съ южной, камениста и малолѣсна; деревья растутъ здѣсь то въ одиночку, то кустами и большею частью состоятъ изъ дикихъ грушъ, букса (Buchs-Boum), черноклена, шелюги, боярышника и рѣдко дуба. Есть впрочемъ цѣлыя аллеи такихъ деревъ; но онѣ растутъ лишь по канавамъ бывшихъ укрѣпленій. Также мало здѣсь и травы; только восточная половина этой части острова покрыта чабером, молочаемъ, царскимъ скипетромъ и зеленымъ мхомъ; сѣверная-же, равно какъ западная и южная, представляютъ изъ себя почти голыя песчаныя пространства, лишь по мѣстамъ засаженныя красной лозой, называемой здѣсь шелюгой; таково, напримѣръ, большое песчаное пространство за южной и западной чертами укрѣпленій. Но за то, сравнительно съ другими частями острова, сѣверная часть представляетъ изъ себя едва-ли не самое величественное мѣсто на всемъ Днѣпрѣ, кромѣ развѣ весьма немногихъ мѣстъ между порогами на островахъ. Если стать на восточной окраинѣ сѣверной части острова и взглянуть вверхъ

[1]) См. выше указанія.

[2]) Мышецкій. Ист. о запорож. коз. Одесса, 1852 г., стр. 68.

вдоль рѣки, то картина представится по истинѣ обворожительная. Вотъ прямо среди рѣки, невдалекѣ отъ береговъ острова, высятся массивныя скалы «Стовпы» и «Стоги», а за ними выдвигаются громадные выступы «Дурна» и «Середня»; еще далѣе, справа, виднѣются верхушки зеленѣющихъ деревьевъ, исполиновъ дубовъ,— то урочище Сагайдачное, а слѣва выплываетъ, въ видѣ длинной ярко-зеленой ленты, колонія Кичкасъ, иначе Эйнлаге. Самый Днѣпръ имѣетъ здѣсь неизъяснимую прелесть: въ началѣ, освободившись отъ пороговъ и вырвавшись изъ узкаго русла у Кичкаса, онъ со страшною силою ударяется о гранитные острова и мысы, и шумитъ и бурлитъ и высоко вздымается, а затѣмъ, разлившись на множество струй, начинаетъ мало-по-малу принимать спокойный видъ, дѣлается чистымъ, какъ хрусталь, свѣтлымъ, точно золото и вмѣсто стона и рева издаетъ какой-то пріятный мелодичный звонъ. Но еще больше величія являетъ изъ себя Днѣпръ, когда взойдешь на одинъ изъ кургановъ острова и взглянешь на ближайшія окрестности. Языкъ нѣмѣетъ отъ восторга, душа наполняется благоговѣніемъ къ Тому, Кто сложилъ природу въ такой прекрасный узоръ...

Осмотрѣвъ сѣверную часть острова, я рѣшилъ возвратиться на этотъ разъ въ колонію, тѣмъ болѣе, что и спутникъ мой Якубъ Якубовичъ Купнъ давно уже подавалъ намеки на эту мысль. Скоро мы вышли на открытую дорогу и зашагали.

— А что, Якубъ Якубовичъ, давно-ли поселились ваши колонисты на Хортицѣ?

— О, да! Еще съ 1789 года.

— То есть, это, стало быть, черезъ четырнадцать лѣтъ послѣ паденія Запорожской Сѣчи.

— Ну, ужъ этого я не знаю, знаю только 1789 годъ.

— И много поселилось здѣсь вашихъ колонистовъ?

— Восемнадцать хозяевъ.

— Вы говорите хозяевъ: почему-же не дворовъ?

— Да потому, что у насъ счетъ ведется не по дворамъ, какъ у русскихъ, а по хозяевамъ, а хозяевами у насъ называются тѣ, которые имѣютъ, кромѣ домовъ и дворовъ, еще и землю; земля самое главное и безъ нея хоть имѣй и домъ, и дворъ, и скотъ, а хозяиномъ не будешь считаться; «безземельные»—вотъ какъ у насъ такіе называются.

— Такъ. Скажите-же, пожалуйста, много-ли на вашемъ островѣ въ настоящее время хозяевъ?

— И прежде было восемнадцать, и теперь столько-же.

— Какъ это такъ?

— А вотъ какъ; у насъ пока живъ отецъ, онъ не дѣлитъ своей земли между сыновьями; въ случаѣ-же его смерти, вся земля поступаетъ старшему сыну, а остальные сыновья довольствуются деньгами, скотомъ и разнымъ движимымъ имуществомъ, которое оставилъ имъ отецъ. Бываетъ, что и эти сыновья получаютъ землю отъ отца, но такая земля пріобрѣтается самимъ отцомъ гдѣ нибудь на сторонѣ.

— А какъ обширна ваша колонія?

— Вся площадь нашего острова, по плану, 2,547 десят. 325 саж., а линія, которою протянулись наши поселенія, равняется 870 саж., выходитъ почти двѣ версты; съ сѣвернаго конца крайній домъ Давида Янцена, а съ южнаго Абрама Петкау.

— А не знаете-ли вы, чему равняется окружность острова?

— Окружность острова равняется двадцати съ половиной верстамъ,—такъ у насъ показано на планѣ; видите-ли, въ длину каждая сторона острова имѣетъ по десяти верстъ, да въ ширину одна двѣ съ половиной, а другая двѣ, итого двадцать четыре съ половиною версты.

Здѣсь разговоръ нашъ прекратился: мы дошли до самой школы. Измѣреніе укрѣпленій и затѣмъ разговоръ во время пути заняли насъ такъ, что мы совсѣмъ позабыли о пищѣ; но теперь, когда вошли въ комнату, желудокъ сразу-же заявилъ о своихъ правахъ. Хозяйка не заставила себя долго ждать, и скоро на столѣ показались: ветчина, молоко, сыръ, хлѣбъ, супъ, жаркое и кофе. Изъ всего этого меня занялъ особенно супъ. Это такой сумбуръ, который могутъ выдумать только одни нѣмцы. Чего въ этомъ супѣ не было? Молоко, мука, изюмъ, говядина, вода, вишни и еще что-то такое неуловимое—все это составляло супъ, или, лучше сказать, снадобье, котораго непривыкшему человѣку и въ ротъ нельзя было взять. Хозяинъ нѣмецъ уплеталъ его съ удивительнымъ аппетитомъ, а я только глядѣлъ на него.

— Что-же вы не кушаете супу? спросилъ онъ меня.

— Благодарю васъ; я какъ-то усталъ, отвѣчалъ я, не желая сказать правду.

— Вамъ вѣрно нашъ супъ не нравится? Вы благородный человѣкъ, замѣтилъ хозяинъ.

Чтобы успокоить его, я занялся другими яствами, которыя больше приходились мнѣ по вкусу; особенно вкуснымъ мнѣ показался кофе. Но обѣдъ оконченъ, въ комнату вошла хозяйка. Я началъ благодарить ее, но забывъ, что я нахожусь въ нѣмецкой колоніи, заговорилъ по русски; нѣмка смотрѣла на меня спокойно и ни словомъ, ни движеніемъ не отвѣчала мнѣ; оказалось, что она ни одного слова не знаетъ по русски, не смотря на то, что прожила на островѣ уже чуть-ли не пятьдесятъ лѣтъ.

— Ich danke sehr, madam, поправился я тогда.

— Ich bitte, Herr, отвѣтила мнѣ хозяйка.

За обѣдомъ послѣдовалъ короткій отдыхъ и затѣмъ мы снова отправились осматривать островъ. Теперь мы избрали предметомъ своихъ изслѣдованій среднюю и южную его части. Пройдя нижнюю половину колоніи и поднявшись вверхъ, мы прежде всего наткнулись на огромный дубовый пень, въ окружности до трехъ саженъ, остатокъ отъ громаднѣйшаго дуба, существовавшаго нѣсколько сотъ лѣтъ, свидѣтеля паденія Запорожской Сѣчи и поселенія здѣсь нѣмцевъ. Еще не такъ давно подъ тѣнистыми вѣтвями дуба часто въ лѣтнее жаркое время, послѣ полевыхъ трудовъ, отдыхали нѣмцы-колонисты. Но вотъ уже лѣтъ двѣнадцать тому назадъ дубъ засохъ, оставивъ отъ себя лишь одинъ толстый пень. Нѣмцы такъ дорожили дубомъ, что и теперь высказываютъ сожалѣніе объ утратѣ его. «Лѣтъ пять тому назадъ, пишетъ въ 1876 году г. Новицкій, на островѣ Хортицѣ засохъ священный дубъ—эта замѣчательная древность острова—проживтій десятки вѣковъ. Онъ былъ вѣтвистъ и колоссальной толщины; стоялъ онъ въ ста пятидесяти саженяхъ отъ острово-хортицкой колоніи, на югъ, у самой дороги, направленной чрезъ островъ въ длину; въ настоящее время сохранился только пень дуба, по которому можно судить о его громадности... Преданіе говоритъ, что вѣковой дубъ былъ сборнымъ пунктомъ для запорожцевъ, гдѣ собиралась козацкая рада для обсужденія политическихъ и общественныхъ вопросовъ; подъ дубомъ когда-то лились и запорожскія молитвы, когда козаки брались за оружіе противъ непріятеля. Въ 1775 году, «по зеленихъ святахъ», запорожцы въ послѣдній разъ отдали честь священному дубу, роспили

нѣсколько бочекъ горѣлки и въ послѣдній разъ отплясали запорожскаго козачка; раздавались пѣсни, лились слезы, козаки прощались, расходясь во всѣ концы—«хто на Дунъ, хто на тихій Дунай, а хто до рiдноi осели доживать вику» [1]).

Посѣтовавъ у дубоваго пня о невозможности возвратить прошедшаго времени и воскресить умершихъ козаковъ, чтобы заставить ихъ поразсказать объ ихъ-же собственной жизни, мы поднялись еще выше и здѣсь, взявъ немного влѣво, наткнулись, какъ и въ сѣверной части острова на цѣлый рядъ укрѣпленій. Укрѣпленія находятся на югъ въ полуверстѣ отъ дома колониста Абрама Петкау, и тянутся поперекъ острова, съ востока на западъ, отъ Новаго Днѣпра къ Старому или Рѣчищу, или по направленію отъ с. Вознесенки къ колоніи Розенгардъ. Какъ на сѣверной части острова, такъ и здѣсь укрѣпленія состоятъ изъ батарей, соединенныхъ между собой траншеями; разница между тѣми и этими укрѣпленіями состоитъ лишь въ томъ, что здѣсь укрѣпленія вытянуты въ одну прямую линію и, стало быть, совсѣмъ не такъ сложны, какъ сѣверныя. Всѣхъ батарей здѣсь четыре, траншей три. Какъ въ сѣверной части острова, такъ и здѣсь батарея представляетъ изъ себя правильный квадратъ, каждая сторона котораго равняется десяти саженямъ; траншея-же представляется глубокимъ рвомъ, который связываетъ батареи и по которому въ настоящее время растутъ разныя деревья. Изъ батарей первая сохранилась найлучшимъ образомъ; она имѣетъ входъ съ восточной стороны и въ самой срединѣ своей вмѣщаетъ яму, имѣющую шесть футовъ глубины и заросшую густымъ глотомъ; какъ и батарея, яма также имѣетъ входъ, съ восточной стороны. Высота валовъ первой батареи не восходитъ больше двухъ саженъ, глубина рвовъ больше полуторы сажени. За первою батареей слѣдуетъ сперва четыреугольная яма, по величинѣ меньше предшествующей, совсѣмъ почти осунувшаяся и разбитая, а за ямой уже начинается траншея. Траншея тянется на протяженіи ста пятидесяти саженъ, въ однихъ мѣстахъ она совершенно разбита, въ другихъ сохранилась хорошо, но заросла деревьями. За траншеей снова слѣдуетъ батарея, такой-же величины, какъ и первая, но

---

[1]) Я. Новицкій, Островъ Хортица на Днѣпрѣ, «Одесскій Вѣстникъ» 1876 г., № 55, стр. 2.

только нѣсколько ниже ея; она также имѣетъ съ востока входъ и въ серединѣ своей вмѣщаетъ двѣ ямы, въ полторы сажени въ окружности каждая; канавы и ямы заросли деревьями. За второй батареей слѣдуетъ вторая траншея, длиною въ сто саженъ, и больше, и лучше первой сохранившаяся и гуще заросшая деревьями. За второй траншеей слѣдуетъ третья батарея, такой-же величины, какъ и первая, но также осунувшаяся, какъ и вторая; въ ней три ямы, по величинѣ меньше предшествующихъ, со входомъ съ той-же стороны. Съ третьей батареей граничитъ, съ сѣверной стороны, балка Широкая (Rci Lecht). За третьей батареей идетъ третья траншея; она тянется сначала на сто саженъ, затѣмъ прерывается, но спустя 60 саженъ снова начинается и идетъ на пространствѣ также ста саженъ, при чемъ обѣ половины канавы, въ видѣ сплошной густой аллеи, заросли разными деревьями, преимущественно же грушами, берестомъ, чернокленомъ и глотомъ. За третьей траншеей слѣдуетъ четвертая и послѣдняя батарея; она также прекрасно сохранилась, какъ и первая, но вмѣщаетъ въ себѣ три ямы, изъ коихъ двѣ довольно большія и одна нѣсколько поменьше; какъ ямы, такъ и самые рвы батареи заросли деревьями, тѣми-же грушами, берестомъ, глотомъ и др. Четвертою батареей укрѣпленія въ средней части острова и оканчиваются: дальше, отъ батареи и до берега Стараго Днѣпра, или Рѣчища, укрѣпленій никакихъ нѣтъ: окраины острова оканчиваются низкимъ спускомъ, переходящимъ потомъ въ самый берегъ рѣки.

Осмотрѣвъ среднія укрѣпленія, мы направились затѣмъ вправо, къ сѣверу, имѣя цѣлью пройти балку Широкую и выбраться на засѣянныя поля. Балка оказалась дѣйствительно широкая изъ всѣхъ балокъ на островѣ; въ устьѣ она покрыта прекраснымъ дубовымъ лѣсомъ, между которымъ растетъ высокая трава. Увидя небольшой холмъ подъ вѣтвистымъ дубомъ, я уже готовъ былъ присѣсть на него, чтобы нѣсколько отдохнуть, но Якубъ Якубовичъ рѣшительно воспротивился этому.

— Вы и не думайте здѣсь садиться.

— Почему-же?

— Да потому, что здѣсь водится много змѣй. Недавно показывалась здѣсь страшная змѣя,—саженъ до трехъ, говорятъ; она перепугала одного нашего колониста, да вѣдь какъ? Несчастный лишился

было языка: недѣли двѣ не говорилъ; возили его и къ доктору, ничего не сдѣлалъ; потомъ уже само какъ-то прошло. Какъ онъ спасся отъ нея, Богъ его знаетъ. Колонисты не вѣрили ему, когда онъ разсказывалъ имъ о видѣнномъ имъ страшилищѣ; но вотъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ на ту-же змѣю наткнулся охотникъ съ двумя собаками; одна изъ собакъ бросилась было къ змѣѣ, но была тотъ-же часъ задушена ею; самъ охотникъ растерялся и поспѣшилъ уйти.

Наслушавшись такихъ страховъ отъ Якуба Якубовича, я также постарался поскорѣе выбраться изъ балки. Мы поднялись вверхъ и вышли на ровное, прекрасное поле, колосившееся въ ту пору высокой пшеницей. Здѣсь-же, среди поля, нашему взору представились шестнадцать кургановъ, краснорѣчиво называемыхъ на русскомъ югѣ могилами.

— Не знаете-ли, Якубъ Якубовичъ, спросилъ я моего спутника, много-ли на вашемъ островѣ могилъ?

— Всѣхъ могилъ на нашемъ островѣ пятьдесятъ семь, отвѣчалъ онъ; но только двѣ изъ нихъ особенно большія, остальныя-же и меньше и ниже этихъ двухъ; впрочемъ, прежде и меньшія могилы казались большими, а теперь онѣ какъ-то поосунулись; въ старину на нихъ стояли каменныя бабы, чего теперь и не увидишь,—порастаскали. Въ 1882 году одну изъ большихъ могилъ раскапывалъ кіевскій ученый Беренштамъ; онъ нашелъ тамъ какія-то металлическія стрѣлки, горшочекъ, гвозди и много кое-чего другаго. Миновавъ могилы, мы прошли вершину Ганновской балки и добрались до кладбища (Kirchhof), гдѣ колонисты погребаютъ своихъ покойниковъ. Солнце давно уже зашло, и мы рѣшили возвратиться къ дому, тѣмъ болѣе, что и ноги уже отказывались служить намъ. Для сокращенія пути мы пошли черезъ огороды колонистовъ и скоро дѣйствительно добрались до жилищъ.

На слѣдующій день мнѣ предстояло осмотрѣть южную часть острова. Вставъ по обыкновенію съ восходомъ солнца, я тотъ же часъ отправился на поиски. И на этотъ разъ меня сопровождалъ Якубъ Якубовичъ. Мы избрали путь отъ колоніи вдоль лѣваго берега Новаго Днѣпра, къ плавнямъ. Скоро оставили мы за собой колонію, миновали среднія укрѣпленія, балки Шанцевую, Башмачку, Костину, Корніеву, Липову и наконецъ добрались до высокаго

кургана, на которомъ и усѣлись. Спутникъ мой объяснилъ мнѣ, что курганъ этотъ носитъ въ народѣ названіе Потемкина. Вспомнивъ, что самъ знаменитый князь у запорожцевъ назывался Потемкою, я понялъ, отъ чего курганъ называется Потемкинымъ, а не Потемкинскимъ. Мнѣ хотѣлось однако знать, отъ чего имя князя связано съ курганомъ, и я спросилъ объ этомъ моего спутника.

— Да говорятъ, отвѣчалъ онъ, будто на этомъ курганѣ князь Потемкинъ хотѣлъ построить дворецъ, отъ дворца черезъ островъ провести почтовую дорогу, а черезъ Днѣпръ устроить мостъ. Правда-ли этому, или нѣтъ,—не знаю; но возлѣ кургана росъ садъ, который называли тоже Потемкинымъ. Старые колонисты разсказываютъ, что когда пришли впервые на островъ ихъ дѣды, то застали еще здѣсь какого-то стараго солдата, сторожившаго Потемкинъ садъ; потомъ этотъ сторожъ здѣсь же и умеръ, а садовыя деревья повыкопаны были колонистами для ихъ питомниковъ.

Переданное моимъ спутникомъ преданіе подтверждается и свидѣтельствомъ бывшаго здѣсь въ послѣднюю четверть прошлаго столѣтія В. Зуева, который говоритъ, что на островѣ Хортицѣ «князь Григорій Александровичъ Потемкинъ особое для разведенія и украшенія сада прилагаетъ стараніе»[1]). Если это преданіе вѣрно, то нельзя не подивиться вкусу великолѣпнаго князя: мѣсто, облюбованное имъ, во многихъ отношеніяхъ превосходно. Потемкинъ курганъ высоко поднимается надъ поверхностью острова; самый островъ здѣсь гораздо болѣе открытъ, чѣмъ въ сѣверной части, которая далеко не такъ выдается изъ общаго фона поверхности; тамъ самый материкъ если не выше острова, то во всякомъ случаѣ на одномъ съ нимъ уровнѣ. Берега острова противъ Потемкина кургана и не такъ круты, и не такъ недоступны, и не такъ скалисты, обнажены и возвышены, какъ въ сѣверной части острова. Поверхность острова въ этой части носитъ характеръ не каменистый и песчаный, а степной, представляющій изъ себя весьма удобную планину какъ для сѣнокоса, такъ и для нивъ; а высота ея такова, что отсюда, какъ съ птичьяго полета, видны не только ближайшія поселенія: Вознесенка, Слободка, Александровскъ, Шенвизъ, но и отдаленнѣйшія крестьянскія селитьбы съ ихъ храмами, школами и волостями;

---

[1]) Пут. Зап. СПБ. 1787, 261.

тому способствуетъ относительная высота юго-восточной части острова при относительной низменности самаго материка противъ него.

Но мы оставили Потемкинъ курганъ, спустились къ скалѣ Нижней Головѣ и отсюда, пройдя немного по возвышенной части острова, очутились въ плавняхъ. Слѣдуетъ сказать, что въ 2-хъ верстахъ отъ мыса Нижней Головы возвышенная часть острова сразу переходитъ въ низменную, покрытую травой, лѣсомъ и множествомъ большихъ и малыхъ озеръ, что все вмѣстѣ и составляетъ плавни. Есть основаніе предполагать, что плавни эти сравнительно недавняго происхожденія и что образовались онѣ только подъ защитою самаго же острова. Дѣло въ томъ, что у нижняго конца острова сходятся оба рукава Днѣпра, раздѣленные выше, у сѣвернаго конца. Но сходясь здѣсь, каждый изъ рукавовъ, несущій своимъ теченіемъ песокъ, илъ и корни деревьевъ, здѣсь же и откладываетъ все это, такъ какъ въ этомъ именно мѣстѣ рѣка, дотолѣ стремительная, до извѣстной степени умѣряется въ своемъ теченіи.

Какъ каждая изъ другихъ частей,—сѣверная и средняя, служатъ для колонистовъ источникомъ ихъ пропитанія, такъ и южная доставляетъ для нихъ разный матеріалъ, необходимый для всякаго домохозяина и также служитъ жизненнымъ источникомъ. Дѣло въ томъ, что южная часть острова состоитъ изъ обширной плавни, покрытой большимъ лѣсомъ, изъ дубовъ, осокорей, ивъ, шелюги, обилуетъ разной дичью: дикими гусями, утками, дупелями, коростелями, поросла очень высокими травами, изрѣзана множествомъ озеръ: Лозоватымъ, Прогноемъ, Домахой, Карасевымъ, Подкручнымъ, Головковскимъ, Осоковымъ и другими, которыя обилуютъ разнаго рода рыбами и раками. Таковъ характеръ южной части острова Хортицы. Пробродивъ много времени по берегамъ озеръ, заливовъ, находившись вдоволь по зеленымъ полянамъ и бѣлымъ пескамъ, мы выбрались наконецъ на самую южную окраину острова и здѣсь на берегу, у водъ, усѣлись. Отсюда открывался видъ на Днѣпръ, одинъ изъ прекраснѣйшихъ.

Раздѣленная до этого мѣста островомъ Хортицей, рѣка отсюда снова соединяется и несетъ свои воды не по узкому жолобу, а по широкому, размашистому руслу, усыпанному крупнымъ пескомъ. Теченіе рѣки здѣсь такое плавное, спокойное, а сама вода такая

чистая и прозрачная, что кажется, будто передъ вами не рѣчныя струи, а отполлированный желтый янтарь.

— А что, Якубъ Якубовичъ, не пора-ли намъ домой?

— Я думаю, что пора.

Усталые, медленно возвращались мы домой. Не скоро мы улеглись въ постель, но за то пріятный, глубокій сонъ слѣдовалъ за нашимъ продолжительнымъ походомъ... Восходящее солнце слѣдующаго дня уже застало меня на ногахъ. На этотъ разъ я рѣшилъ познакомиться съ старожилами острова и пораспросить ихъ о дѣлахъ давно минувшихъ дней. Мнѣ указали на единственнаго восьмидесяти восьми-лѣтняго старика Якуба Якубовича Гепнера. По моей просьбѣ старикъ явился въ школу и скоро между нами завязался разговоръ.

— Скажите, пожалуста, откуда переселились ваши предки на островъ Хортицу?

— Предки мои переселились на Хортицу изъ нѣмецкаго города Данцига.

— А давно-ли это было?

— Да, это давно таки было: больше ста лѣтъ; мой отецъ былъ однимъ изъ первыхъ поселенцевъ острова.

— Скажите-же, въ какомъ видѣ засталъ вашъ отецъ Хортицу? Не разсказывалъ-ли онъ вамъ о тѣхъ укрѣпленіяхъ, что въ сѣверной части острова?

— Разсказывалъ: говорилъ, что въ ту пору укрѣпленія были такъ высоки, что на нихъ и взойти нельзя было; изъ многихъ ямъ торчали толстыя дубовыя бревна и огромные дикіе камни. Канавы были широкія, а глубина такая, что упавшая туда лошадь тамъ и околѣвала.

— А что засталъ вашъ отецъ въ нижней части острова?

— Въ нижней, возлѣ озера Домахи, онъ видѣлъ какую-то казацкую хату. Хата, говорилъ, небольшая была, изъ тесаннаго дерева, съ маленькими окнами со ставнями; внутри стоялъ большой дубовый столъ, на срединѣ котораго вырѣзано было распятіе Христа, а на одномъ изъ угловъ просверлена дырка, въ которую, видно, вставлялась свѣча; кромѣ стола въ хатѣ были еще печь и лавы; съ наружной стороны, вокругъ хаты, разбросаны были тряпки, валялись черепья отъ посуды и насыпаны были кучи золы [1]).

[1]) Ср. Драгомановъ. Малор. пред., Кіевъ, 1876 г., стр. 425.

— Прекрасно. Скажите же, не засталъ ли вашъ отецъ кого-нибудь изъ запорожскихъ козаковъ на островѣ?

— На островѣ отецъ не видѣлъ никакихъ запорожцевъ, а вотъ возлѣ острова, гдѣ теперь Кичкасъ, тамъ видѣлъ какого-то запорожца.

— Не Дворяненкомъ-ли его звали? [1]).

— Кажется, что такъ.

— Что же, ничего не разсказывалъ отецъ вашъ о Дворяненкѣ?

— Разсказывалъ, какъ онъ укралъ у нихъ лошадь, когда они только что пріѣхали на островъ.

— Какъ же это было?

— Да вотъ какъ. Послѣ продолжительнаго, говоритъ, путешествія мы добрались наконецъ до рѣки Днѣпра противъ Хортицы; переправились на островъ черезъ рѣку и сейчасъ-же стали отдыхать. Но не успѣли мы еще прійти въ себя, какъ смотримъ, кто-то съ противоположнаго берега плыветъ къ намъ въ лодкѣ. Оставивъ лодку у берега, онъ направился къ намъ; пришелъ, сталъ и смотритъ на насъ, не говоря ничего; мы тоже смотримъ на него и тоже не говоримъ ничего: тогда мы еще по русски не умѣли говорить, да и онъ по нѣмецки не могъ. Онъ былъ босой, безъ шапки, въ одной сорочкѣ да штанахъ (дѣло было лѣтомъ), на очкурѣ которыхъ висѣлъ большой ножъ. Казалось, ему лѣтъ за 50 было; собой здоровый, плечистый... Такъ постоялъ и ушелъ. Мы скоро угомонились и улеглись спать, привязавъ своихъ лошадей къ повозкамъ. Утромъ поднимаемся, сейчасъ-же къ лошадямъ; смотримъ, одной лошади нѣтъ; искать—нигдѣ нѣтъ. Бросились къ мѣсту, гдѣ привязана была пропавшая лошадь, лежитъ ножъ, тотъ самый, который мы видѣли наканунѣ у приходившаго къ намъ человѣка. Поняли тогда, куда дѣвалась наша лошадь. Впослѣдствіи мы узнали, что этотъ человѣкъ былъ запорожецъ; онъ жилъ сперва тамъ, гдѣ теперь колонія Кичкасъ, а потомъ, когда въ Кичкасѣ стали селиться наши колонисты, перешелъ на противоположный берегъ рѣки

---

[1]) Зуевъ, проѣзжавшій по Новороссійскому краю въ 1781 году, говоритъ между прочимъ о томъ, что въ Кичкасѣ находится одна только избушка, въ которой живетъ запорожецъ.—Путев. зап. Спб., 1787 г., стр. 260. См. также Драгомановъ. Малор. предан. и разск. Кіевъ, 1876 г., стр. 423.

(съ праваго на лѣвый), въ балку; тамъ онъ построилъ себѣ курень, завелъ пасѣку и такъ жилъ до самой смерти... Онъ часто приходилъ къ намъ, научился говорить по нашему; какъ-то разъ мы и спрашиваемъ его: «зачѣмъ ты, казакъ, укралъ нашу лошадь, когда мы въ первый разъ пріѣхали на Хортицу»?— «То моя, говоритъ, такая вдача, безъ того я не могу жить» [1]).

— А не находили-ли вы на островѣ или въ рѣкѣ какихъ-нибудь остатковъ старины?

— Было и это: и самъ находилъ, и у другихъ видѣлъ. Вотъ, положимъ, былъ я еще 17-лѣтнимъ юношей, когда однажды пошелъ купаться къ Старому Днѣпру, въ то мѣсто, что противъ колоніи Канцеровки. Пришелъ на берегъ, смотрю, что за чудо? Стоятъ какія-то суда: длинныя, длинныя и хорошо сколоченныя, похожія на теперешніе дубы; считаю, оказывается семнадцать. Я платье съ себя, бросаюсь въ воду и давай осматривать ихъ. Оказалось, что они больше чѣмъ на половину занесены пескомъ и только верхняя часть ихъ выдавалась изъ воды. Нужно вамъ сказать, что за нѣсколько времени до этого въ Днѣпрѣ было большое наводненіе; вода повыносила много песку изъ русла рѣки и сама опала, тогда-то и показались суда, вѣроятно, очень давно затопленныя здѣсь. Осмотрѣвъ хорошо свою находку, я побѣжалъ сообщить о томъ своему отцу. Но что-же отецъ могъ сдѣлать съ судами? Посмотрѣлъ, повыдернулъ нѣсколько бревенъ изъ нихъ, тѣмъ дѣло и кончилось. Скоро вода снова начала прибывать и опять покрыла суда. Это давно было. А то въ 1845 году, послѣ большаго наводненія, я опять видѣлъ судно: это уже стояло въ Новомъ Днѣпрѣ, противъ Вошивой скели; передняя часть судна выходила на берегъ острова, а задняя затоплена была въ водѣ; судно было нагружено пулями да ядрами. Долго оно не покрывалось водой, и я часто лазилъ въ него, набиралъ пуль и ядеръ, но потомъ подошла вода и затопила. Такой-же величины я нашелъ судно въ Старомъ Днѣпрѣ, противъ устья балки Куцой; на это судно я наткнулся случайно: купался и началъ нырять. Судно сидѣло очень глубоко въ водѣ; я началъ

[1]) Преданіе это между прочимъ записано и Я. П. Новицкимъ; оно напечатано въ Малор. пред. и разск. Драгоманова. Кіевъ, 1876 г., 423; мы держались этой редакціи.

осматривать его и на самомъ днѣ нащупалъ пушку. Это меня заняло, и я нѣсколько разъ принимался осматривать: точно, судно и на днѣ его небольшая пушка. Ну что-жъ? Ни лодки нельзя было вытащить, ни пушки... А лѣтъ десять тому назадѣ въ томъ-же Старомъ Днѣпрѣ видѣлъ судно одинъ мальчикъ, сынъ нашего колониста. Тотъ нашелъ въ немъ саблю и взялъ ее. Не знаю уже, куда онъ послѣ ее дѣвалъ, но я видѣлъ эту саблю; она не такъ велика, кривая, обдѣлана серебромъ и много поржавлена.

Много находили вещей въ Днѣпрѣ, а на самой Хортицѣ еще больше. Какъ-то я нашелъ въ Большой Бербовой балкѣ кривой кинжалъ, длинное ружье и стальную кольчугу; все было покрыто такой ржавчиной, что я едва отчистилъ ее. Однажды я нашелъ въ балкѣ Куцой нѣсколько монетъ; одна изъ нихъ такъ была тяжела, какъ шесть серебряныхъ рублей вмѣстѣ, другія—точно рыбья луска, а третьи такія-же, какъ теперь пятачки, но только разнятся тѣмъ, что у нихъ неодинаковая толщина по бокамъ: одинъ бокъ толще, а другой тоньше; на всѣхъ монетахъ были какія-то изображенія и надписи, на однѣхъ по русски,—какъ сейчасъ помню «Царь Борисъ», а на другихъ и не по русски и не по нѣмецки; на этихъ вылиты были львы, по три на каждой штукѣ. Случалось находить и другаго рода монеты съ однимъ лицемъ человѣка, или-же съ цѣльнымъ человѣкомъ, сидящимъ на конѣ. Всячину находилъ. Однажды нашелъ три большихъ острыхъ ножа, пять глиняныхъ съ высокими горлышками кувшиновъ, семь съ толстыми вѣнцами горшковъ. А то какъ-то выкопалъ нѣсколько штукъ картечи и цѣлый складъ свинцу; свинецъ бывало такъ и валяется по-верхъ песка, точно черепья: охотникамъ не надо было покупать; выжди только, пока пройдетъ дождь или поднимется вѣтеръ, тогда и собирай, сколько хочешь. Да, чего только за свой вѣкъ я не находилъ на островѣ?! Небольшія, трехгранныя метталическія стрѣлки, желѣзныя, серебряныя и стальныя бляхи, мѣдныя и бронзовыя пуговицы, большія и малыя пряжки, удила, кольца, ножницы, ядра, бомбы, пули—все это частію я самъ находилъ, частію-же у другихъ видѣлъ.

Однажды нашелъ тридцать шесть пуль вмѣстѣ; всѣ онѣ были надѣты на длинную палку, шестью рядами, причемъ каждый рядъ заключалъ въ себѣ шесть пуль. Нужно думать, что это дѣлалось

для удобства: чтобы не забивать въ пушку отдѣльно каждую пулю, нѣсколько ихъ нанизывали на палку и уже самую палку вкладывали въ пушку. Въ балкѣ Широкой случилось мнѣ найти удивительный замокъ, такихъ я никогда послѣ не видалъ; онъ отпирался безъ ключа; надо было составить извѣстное слово изъ буквъ, вырѣзанныхъ на желѣзныхъ кружечкахъ кругомъ всего замка; кружечки вертѣлись въ разныя стороны и такимъ образомъ составлялись разныя слова, но нужно было подбирать всегда одно извѣстное слово, и тогда замокъ отпирался самъ собою. На островѣ Канцеровкѣ (Малой Хортицѣ) я какъ-то наткнулся на человѣческую кость; сталъ копать; прокопавъ съ полъ-аршина земли, вижу—широкая яма, а въ ней семь человѣческихъ скелетовъ; на груди каждаго скелета лежитъ по нѣсколько мѣдныхъ, пустыхъ въ срединѣ, небольшихъ пуговицъ; видно было, что покойники одѣты были въ какіе-то суконные кафтаны, сукно было толстое, пожелтѣвшее; всѣ скелеты сохранились очень хорошо, особенно черепа; на одномъ лишь черепѣ я замѣтилъ дырку, образовавшуюся не отъ гніенія, а, кажется, отъ удара въ голову человѣка чѣмъ-то острымъ, отъ чего, быть можетъ, онъ и умеръ.

Да, много таки мнѣ пришлось за свою жизнь и видѣть и слышать. Лѣтъ двадцать пять тому назадъ въ саду нашего колониста Якова Вибе найдены были двѣ пушки, одна мѣдная, а другая желѣзная; онѣ сложены были на-крестъ на глубинѣ не болѣе полутора аршина. А то какъ-то нашли цѣлый складъ оружія,—это на островѣ противъ колоніи Кичкасъ; теперь этого острова нѣтъ; онъ смытъ водой, а прежде мы пасли на немъ лошадей и видѣли повыкопанные рвы и батареи, одинъ изъ этихъ рвовъ шелъ прямо по направленію къ скелѣ «Воротамъ». Находилъ оружіе и на «Столпахъ»,—тамъ тоже были укрѣпленія, но они засыпаны пескомъ. Прежде на Хортицѣ можно было всякой всячины найти, а теперь колонисты научились подбирать всякую мелочь да продавать евреямъ, которые каждогодно навѣщаютъ для этой цѣли нашъ островъ. Мѣдныхъ и чугунныхъ вещей, особенно пуль, много пошло на заводъ [1]), гдѣ ихъ плавятъ и выливаютъ изъ нихъ разныя вещи. Ядра

[1]) Фабрика земледѣльческихъ орудій Леппа, въ семи верстахъ отъ острова Хортицы, въ колоніи Хортицѣ-Верхней, екатеринославскаго уѣзда.

и бомбы подбираютъ русскія бабы: онѣ идутъ имъ для разныхъ домашнихъ надобностей. Теперь многое подобрано людьми, а многое повынесено водой. Видите-ли, въ старые годы Днѣпръ былъ уже, чѣмъ теперь, шелъ ближе къ Вознесенкѣ, чѣмъ къ острову; оттого наша Хортица и была шире; но съ теченіемъ времени Днѣпръ сталъ бросать свой лѣвый берегъ, отъ Вознесенки, и подаваться вправо, ближе къ острову, сталъ размывать окраины его, выносить изъ нихъ разныя вещи... Въ старину бывало, какъ пойдешь по разнымъ балкамъ на островѣ, то чего только не увидишь. Тамъ торчитъ большая кость отъ ноги человѣка, тамъ бѣлѣютъ зубы вмѣстѣ съ широкими челюстями, тамъ повывернулись изъ песку ребра, проросшія высокой травой и отъ времени сдѣлавшіяся желтыми какъ воскъ. Задумаешь было выкопать ямку, чтобы что нибудь сварить или спечь, наткнешься на гвоздь или кусокъ желѣза; хочешь сорвать себѣ цвѣтокъ, наклонясшься, смотришь,—черепъ человѣческій, прогнившій, съ дырками, сквозь которыя выросла трава; нужно тебѣ спрятаться отъ кого нибудь въ пещерѣ, бѣжишь туда и натыкаешься на большой мѣдный казанъ или глиняную чашку, или еще что нибудь въ этомъ-же родѣ...

Да, много было кое-чего, да поздо хватились все это собирать.

— Да, это точно. Но скажите, не опасно-ли было вашему отцу жить впервые на Хортицѣ?

— Какъ не опасно? Даже больше того: разъ какъ-то едва не убили его. Тогда, видите, бродили вездѣ «лугари»,—это разбойники такъ назывались. Однажды лѣтомъ отецъ куда-то уѣхалъ съ острова; мы, дѣти, были въ плавняхъ, а мать одна оставалась въ колоніи. Сидитъ и чѣмъ-то занимается. Вдругъ входятъ къ ней три человѣка и просятъ продать имъ молока. Мать согласилась, спустилась въ погребъ и вынесла имъ молока, сколько они просили. Тогда одинъ подходитъ къ ней и начинаетъ торговаться, а другой подбирается сзади и бьетъ ее безменомъ по головѣ. Она, какъ снопъ, валится на землю. Разбойники забираютъ деньги, оружіе, лошадей, разныя мелкія вещи и уходятъ. Но не успѣли они еще и отойти отъ дома, какъ является отецъ и съ нимъ два сосѣда колониста. Они бросаются на разбойниковъ; произошла свалка, во время которой одинъ изъ разбойниковъ вышибъ отцу зубъ. Но тутъ къ разбойникамъ подошли еще два человѣка и порѣшили исходъ

битвы: отецъ и два сосѣда его были перевязаны, а разбойники, взявъ много добра, ушли благополучно» [1]).

Вотъ тѣ данныя о Хортицѣ, которыя добыты мной на мѣстѣ, уже на второй день по моемъ пріѣздѣ на островъ. Но я оставался на немъ еще нѣсколько дней, пока совершенно не освоился съ его мѣстностью и жителями; въ свободное для колонистовъ время я ходилъ по ихъ домамъ и осматривалъ тамъ разныя находки ихъ. Изъ такихъ находокъ меня заняли, между прочимъ, бомба и три ядра, находящіяся у старосты острова Гильдебрандта; бомба въ объемѣ имѣетъ аршинъ съ четырьмя вершками, а каждое изъ ядеръ по десяти дюймовъ; всѣ они набиты на пали частокола, которымъ отгороженъ у Гильдебрандта палисадникъ вокругъ дома отъ двора. Подобныя ядра, числомъ два, мнѣ пришлось видѣть также у колониста Ивана Классена, который онъ уступилъ мнѣ и изъ которыхъ одно еще и теперь заряжено.

Закончу свое изслѣдованіе о Хортицѣ словами г. Новицкаго: «Въ настоящее время островъ Хортица, это неприступное козацкое «кишло», принялъ совершенно другой видъ: курени [2]) заросли бурьяномъ, а въ иныхъ попадаются деревья, простоявшія десятки лѣтъ, черезъ нихъ проходятъ стада овецъ и табуны породистыхъ нѣмецкихъ коней; на поляхъ острова (въ средней и нижней частяхъ) красуются нивы, дающія чуть не ежегодно обильный урожай; тамъ-же зеленѣютъ бахчи, на которыхъ родятся вкусные арбузы и дыни; на восточномъ берегу острова красуется нѣмецкая колонія, утопающая лѣтомъ въ зеленѣющихъ садикахъ, гдѣ благоденствуютъ нѣмцы; на Днѣпрѣ, округлившемъ островъ, вмѣсто козацкихъ «чаекъ», плаваютъ десятки небольшихъ рыбачьихъ лодокъ, изъ которыхъ рыбаки забрасываютъ свои сѣти; тутъ-же проплываютъ и крупныя суда: барки, берлины, пароходы; а весною, во время разлива, и въ іюнѣ, весь Днѣпръ покрываютъ плоты» [3]).

---

[1]) Почти весь этотъ разговоръ записанъ по нѣмецки, авторъ предлагаетъ его въ русскомъ переводѣ.

[2]) Г. Новицкій называетъ ямы куренями; но были-ли это курени въ козацкомъ смыслѣ, это еще очень сомнительно, равно и то, чтобы первое поселеніе козаковъ на Хортицѣ могло назваться въ строгомъ смыслѣ Сѣчью; «городокъ» — вотъ его названіе.

[3]) Я. Новицкій. Островъ Хортица. «Одесскій Вѣстникъ» 1876 г., № 55.

Было совсѣмъ за полдень, когда я, смоченный сильнымъ дождемъ, послѣ третичнаго осмотра укрѣпленій, возвратился въ школу къ Якубу Якубовича Куппу. Въ этотъ день, вечеромъ, я рѣшился оставить Хортицу, чтобы продолжать свой путь далѣе внизъ, ко второй Томаковской сѣчи. Собравшись и уложивъ свои вещи, я обратился къ хозяину съ щекотливымъ вопросомъ о вознагражденіи его за пріютъ и прокормленіе меня.

Якубъ Якубовичъ какъ-то задумался, что-то соображалъ; повидимому онъ колебался между чувствомъ гостепріимства и простою практическою разсчетливостію.

— Ну, что-жъ, Якубъ Якубевичъ, сколько-же я вамъ долженъ? повторилъ я.

— Одинъ рубль, отвѣчалъ онъ.

— Такъ мало?

— Довольно и этого.

Мнѣ понадобилась сумка, чтобы уложить нѣкоторыя изъ своихъ находокъ. Я обратился къ Якубу Якубовичу. Мнѣ подали.

— А сколько за сумку положите, Якубъ Якубовичъ?

— Ну, это тоже въ счетъ рубля.

Но и находки уложены; мы распростились. Уже давно ожидалъ меня лодочникъ, чтобы съ острова Хортицы переправить въ с. Вознесенку. Солнце было уже на закатѣ, когда я ступилъ на материкъ. Теперь мнѣ предстояло проѣхать с. Вознесенку, д. Слободку и г. Александровскъ, чтобы тамъ сѣсть на пароходъ и пуститься внизъ. Я рѣшилъ пройти все это пространство пѣшкомъ, отославъ свои вещи впередъ къ одному изъ обывателей Александровска.

Вознесенка оказалась большимъ многолюднымъ, но совсѣмъ не древнимъ селомъ. Она тянется на пространствѣ 3 — 9-ти верстъ, вдоль лѣваго берега Днѣпра, по каменисто-песчаному взгорью. Мѣстность ея нельзя назвать плѣнительною, но во всякомъ случаѣ она живописна; одна сторона села, набережная, окаймлена длинною рощею изъ деревьевъ мягкой породы, которая мѣстами смѣняется въ зеленыя долины; другая, противоположная часть граничитъ со степью, обращенной въ плодоносную ниву, усѣянную по мѣстамъ высокими курганами. За селомъ, на западѣ, открывается видъ на Днѣпръ съ его особенно каменистыми здѣсь берегами. Въ Вознесенскѣ есть церковь, волость и школа, учителю

которой, Трофиму Евфимовичу Дешкѣ, я такъ много былъ обязанъ въ дѣлѣ своихъ розысканій на островѣ Хортицѣ. Изъ Вознесенки я направился въ деревню Слободку, непосредственно за Вознесенкой, и отсюда уже добрался до г. Александровска. Здѣсь прежде всего я наткнулся на цѣлый рядъ укрѣпленій, расположенныхъ съ западной стороны города. Въ длину укрѣпленія занимаютъ не болѣе одной версты, въ ширину нѣсколько менѣе того и представляютъ изъ себя очень высокіе валы съ глубокими вокругъ нихъ рвами, расположенными звѣздообразно и сохранившимися превосходно и въ настоящее время; чрезъ самую средину укрѣпленій пролегаетъ ровная, но узкая дорога, по обѣимъ сторонамъ которой кое-гдѣ ютятся небольшіе крестьянскіе домики. Кому принадлежитъ сооруженіе этихъ укрѣпленій? По всѣмъ соображеніямъ они насыпаны не дальше: какъ въ царствованіе импер. Екатерины II, во время одной изъ войнъ русскихъ съ турками и, стало быть, суть дѣло русскихъ солдатъ, а не запорожскихъ козаковъ, какъ нѣкоторые думаютъ. Въ царствованіи императора Николая, во время севастопольской войны, укрѣпленія были возобновлены, и потому такъ хорошо сохранились въ настоящее время.

Оставивъ укрѣпленія, я направился на востокъ, къ Александровску. Скоро я добрался до города и прошелъ его изъ конца въ конецъ. Городъ не представляетъ изъ себя чего-либо замѣчательнаго. Онъ небольшой, имѣетъ всего лишь двѣ церкви, ни одной гимназіи, лѣтомъ пыленъ, осенью и весной грязенъ, хорошихъ зданій въ немъ нѣтъ, исключая развѣ острога, зданія съ наружной стороны, прекраснаго. Мѣстоположеніе гораздо возвышенное, нѣсколько покатое къ югу. Коренные жители малороссы, пришлые евреи и нѣмцы. Съ восточной стороны къ непосредственно примыкаетъ нѣмецкая колонія Шенвизъ. Время возникновенія города относится къ 1771 году, ко времени царствованія императрицы Екатерины II, такъ много заботившейся о населеніи Новороссійскаго края. Въ 1770 году десятаго мая, государственная коллегія, по распоряженію императрицы, дала знать генералъ-поручику Деденеву о построеніи на рр. Московкѣ и Бердѣ такъ называемой Ново-Днѣпровской линіи съ городами и о содержаніи въ нихъ гарнизонныхъ батальоновъ. Въ 1771 году такая Ново-Днѣпровская линія дѣйствительно и была заведена: она начиналась у Азовскаго

моря крѣпостью Петровскою и оканчивалась на Днѣпрѣ, противъ острова Хортицы, крѣпостью Александровскою. Кромѣ того, на этой-же линіи предполагалось возвести крѣпости: никитинскую, григорьевскую, кирилловскую, алексѣевскую и захарьевскую [1]).

Указомъ 1770 г., въ тѣхъ видахъ, «дабы какъ Малороссія, такъ и слободская губернія навсегда отъ варваровъ обезпечена была», повелѣно было генералъ-маіору Щербинину учредить «новую днѣпровскую линію» крѣпостей отъ Азовскаго моря до Днѣпра. Въ крѣпости александровской, крайней къ Днѣпру, устроена была резиденція линейнаго оберъ-коменданта [2]). Вотъ время возникновенія крѣпости александровской, теперешняго уѣзднаго города Александровска. Александровскъ, на степени крѣпости, пользовался большою извѣстностью. Въ немъ стояли батальоны артиллерійскихъ и инженерныхъ командъ, множество разныхъ козацкихъ полковъ, жили тысячи посошныхъ рабочихъ людей и сотни разныхъ торговцевъ и промышленниковъ; сверхъ того, чрезъ Александровскую крѣпость уже тогда проложенъ былъ торговый трактъ изъ Великороссіи, чрезъ Малороссію, въ Крымъ [3]); въ городѣ устроена была даже таможня и содержался карантинъ.

Занимающагося исторіей запорожскихъ козаковъ заинтересуетъ въ Александровскѣ лишь то, что на одномъ изъ его кладбищъ покоится прахъ извѣстнаго кошеваго атамана, Осипа Михайловича Гладкаго, того самаго Гладкаго, который въ 1828 году, девятаго мая, возвратилъ запорожскихъ козаковъ изъ предѣловъ Турціи въ предѣлы искони родной имъ Россіи. Умѣстно припомнить здѣсь хотя въ общихъ чертахъ обстоятельства этого дѣла.

Въ 1775 году, по различнымъ политическимъ соображеніямъ русскаго правительства, уничтожена была Запорожская Сѣчь, находившаяся на р. Подпольной, въ мѣстечкѣ Красномъ Кутѣ. Запорожцамъ приходилось тогда плохо; большинствомъ голосовъ они рѣшили не поднимать оружія противъ своего брата «москаля», но вмѣстѣ съ тѣмъ и не даваться ему въ руки, а совсѣмъ оставить

---

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древн. Одесса, 1863 г., т. III. стр. 292.

[2]) Пам. кн. екатер. губ., 1864 г.

[3]) Ѳеодосій. Матер. для истор. стат. описс. екатер. епар. Екатеринославъ, 1880 г., II, 247 и 251.

свою отчизну въ Россіи и поискать себѣ пристанища у турка на Дунаѣ. И точно, многіе изъ нихъ нашли «ворота въ великую Порту». Но какъ-же больно и жутко было «низовымъ рыцарямъ» подчиняться тому самому бусурману, войну противъ котораго они считали святымъ дѣломъ и котораго ненавидѣли всею своею козацкою душою. Такъ прошло много времени. Духъ козацкій не ослабѣвалъ, сила запорожцевъ не оскудѣвала, да и сношенія съ родной Украйной не прекращались: многіе изъ молодыхъ украинцевъ покидали свои родныя «осели» и удалялись на тихій Дунай къ своимъ «бидолашнимъ братчикамъ» искать у нихъ новаго счастья. Между такими бурлаками былъ и Осипъ Михайловичъ Гладкій, чистокровный украинецъ, родомъ изъ с. Мельниковъ, золотоношскаго уѣзда, полтавской губерніи, третій сынъ головы [1]) Михаила Григорьевича Гладкаго [2]). Осипъ Михайловичъ и «одружился» уже на родинѣ: у него была жена Ѳеодосья Андреевна Мазуръ, по предкамъ полька, но по понятіямъ истая украинка. Но объ этомъ не вѣдали низовые братчики, какъ не вѣдали они и того, что Осипъ Михайловичъ, по благородному своему обычаю, прокутилъ все свое состояніе и, кромѣ жены, покинулъ на произволъ судьбы въ деревнѣ Краснохижинцахъ, той-же губерніи и уѣзда, еще четырехъ дѣтей: сына Василія, дочерей Елену и Наталію и сына Демьяна [3]). Обо всемъ этомъ запорожцамъ не было сказано, да и нельзя было: женатыхъ на Сѣчь не принимали. Прошло еще нѣсколько времени. Случилось, что греки, народъ подвластный туркамъ, вынужденные ужасными насиліями со стороны своихъ властителей, подняли противъ нихъ бунтъ. Надо было ихъ усмирить. Отъ султана Махмуда II пришелъ приказъ къ кошевому атаману запорожскихъ козаковъ выслать 500 добрыхъ молодцевъ, которые должны были присоединиться къ турецкимъ войскамъ и идти противъ возмутившихся грековъ. Отрядъ собрался подъ начальствомъ походнаго кошеваго атамана Мороза. Въ это время Гладкій былъ избранъ куреннымъ атаманомъ, а къ 1827 году онъ повысился уже

[1]) Михаилъ Григорьевичъ былъ 30 лѣтъ головою несмѣнно.

[2]) Два старшіе сына назывались: Аѳанасій и Максимъ.

[3]) Къ четыремъ дѣтямъ у Осипа Михайловича впослѣдствіи, когда онъ возвратился изъ-за Дуная въ Россію, прибавилась еще дочь Марія, въ замужествѣ— Слоновская.

до кошеваго атамана съ правомъ двухъ-бунчужнаго паши. Но вотъ затѣвается война Турціи съ Россіей; запорожцы, какъ подданные султана, должны были выступать противъ его врага, русскаго царя. Они призадумались. Созвали раду и порѣшили передаться природному своему государю. Главнымъ зачинщикомъ и орудователемъ этого дѣла былъ Гладкій. Приставшіе къ нему на 42 лодкахъ сѣчевики тайкомъ пробрались въ Измаилъ и предстали предъ лице государя. «Прости, великій царю!» — «Богъ васъ прощаетъ, отчизна прощаетъ и я прощаю. Я знаю, что вы за люди!» Осипъ Гладкій повергъ къ ногамъ государя свою булаву, саблю и шапку и въ замѣнъ того получилъ на Андреевской лентѣ золотую медаль, чинъ полковника, далѣе командира, затѣмъ кошеваго и наказнаго атамана сперва отдѣльнаго запорожскаго войска, названнаго потомъ дунайскимъ козачьимъ полкомъ и переименованнаго затѣмъ въ азовское козачье войско. Но прошло опять много времени. 1855 годъ. Осипъ Михайловичъ уже въ отставкѣ, теперь онъ генералъ-маіоръ, живетъ въ станицѣ Ново-Спасовкѣ, потомъ въ купленномъ имъ хуторкѣ (за 6 тысячъ рублей) Ново-Петропавловкѣ, александровскаго уѣзда, екатеринославской губерніи, между сс. Слав городомъ и Покровскимъ, на р. Солоной, въ шестидесяти верстахъ отъ уѣзднаго города Александровска. Теперь онъ уже не разлученъ со своей Ѳеодосьей Андреевной, ведетъ мирную жизнь помѣщика-хуторянина; дѣти его воспитываются: старшій, Василій, сперва въ золотоношскомъ уѣздномъ училищѣ, потомъ въ екатеринославской губернской гимназіи, которую кончаетъ съ серебряной медалью, имѣя съ тѣмъ вмѣстѣ уже и чинъ офицера, Демьянъ—въ александровскомъ царскосельскомъ малолѣтнемъ корпусѣ [1]), Наталья—въ полтавскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, Марія и Елена—дома, подъ надзоромъ самихъ родителей. Наступилъ 1866 годъ, роковой годъ для Осипа Михайловича. Лѣтомъ, въ іюньскую жару, въ день апостоловъ Петра и Павла, Осипъ Михайловичъ отправился въ г. Екатеринославъ по какимъ-то дѣламъ. Уже онъ оставилъ его; уже благополучно добрался до г. Александровска. Но тутъ внезапно почувствовалъ припадки страшной болѣзни—*холеры*, свирѣпствовавшей незадолго передъ этимъ въ г. Екатеринославѣ, и, послѣ непродол-

[1]) Онъ умеръ бездѣтнымъ въ 1862 голу въ званіи баталіоннаго командира.

жительныхъ страданій, пятаго іюля, покончилъ свое земное существованіе, проживъ 79 съ половиной лѣтъ. За нимъ послѣдовала и его супруга, безотлучно находившаяся при больномъ супругѣ и заразившаяся тою-же болѣзнью. Какъ и Осипу Михайловичу, Ѳеодосьѣ Андреевнѣ было также 79 съ половиной лѣтъ. Оба похоронены на городскомъ кладбищѣ Александровска. «Генералъ-маіору, бывшему кошевому атаману запорожскихъ козаковъ, Осипу Михайловичу Гладкому»,—такъ гласитъ надпись, сдѣланная на небольшомъ крестѣ, поставленномъ сыномъ усопшаго Василіемъ Осиповичемъ Гладкимъ на могилѣ отца.

Изъ всѣхъ дѣтей бывшаго кошеваго атамана запорожскихъ козаковъ въ настоящее время осталось только двое: Василій Осиповичъ, въ отставкѣ подполковникъ, и Наталья Осиповна.

Было около полуночи, когда я оставилъ г. Александровскъ и отправился на пароходную пристань. На палубѣ, упоенный прелестью ночи, задумчиво сидѣлъ пароходный слуга.

— Какой пароходъ?

— Князь Барятинскій.

— Когда отходитъ?

— Завтра въ одинадцать часовъ дня.

Я спустился въ каюту, тамъ не было ни души. Я осмотрѣлся по сторонамъ каюты: это была комната средней величины, съ невысокимъ потолкомъ, какъ вообще на рѣчныхъ пароходахъ, но такъ хорошо обставленная, такъ чисто, въ ожиданіи пассажировъ, прибранная и даже вентилированная, что въ ней чувствовалось въ одно время и удобно, и легко. Пароходъ чуть замѣтно покачивался на быстромъ теченіи воды. Пользуясь полнымъ просторомъ, я тотчасъ же все приспособилъ по своему вкусу, потушилъ лампу, открылъ окна, и расположившись на мягкомъ клеенчатомъ диванѣ, весь отдался теченію своихъ мыслей.

Настроенное въ теченіи нѣсколькихъ дней на одинъ тонъ мое воображеніе работало неустанно; я чувствовалъ изнеможеніе, усталость и не могъ побороть томившихъ душу воспоминаній; во мнѣ поднимался жаръ и я вышелъ на палубу, чтобы освѣжиться прохладою ночи. Стояла тихая, украинская ночь, воспѣтая безсмертнымъ Гоголемъ, съ ея чарующимъ дѣйствіемъ на все живущее. Предо мною, въ нѣкоторомъ отдаленіи, вырисовывался очерченный на поло-

вину гранитными скалами островъ,—прославленная поэтами и историками, измѣренная теперь и моими ногами Хортица. Вокругъ острова, во всѣ стороны, вверхъ и внизъ, широко разлился Днѣпръ-Славута. богатырь рѣка, и какъ-бы утомленный вѣковѣчною борьбою съ утесами, тихо катилъ въ безграничную даль свои могучія воды.

Эхъ ты Днѣпръ, ты мой широкій,
Днѣпръ широкій и глубокій,
Ты куда, родной, плывешь?

Луна въ полномъ блескѣ стояла въ небѣ и яркимъ, чарующимъ свѣтомъ серебрила и легкую, чуть примѣтную зыбь днѣпровскихъ водъ, и широко раскинувшійся на островѣ лѣсъ, полный величія, прелести, обаянія. А изъ лѣсу неслись безконечныя, едва уловимыя трели соловья, звонко раздаваясь внизъ и вверхъ по рѣкѣ. Въ воздухѣ чувствовались та мягкость и нѣга, которыя ни на минуту не даютъ успокоиться вашимъ нервамъ и помимо воли настраиваютъ воображеніе на высокій мечтательный топъ. Думамъ, мечтамъ моимъ, казалось, не будетъ конца: въ моемъ воображеніи толпами роились дивные, дорогіе, давно забытые образы. Глаза мои приковались къ острову, такъ богатому своимъ прошлымъ. Мысль стремилась раздвинуть таинственную завѣсу, набросанную вѣками на это поэтическое и величественное мѣсто, и только суровая, неумолимая дѣйствительность охлаждала меня и разсѣевала мои мечты. Да, здѣсь была первая колыбель славной въ свое время низовой вольницы, рыцарей вѣры Христовой, враговъ ислама, сермяжныхъ носителей высшихъ идей свѣта и правды, свободы, равенства и братства. Въ формѣ грубой и дикой, условленной и самымъ дѣломъ и тогдашнею степенью культуры, стремились они къ осуществленію своихъ идеаловъ; но не суждено было имъ путемъ естественнаго самостоятельнаго развитія перейти къ болѣе мягкимъ и лучшимъ формамъ гражданственности и общежитія и, какъ-бы въ видѣ горькой ироніи судьбы, пришлый нѣмецъ, чуждый всякой связи съ колыбелью ихъ подвиговъ, флегматично бороздитъ упитанную ихъ кровью и пересыпанную остатками ихъ бранныхъ доспѣховъ землю, воспитывая традиціонный свой картофель и, быть можетъ, мечтая втихомолку о своемъ Fatherland'ѣ, какъ избранный народъ Божій о своемъ Іерусалимѣ...

Стугонить Днипро по скеляхъ,
Бьетця объ пороги;
Все питае: ‹де-жъ вы, дити?
Де мои небоги?›
Стугонить Днипро зъ порогивъ,
Лине до Хортыци,
Каже: «Байдо, де-жъ твій городъ,
Стягъ и гакивныци?
Де та Сича, що якъ море,
Силою кипила;
Тая воля, що въ роздолли
Пекломъ клекотила?›
Розвалилися редуты
И ровы густою
Отъ пизивъ и до вершины
Вкрылися травою.
Въ граняхъ Сичи спить нерушно
Камьяна планина;
Землю, славою покрыту,
Топче товарина.
На козачимъ вжитку нимци
Хатъ набудували,
Грунтъ пошарпали, побили,
Раломъ заорали.
Воля, ретязомъ повита,
Въ плавняхъ спочивае;
Слава, кровью перелита,
По свиту литае...
А Днипро бижить до моря,
Все пита Хортыци:
«Де-жъ та Сича? де-жъ той Байда?
Стягъ и гакивныци?» [1])...

С. Петербургъ, 1885 г.,
20 октября.

Д. И. Эварницкій.

[1]) Изъ стихотвореній Я. П. Щоголева. Харьковъ, 1883 г., декабря 12.

ИЗЪ ЭПОХИ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ НА ЮГѢ РОССІИ.

(*Народные слухи и толки о волѣ и землѣ*).

Юридическое общество, состоящее при московскомъ университетѣ, возъимѣло благую мысль собрать матеріалы для исторіи крестьянскаго дѣла въ Россіи за истекающее двадцатипятилѣтіе. При этомъ оно имѣетъ въ виду возбудить ходатайство предъ правительствомъ объ изданіи къ предстоящему юбилею полнаго сборника матеріаловъ по поземельному и административному устройству крестьянъ всѣхъ наименованій. Инициатива въ настоящемъ дѣлѣ принадлежитъ извѣстному земскому дѣятелю, дѣйствительному члену юридическаго общества Василію Юрьевичу Скалону.

Въ видахъ осуществленія настоящаго предпріятія, общество составило подробную программу изслѣдованія и вошло въ сношенія съ мѣстными дѣятелями и учрежденіями относительно участія ихъ въ проэктируемой работѣ.

Обращаясь къ программѣ изслѣдованія, мы видимъ, что она составлена обстоятельно и ставитъ вопросъ широко, обнимая собою разныя стороны предмета. Главнѣйшія категоріи программы суть слѣдующія: уставныя грамоты, поземельное устройство, выкупъ, административное устройство и крестьянскіе платежи.

Въ двухъ, изъ числа упомянутыхъ, отдѣлахъ программы есть вопросы, касающіеся такъ называемыхъ крестьянскихъ недоразумѣній. Именно въ отдѣлѣ объ уставныхъ грамотахъ упоминается о жалобахъ по введенію и утвержденію уставныхъ грамотъ и о военныхъ экзекуціяхъ по поводу ихъ введенія; въ отдѣлѣ крестьянскіе

платежи, по поводу перехода крестьянъ съ издѣльной повинности на оброчную, т. е. изъ разряда крѣпостныхъ въ временно-обязанные, спрашивается о мѣрахъ взысканія оброка и недоимокъ, какъ обыкновенныхъ, такъ и чрезвычайныхъ; при чемъ подъ послѣдними мѣрами подразумѣваются: военныя экзекуціи, преданіе крестьянъ суду за упорство въ платежѣ и сопротивленіе властямъ, административная высылка въ другія губерніи.

При всей полнотѣ программы мы однако встрѣчаемъ въ ней одинъ серьезный пробѣлъ. Пробѣлъ этотъ заключается въ томъ, что упущенъ изъ виду важный вопросъ—о такъ называемыхъ «вредныхъ или опасныхъ слухахъ», ходившихъ въ народѣ во время освобожденія крестьянъ.

Этого рода слухи, охватившіе, въ первые годы эмансипаціи, все крѣпостное населеніе юга Россіи, принесли большой вредъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они не были разсѣяны благоразумными дѣйствіями мировыхъ посредниковъ и другихъ начальствующихъ лицъ. До рѣшительнаго отказа отъ подписанія уставныхъ грамотъ и до экзекуцій дѣло доходило въ сравнительно немногихъ мѣстностяхъ. Но за то упомянутые слухи во многихъ мѣстахъ повлекли за собой отказы крестьянъ отъ части слѣдуемой имъ по закону земли, или-же вызвали согласіе крестьянъ перейти на такъ называемый даровой, четвертной или нищенскій надѣлъ.

Что-же служило почвой, благопріятной для распространенія въ средѣ южнорусскихъ крестьянъ нелѣпыхъ толковъ, тормозившихъ дѣло эмансипаціи въ интересахъ крестьянскаго сословія? Главнымъ образомъ народное невѣжество, безграмотность крестьянскаго населенія и непониманіе языка Положенія 19 февраля 1861 года.

Какъ можно судить по воспоминаніямъ бывшаго кіевскаго студента, Бориса Станиславовича Познанскаго объ эпохѣ эмансипаціи, помѣщеннымъ въ 1 № Кіевской Старины за минувшій годъ, крестьяне съ священнымъ уваженіемъ относились къ объемистой книгѣ «Положенія», но рѣшительно ничего не понимали въ ней, если только не было въ селѣ толкователей, подобныхъ автору воспоминаній. Авторъ добровольно оставилъ университетъ и пошелъ въ сельскіе писаря, чтобы служить меньшему брату. Но много-ли было такихъ личностей?

Правда, переводъ на малороссійскій языкъ «Положенія» о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, былъ сдѣланъ, но онъ погибъ во время пожара въ домѣ министерства внутреннихъ дѣлъ и больше не возобновлялся. Разъясненія, которыя дѣлались въ циркулярахъ на малороссійскомъ языкѣ въ юго-западныхъ губерніяхъ и въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ (напримѣръ въ прибавленіяхъ къ Харьковскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ 1862 года, подъ № 88, въ воззваніи «Правды слово до селянъ та хуторянъ»),—такія разъясненія дальше волостныхъ правленій не шли.

Такимъ образомъ народъ у насъ не былъ знакомъ съ «Положеніемъ», хотя на столько, на сколько оно было извѣстно крестьянству сѣверныхъ и внутреннихъ губерній. Отсюда полный просторъ для возникновенія и распространенія среди южнорусскаго населенія самыхъ нелѣпыхъ слуховъ и тѣ печальныя послѣдствія, о которыхъ сказано выше.

Приводимъ нѣсколько выписокъ изъ особаго приложенія къ Харьковскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ, за 1861 и 1862 г., указывающихъ на дѣйствительное распространеніе у насъ упомянутыхъ слуховъ и разъясняющихъ, въ чемъ состояли эти народные толки и чѣмъ они были вызываемы.

Помѣщикъ Н. А. Зарудный въ статьѣ «Взглядъ на дѣйствія мировыхъ посредниковъ и на мировыя учрежденія вообще» (1861 г., № 116), между прочимъ, разсуждаетъ: «Присматриваясь ближе къ настоящему ходу крестьянскаго дѣла, нельзя не признать, что посредники почти вездѣ сдѣлали капитальную ошибку въ томъ, что на первыхъ-же мировыхъ съѣздахъ, при вступленіи въ отправленіе своихъ обязанностей, не установили общаго соглашенія въ единствѣ своихъ дѣйствій и не приняли одного общаго плана, какъ имъ дѣйствовать вообще при открытіи сельскихъ обществъ и волостей, такъ равно и вообще въ примѣненіи на практикѣ новыхъ положеній о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. Отсюда тотъ неизбѣжный и прискорбный хаосъ въ примѣненіи высочайше утвержденныхъ положеній и тѣ печальныя явленія, которыми этотъ хаосъ сопровождается: кажущееся непониманіе крестьянами ихъ новыхъ правъ и обязанностей, неповиновеніе ни помѣщикамъ, ни поставленнымъ надъ ними новымъ властямъ, часто даже

и распоряженіямъ самихъ посредниковъ, систематическое, хотя и прикрываемое наружнымъ выходомъ на работы, уклоненіе отъ исполненія временной издѣльной повинности за надѣленную имъ землю и вообще скрытое, пассивное, такъ сказать, противудѣйствіе требуемому отъ нихъ исполненію ихъ обязанностей, не говоря уже о дурно и уклончиво исполняемыхъ работахъ повсемѣстно... Крестьяне отъ такого разнообразнаго пониманія и неодинаковости взглядовъ, а слѣдственно и дѣйствій посредниковъ, приходятъ въ понятное и весьма естественное недоумѣніе и не знаютъ, гдѣ-же настоящее, совершенно правильное и законное примѣненіе положеній. Отсюда у нихъ и рождается то опасное и прискорбное недовѣріе, котораго потомъ уже никакими убѣжденіями не сломишь. Развѣ только военная сила можетъ убѣдить ихъ по своему; но хорошо-ли и справедливо-ли это? Положимъ, крестьяне и покорятся горькой необходимости, успокоятся повидимому и придутъ въ повиновеніе, но все таки недовѣріе остается въ полной и даже, можетъ быть, еще въ большей степени, а слѣдовательно и производимые ими вновь безпорядки, которые, конечно, еще болѣе удаляютъ дѣло отъ желаемой цѣли. Нельзя не принять во вниманіе, что и неповиновеніе крестьянъ, и уклоненіе ихъ отъ исполненія повинностей за землю и вообще недовѣріе ихъ и къ помѣщикамъ, и къ посредникамъ, проистекаютъ еще отъ вкоренившагося въ нихъ убѣжденія, что если дана имъ свобода, или, какъ они выражаются, воля, то какимъ-же образомъ съ нихъ требуютъ отправленія барщины или платежа оброка за землю,—тѣмъ болѣе, что они крѣпко увѣрены, что земля принадлежитъ имъ, а слѣдовательно съ нихъ непремѣнно требуютъ исполненія повинностей за ихъ-же собственную землю. Этому-же самому убѣжденію слѣдуетъ приписать и то постоянное упорство, съ какимъ крестьяне отклоняютъ отъ себя всякія попытки къ добровольнымъ соглашеніямъ съ помѣщиками, не смотря на всѣ уступки, дѣлаемыя имъ послѣдними. Само собою разумѣется, что искорененіе такихъ убѣжденій въ крестьянахъ и правильное и толковое имъ объясненіе ихъ повинностей лежитъ прямо на обязанности мировыхъ посредниковъ. Но что-же посредники могутъ сдѣлать, не только утративъ, но даже и не пріобрѣвъ ихъ довѣрія? А такое довѣріе только и можно было возбудить къ себѣ съ самаго начала

однообразіемъ и согласностью дѣйствія посредниковъ въ данныхъ случаяхъ и вообще въ толкованіи и примѣненіи новыхъ положеній».

Не можемъ не сказать нѣсколькихъ словъ по поводу настоящей тирады Заруднаго. Съ одной стороны говорится, что народъ нуждался въ правильномъ объясненіи и толкованіи «Положенія» со стороны мировыхъ посредниковъ, слѣдовательно самъ не понималъ «Положенія». Да и какъ онъ могъ понимать его, когда самые мировые посредники, по словамъ автора, не сходились между собой въ разумѣніи «Положенія» и приложеніи его на практикѣ. Съ другой стороны, заявляется, что непониманіе крестьянами ихъ новыхъ правъ и обязанностей есть только кажущееся. Не явное-ли это противорѣчіе? Кстати замѣтить, что дѣйствительно до эпохи эмансипаціи между южно-русскими крѣпостными существовало воззрѣніе, которое считало землю принадлежностью крестьянъ и было выражено въ ходившемъ между крестьянами выраженіи: *мы паньски, а земля наша*. Это воззрѣніе радикально расходится съ понятіями великорусскаго народа, который думаетъ, что земля принадлежитъ Богу и царю, а потому царь воленъ распорядиться землей, какъ хочетъ; напримѣръ, отобрать земли отъ дворянъ и роздать крестьянамъ. Впрочемъ подъ вліяніемъ эпохи эмансипаціи послѣдняго рода воззрѣніе перешло и къ малорусскому населенію и мѣстами вкоренилось въ немъ.

Въ 1861 году была помѣщена въ приложеніяхъ къ «Харьковскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ» только одна статья, отрывокъ изъ которой мы привели, о недоразумѣніяхъ между крестьянами и помѣщиками; но въ слѣдующемъ году ихъ появляется много.

Въ генварѣ мѣсяцѣ 1862 года въ статьѣ о недостаткѣ свободнаго труда для хлѣбопашества въ большеземельныхъ уѣздахъ харьковской губерніи Е. Топчіевъ сообщаетъ: «сколько мнѣ извѣстно, въ харьковской губерніи волновались крестьяне только въ трехъ мнѣніяхъ, безъ малѣйшаго повода со стороны владѣльцевъ, увлеченные злонамѣренными людьми. Крестьяне одного имѣнія купянскаго уѣзда, благосостояніе которыхъ коритъ глаза сосѣднимъ государственнымъ крестьянамъ, уклоняются отъ подписи уставной грамоты въ ожиданіи со-дня на-день такого манифеста, которымъ будетъ предоставлена усадебная и полевая земля въ неотъемлемую собственность крестьянъ, безъ выкупа ея отъ помѣщиковъ, высо-

чайшею властію, на томъ-же основаніи, на какомъ даровано право свободы отъ крѣпостной зависимости, тоже безъ выкупа; кто-же подпишетъ условную грамоту, тотъ лишится *своего права на даровую землю.* Во всемъ прочемъ они покойны, остались къ помѣщику при прежнихъ отношеніяхъ, признаютъ его благодѣтелемъ своимъ, но не вѣрятъ ему, что не дождутся даровой земли, поддерживаемые въ своей надеждѣ однимъ изъ среды своей, Деркачемъ» (Харьковъ, № 9-й). Кажется, это самое обстоятельство было разъяснено владѣльцемъ с. Араповки Іосифомъ Клепацкимъ въ письмѣ къ редактору. Въ купянскомъ уѣздѣ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1861 года объявленъ Высочайшій Манифестъ 19-го февраля, въ іюнѣ вступили въ должность мировые посредники и открыты сельскія общества, въ августѣ образованы волости, и такимъ путемъ дѣло, высочайшею властью указанное и принятое дворянствомъ съ полнымъ сознаніемъ правъ человѣчества и съ самопожертвованіемъ своихъ интересовъ, поставило въ обязанность большинство владѣльцевъ объяснять крестьянамъ смыслъ «Положенія» и возможность на основаніи его сдѣлаться собственниками земли. Многіе крестьяне сознали истину ихъ пользъ и желаніе приступить къ выкупу угодій, но большинство препятствовало изъявленію общаго согласія, выжидая еще новой воли, и для достиженія своей цѣли, они начали разглашать разныя нелѣпости: «ежели кто перейдетъ на оброкъ, или приступитъ къ выкупу угодій, у тѣхъ послѣ смерти не будутъ печатать гробовъ 7 лѣтъ, живыхъ не будутъ 7 лѣтъ вѣнчать, а родившіеся останутся 7 лѣтъ безъ св. крещенія»; иные утверждали, что чрезъ два года дадутъ имъ землю даромъ. Между тѣмъ издѣльная повинность, барщина, почти во всѣхъ имѣніяхъ исполняется нерадиво, а это служитъ къ разоренію владѣльцевъ и къ утвержденію крестьянъ въ мнѣніи, что они могутъ самоуправно дѣйствовать, не разсуждая о томъ, что эти дѣйствія для нихъ-же самихъ приносятъ вредъ. Мировые посредники употребляютъ зависящія отъ нихъ мѣры къ вразумленію крестьянъ, но и это не вполнѣ оправдываетъ ожиданія. Напослѣдокъ слова, сказанныя государемъ императоромъ, въ проѣздъ его величества въ Крымъ въ 1861 году, въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ его величеству были представляемы старшины обществъ временно-обязанныхъ крестьянъ, что «никакой другой воли не будетъ, кромѣ той, которая дана, и потому крестьяне

исполнять то, чего требуютъ отъ нихъ общіе законы и Положеніе 19 февраля» — принесли желаемый результатъ. Эти высочайшія слова, переданныя г. министромъ внутреннихъ дѣлъ гг. начальникамъ губерній (отъ 2 декабря 1861 года въ циркулярѣ № 70) имѣли благодѣтельное вліяніе на крестьянъ на столько, что большинство изъ нихъ оставили нелѣпость прежнихъ мнѣній и начали разсуждать о своихъ истинныхъ пользахъ. Въ доказательство справедливости своихъ словъ Клепацкій, приводя тотъ фактъ, что крестьяне с. Араповки, сначала соглашавшіеся на его предложеніе перейти съ издѣльной повинности на оброкъ и выкупить, при содѣйствіи правительства, полный надѣлъ угодій, въ $4^{1}/_{2}$ десятины на душу, но потомъ отказавшіеся отъ подписи уставной грамоты подъ вліяніемъ лживыхъ наущеній, напослѣдокъ увѣрились, что имъ объясняютъ сущность и справедливость дѣла, болѣе-же всего убѣдившись вышеприведенными словами государя императора, 26 декабря 1861 г. изъявили согласіе и подписали выкупной договоръ» (№ 15, 9 февраля).

На упрекъ, высказанный въ одномъ изъ періодическихъ изданій, помѣщикамъ въ томъ, что они уклоняются отъ ввода у себя уставныхъ грамотъ изъ желанія долѣе пользоваться обязательнымъ трудомъ своихъ бывшихъ крестьянъ, землевладѣлецъ Топчіевъ отвѣчаетъ въ 76 № Харькова, отъ 1 августа, что не помѣщики уклоняются отъ ввода уставныхъ грамотъ, а крестьяне отъ подписи ихъ. «Очень немногіе помѣщики харьковской губерніи, объясняетъ онъ, не подали въ срокъ уставныхъ грамотъ, да и эти немногіе не подали, видя явное нежеланіе крестьянъ на узаконенную сдѣлку, въ родѣ слѣдующаго. Къ моему сосѣду пришли крестьяне въ полномъ составѣ домохозяевъ и откровенно сказали ему: «будьте ласкавы, пане, не утруждайтесь сами и не утруждайте насъ дарма! мы не согласны давать рукъ на подпись грамоты и ни якои другои бумаги, а останемся по прежнему—до слушного часу». Крестьяне эти уважаютъ, любятъ помѣщика, зажиточны, очень не глупы, за всѣмъ тѣмъ вѣрятъ одному манифесту, даровавшему имъ свободу отъ крестьянства, такъ отзываясь о Положеніи 19 февраля: «се паньска выдумка»; ихъ «слушный часъ» — ожиданіе новаго Положенія, чрезъ два года отъ объявленія манифеста—къ 19 февраля 1863 года. Въ такомъ заблужденіи, что скоро будутъ надѣлены

даровою землей и въ большемъ количествѣ всѣ тѣ, которые не согласятся дать рукъ на подпись уставной грамоты, находятся крестьяне многихъ имѣній; грамотные изъ нихъ—одного убѣжденія съ своими односельцами. Послѣ этого, есть-ли возможность помѣщику ввести у себя самому уставную грамоту»?

Недоразумѣнія между крестьянами и помѣщиками доходили до такой степени, что мировые посредники придумывали разныя мѣры, иногда даже незаконныя, чтобы заставить крестьянъ повиноваться. Такъ, напримѣръ, исправляющій должность мироваго посредника 5 участка изюмскаго уѣзда, кн. Шаховской, вслѣдствіе замѣченнаго имъ со стороны временно-обязанныхъ крестьянъ упорства въ неисполненіи обязанностей по издѣльной повинности и непринятія мѣръ къ побужденію ихъ со стороны сельскихъ старостъ и волостныхъ старшинъ, издалъ строгій приказъ объ обязаніи крестьянъ являться на барщину и о взысканіи, въ случаѣ неявки, въ теченіи той-же недѣли, положеннаго денежнаго штрафа; если-же виновный окажется несостоятельнымъ недоимщикомъ, то старшина долженъ подвергнуть тѣлесному наказанію 10 ударами, а состоятельнаго, но упорнаго въ уплатѣ взысканія, наказывать 20 ударами. Когда настоящій приказъ дошелъ до свѣдѣнія харьковскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, то оно отмѣнило его, признавъ ошибочнымъ, такъ какъ имъ предоставляется старшинамъ, въ противность 86 ст. Общаго Положенія право тѣлесныхъ наказаній, какого ни волостной старшина, ни волостное правленіе не имѣютъ (Харьковъ, 1862 г., іюнь № 58).

Другіе изъ числа мировыхъ посредниковъ предлагали болѣе крупныя мѣры. Такъ, напримѣръ, исправляющій должность предсѣдателя лебединскаго мироваго съѣзда, доводя до свѣдѣнія губернатора, что въ имѣніяхъ помѣщицы Хрущовой, въ д. Печищѣ, и В. Н. Кондратьева, въ с. Толстомъ, крестьяне отказываются отъ всякихъ соглашеній для составленія уставной грамоты, равно какъ и отъ принятія самой грамоты и выполненія по ней повинностей, ходатайствовалъ о назначеніи въ лебединскій уѣздъ военной команды, для предупрежденія могущихъ встрѣтиться безпорядковъ и для успѣшнѣйшаго введенія уставныхъ грамотъ, назначивъ для первоначальнаго квартированія команды толстянскую волость. По обсужденіи приведеннаго ходатайства, губернское присутствіе нашло, что въ виду

существующихъ узаконеній и не вполнѣ еще разсѣявшагося заблужденія крестьянъ относительно своихъ правъ и обязанностей, оно не можетъ признать справедливымъ склонять крестьянъ къ соглашенію иначе, какъ путемъ доводовъ и разъясненія ихъ собственной пользы и законныхъ обязанностей, такъ какъ только съ введеніемъ въ дѣйствіе уставной грамоты дѣлается обязательнымъ для крестьянъ отбываніе опредѣленныхъ въ ней повинностей, и только въ случаѣ явнаго и упорнаго со стороны крестьянъ уклоненія отъ исполненія своихъ обязанностей могутъ быть употреблены мѣры принужденія и законнаго взысканія (№ 63, іюнь).

Что препятствія къ прекращенію обязательныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами носили серьезный характеръ, видно изъ слѣдующаго постановленія губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Въ апрѣлѣ 1862 года сумской мировой съѣздъ просилъ губернское присутствіе ходатайствовать у правительства о необходимости для пользы какъ крестьянъ, такъ и помѣщиковъ выкупа крестьянами надѣленной имъ земли безъ предварительнаго перехода на оброкъ, такъ какъ крестьяне обнаруживаютъ нежеланіе перейти на оброкъ: волнуемые то злонамѣренными, то пустыми слухами, крестьяне видятъ въ оброкѣ новое средство закрѣпленія себя помѣщиками, а потому и отвергаютъ его даже и на самое короткое время; между тѣмъ какъ они согласны на всякіе платежи въ казначейство. Также и мировой посредникъ волчанскаго уѣзда Бекарюковъ сообщалъ присутствію, что въ предстоящее время легко предвидѣть постоянное столкновеніе съ владѣльцами собственниковъ и оставшихся на издѣльной повинности, что эти столкновенія не обѣщаютъ спокойствія края и что потому необходимо употребить всѣ средства къ приведенію крестьянъ подъ одинъ общій законъ, съ цѣлію устройства ихъ хозяйственнаго быта; для достиженія такой цѣли единственной мѣрой онъ считалъ ходатайство у правительства объ обязательномъ выкупѣ земель, предоставленныхъ крестьянамъ въ постоянный надѣлъ. Губернское присутствіе, вполнѣ раздѣляя основательныя мнѣнія сумскаго мироваго съѣзда и посредника Бекарюкова, сдѣлало опредѣленіе: увѣдомить всѣ мировые съѣзды, что на основаніи протокола дворянства харьковской губерніи, составленнаго 30 сентября 1861 года, во время губернскихъ выборовъ, присутствіе представило на усмотрѣніе высшаго начальства 4 по-

ября того-же года свое заключеніе: «издѣльная повинность равно пагубна для помѣщиковъ и для крестьянъ, а потому необходимо допустить выкупъ съ содѣйствіемъ правительства, безъ предварительнаго перехода съ издѣльной повинности на оброкъ, какъ по взаимному на то соглашенію помѣщика съ крестьянами, такъ и по требованію одного помѣщика, съ соблюденіемъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ условій, выраженныхъ въ 35 ст. Положенія о выкупѣ». Это ходатайство присутствія было возобновлено губернаторомъ гр. Сиверсомъ 27 апрѣля 1862 года (іюнь, № 56).

Какъ извѣстно, настоящее ходатайство не было уважено правительствомъ и освобожденіе крестьянъ въ южной Россіи совершалось медленнымъ путемъ перехода ихъ съ издѣльной повинности на оброкъ. Такой переходъ въ значительной мѣрѣ поддерживалъ враждебныя столкновенія обѣихъ сторонъ. Для ослабленія враждебнаго настроенія крестьянъ, мѣстное начальство, между прочимъ, прибѣгало къ содѣйствію церковной проповѣди и даже печати. Священниками говорились поученія крестьянамъ, въ которыхъ доказывалось, что крестьяне думаютъ несправедливо, будто земля, принадлежащая помѣщикамъ, имъ доставшаяся по наслѣдству или ими самими купленная и закономъ утвержденная, должна принадлежать не владѣтелямъ, а крестьянамъ (Харьковъ, № 97-й 1862 г. Слово къ временно-обязаннымъ крестьянамъ).

Даже, чего не бывало дотолѣ и послѣ этого времени, оффиціально былъ употребленъ малороссійскій языкъ для вразумленія крестьянъ. Въ № 88 Харькова за 1862 годъ появилось «Правдыве слово до селянъ та хуторянъ». Цѣль слова выясняется съ первыхъ его строкъ. «Люде добри! Усюди теперъ помижъ вами ходить така поголоска, що буцимъ те Положеніе, що вамъ объявлене и по тому Положенію почались теперъ и уставни грамоты писатись—що те-бъ-то Положеніе матыме силу тильки на два годы. Балакають люде, що й сами у тимъ дили нычого не тямлять, нибы-то черезъ два годы выйде якась-то чиста воля и буцимъ-бы-то вамъ, що були прежде панськи, а теперъ временно-обязани, видступлена буде уся та панська земля, котрою вы орудували—та ще нибы-бъ то дадуть вамъ тую землю, такъ таки безъ усякои платы и праци, даромъ. Послухайте-жъ, люде добри, правдывои и честнои рады видъ тихъ людей, що дило розуміють и бажають вамъ добра. Усе те, що

росказують про якусь ще *иншу волю*—есть воно чиста брехня; росказують вамъ таке зъ дуру ти, що й сами не розуміють гараздъ того, що написано у Положеніяхъ, або-жъ таки не добри люде, що мають на мысли, абы засмутити народъ, та підвести васъ на биду. Коли-жъ вы не хочете нажити соби биды и бажаете, що-бъ тая воля, що вамъ дана, зъ ласки царськои и панськои, що-бъ тая воля пишла на добро вамъ и вашимъ дитямъ, то не слухайте тихъ брехень, а памъятайте твердо тильки те, що у сій книжци далій написано». А далѣе разъясняются основанія Положенія и потомъ дается совѣтъ: «не діймайте виры тимъ, що за сорокивку, або за кварту горилки казатимуть вамъ не те, що написано у Положеніяхъ, а городитимуть яку-небудь несенитницю, абы васъ піддурювати, а найбильшъ здавайтесь на вашого мирового посредника, бо винъ на те й поставленый, що-бъ видъ васъ правды не затаити и ваше право оберегати; нічого-жъ дожидати ани *слушного часу, ани ждати жданого*, бо те, що вамъ дано, по милости царській, того видъ васъ нихто ни заховати або утаити, ни відняти не зможе».

Но подобныя наставленія, хотя и преподанныя въ популярной формѣ, уже не достигали своей цѣли, и вотъ почему: между помѣщичьими крестьянами была повальная безграмотность, и печатныя наставленія не читались или и не распространялись далѣе волостныхъ правленій, а что самое главное—было уже поздно: слухи, благопріятные народнымъ вкусамъ, черезъ-чуръ широко распространились и глубоко запали въ душу крѣпостныхъ. Этимъ слухамъ болѣе давали вѣры, нежели написанному, еще и потому, что они исходили отъ самаго-же народа или отъ лицъ, близкихъ народу по положенію и воззрѣніямъ.

Такимъ образомъ мы подходимъ къ вопросу: кто-же были въ самомъ дѣлѣ распространители слуховъ о новой народной волѣ и «слушномъ часѣ»? Въ свое время одни обвиняли въ распространеніи вредныхъ толковъ интеллигентную молодежь, другіе приписывали ихъ самому народу. Пора, кажется, уже разъяснить этотъ серьезный вопросъ. Нужно снять съ интеллигенціи упрекъ въ разсѣваніи ею между народомъ такихъ ложныхъ слуховъ, которые въ результатѣ принесли лишь вредъ крестьянамъ, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ крестьяне особенно были увлечены этими слухами.

Обвинявшіе ителлигенцію приписывали распространеніе слуховъ или соціалистамъ, или украинофиламъ. Но ни то, ни другое не вѣрно, и вотъ тому доказательства. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, также въ 1860 и 1861 году, на югѣ Россіи (разумѣемъ интеллигентные центры—Харьковъ и Кіевъ) соціализмъ въ средѣ учащейся молодежи извѣстенъ былъ только по имени и не существовало еще никакихъ соціалистическихъ кружковъ. Общерусскій либеральный кружокъ студента Я. Н. Бекмана, образовавшійся въ 1856 г. подъ вліяніемъ результатовъ крымской компаніи, вовсе не имѣлъ соціалистическаго характера. Въ 1858 году этотъ кружокъ перенесъ свою дѣятельность въ Кіевъ, перейдя туда почти въ полномъ составѣ. Даже въ столицахъ соціализмъ въ указанный періодъ только что зарождался въ средѣ интеллигентной молодежи, и то развиваясь просто какъ научная теорія, а не какъ практическое дѣло. Только въ концѣ 1861 или въ началѣ 1862 г. изложено было ученіе соціалистическаго кружка въ брошюрѣ «Молодая Россія». Но и тогда, какъ извѣстно, не начиналось еще хожденіе въ народъ, даже въ Великороссіи. Слѣдовательно, соціалисты и не могли пустить въ народъ слуха о «слушномъ часѣ».

Еще менѣе можно обвинять украинофиловъ въ распространеніи этого слуха. Въ Харьковѣ въ періодъ 1852—55 годовъ существовалъ украинскій кружокъ, руководимый студентомъ Неговскимъ, но онъ преслѣдовалъ лишь литературныя цѣли: собиралъ памятники народнаго творчества, составлялъ литературно-научный сборникъ, имѣлъ свою библіотеку, разрѣшеніемъ-же соціальныхъ вопросовъ онъ не занимался, какъ не занимались ими и малороссійскіе кружки, вновь возникшіе въ Харьковѣ въ 1861—62 годахъ. Также и въ Кіевѣ украинскій кружокъ, существовавшій въ 1858 и 1859 годахъ, имѣлъ лишь литературно-научныя цѣли. Кружокъ, возникшій тамъ въ 1861—62 годахъ подъ вліяніемъ направленія украинскаго журнала «Основы», ставилъ себѣ лишь тѣ-же національно-просвѣтительныя и научныя цѣли, какъ и этотъ журналъ.

Не смотря на свои совершенно невинныя цѣли, кіевскій украинскій кружокъ 1861—62 годовъ подвергся всякаго рода упрекамъ и инсинуаціямъ. Мѣстное общество, какъ правой, такъ и лѣвой стороны Днѣпра, будучи возбуждено совершившимся актомъ освобожденія крестьянъ и замѣчая въ украинофилахъ симпатію къ

народу, распускало о нихъ слухи самаго противуположнаго свойства, обвиняя ихъ въ одно и тоже время и въ соціализмѣ, т. е. принадлежности къ обществу «Молодая Россія», и въ національномъ сепаратизмѣ, и въ желаніи возмутить народъ противъ помѣщиковъ.

Эти неблагопріятные слухи побудили кіевскую молодежь помѣстить въ одномъ изъ періодическихъ изданій («Современная Лѣтопись», приложеніе къ «Русскому Вѣстнику» 1862 г., № 46) отзывъ, въ которомъ она излагаетъ свои воззрѣнія и задачи и опровергаетъ взводимыя на нее обвиненія. На отзывѣ подписей было 21, въ томъ числѣ и такихъ лицъ, которыя впослѣдствіи заняли видное положеніе въ научномъ мірѣ.

По поводу обвиненій въ вредномъ вліяніи на крестьянъ, въ этомъ отзывѣ говорится слѣдующее. «Другой упрекъ, продуктъ чисто мѣстной почвы, состоитъ въ томъ, что будто мы стараемся препятствовать принятію крестьянами уставныхъ грамотъ, да и не прочь были-бы отъ возбужденія ихъ къ рѣзнѣ. Богатый источникъ этого рода толковъ малоразвитое, непонимающее своего времени, мѣстное провинціальное дворянство обоихъ береговъ Днѣпра. Ведя жизнь праздную, закоснѣвъ въ кругу давно минувшихъ понятій, эти господа остались, къ несчастію, далеко за ходомъ какъ общественнаго развитія, такъ и историческихъ событій. Оглушенные реформою 19 февраля, видя уронъ своихъ прежнихъ правъ помѣщичьихъ, не будучи въ состояніи понять тѣхъ высоко-гуманныхъ побужденій, которыя руководили правительствомъ при совершеніи этого великаго акта, они считаютъ себя обиженными, смотрятъ съ ожесточеніемъ, словно на враговъ, на народъ, вышедшій изъ крѣпостной зависимости, да и на всѣхъ друзей новаго порядка вещей, и ожидаютъ отъ нихъ всѣхъ бѣдствій, какія только въ состояніи выбродить ихъ испуганное призраками, а по временамъ и не слишкомъ чистою совѣстью, воображеніе. Къ вамъ-то, господа, и обращаемъ мы эту часть нашего возраженія. Каждаго изъ васъ порознь покорно просимъ подумать немного надъ предлагаемымъ нами вопросомъ, да подумать чистосердечно, безъ гнѣва и предубѣжденія: почему вы заключаете, что мы возъимѣли желаніе нанести вамъ какой-либо вредъ? Не потому-ли, что мы знакомимся съ крестьянами, обходимся съ ними дружелюбно, стараемся учить ихъ дѣтей, да, пожалуй, иногда надѣваемъ ихъ костюмъ? Да неужели, господа,

вамъ неугодно повѣрить наши дѣйствія да разузнать, о чемъ именно мы говоримъ съ крестьянами? Честно-ли съ вашей стороны предполагать разбой и грабежъ тамъ, гдѣ люди ищутъ науки для себя, до возможности помочь развитію другихъ? Но вамъ угодно утверждать противное, вы полѣнились разузнать и сочли болѣе выгоднымъ сплетничать да распускать ложные анекдоты. Остановитесь, господа, еще время спасти ваше нравственное достоинство, а то роль ваша слишкомъ жалка, она изобличитъ вашу нравственную пустоту. Мы, господа, за васъ краснѣемъ. Лучше разрѣшимъ споръ честнымъ образомъ: если мы дѣйствительно злодѣи, если мы затѣваемъ рѣзню, разбой, грабежъ и т. д., такъ изобличите насъ, ради Бога, изобличите гласно и подробно, съ указаніемъ лицъ и мѣстъ, съ обозначеніемъ времени и обстоятельствъ. Пусть опала законная и проклятіе общества заклеймитъ наши преступленія. Но если ваши толки пустыя сплетни, одно лишь слѣдствіе вашего паническаго страха или, пожалуй, вашего невѣдѣнія, то откажитесь отъ нихъ, и все зло, вами намъ сдѣланное, мы готовы будемъ забыть по христіански, въ той надеждѣ, что общими силами съумѣемъ скорѣе и успѣшнѣе двинуть дѣло народнаго образованія. На счетъ уставныхъ грамотъ слухи еще нелѣпѣе: никто больше насъ не желаетъ успѣшнаго имъ хода, такъ какъ принятіе ихъ, по нашему мнѣнію, будетъ первымъ шагомъ къ гражданскому развитію народа; никто болѣе насъ не сострадаетъ надъ тѣмъ печальнымъ недоумѣніемъ, которое заставляетъ крестьянъ, опираясь на ложныя надежды, подвергаться вмѣшательству административному и военному и вынуждать насильныя мѣры. Вѣрно, господа, никто изъ васъ не болѣлъ столько сердцемъ надъ упорствомъ, непониманіемъ, бѣдствіями крестьянъ. Во избѣжаніе впредь всего этого и стараемся мы о распространеніи въ народѣ просвѣщенія. Въ предотвращеніе дальнѣйшаго разлада между вами и крестьянами стараемся и вамъ самимъ, господа, доказать, при возможности, необходимость измѣнить ваши отношенія, обстановку вашей повседневной жизни,—убѣдить васъ принять по отношенію къ народу роль друзей и руководителей, вмѣсто роли враговъ, въ которой вамъ угодно до сихъ поръ упорствовать. Гдѣ-же желаніе во всемъ этомъ повредить кому-бы то ни было, кромѣ рутинныхъ привычекъ, да барской спѣси,—гдѣ вы нашли желаніе

смущать ходъ благодѣтельной для народа свободы, а тѣмъ болѣе желаніе вызвать всеобщее преступленіе?»

Послѣ приведенія этихъ откровенныхъ и честныхъ заявленій нѣтъ болѣе надобности приводить какіе либо другіе аргументы въ защиту тогдашней украинофильской молодежи, на которую падали обвиненія самаго противуположнаго свойства.

Источникомъ народныхъ слуховъ, виновникомъ упорства крестьянъ въ неподписаніи грамотъ и т. п. былъ самъ народъ. При повальномъ невѣжествѣ крестьянъ среди народа всегда возникали и возникаютъ нелѣпые слухи, соотвѣтствующіе вкусамъ и потребностямъ массъ. Также крестьяне всегда болѣе довѣряютъ словамъ лицъ изъ своей среды или сословій близкихъ къ нимъ и рѣдко принимаютъ совѣты и указанія интеллигентныхъ лицъ. При такихъ условіяхъ неудивительно, что виновники толковъ и т. п. были крестьяне, отставные солдаты и т. д.

Мы уже приводили факты, почерпнутые изъ газеты Харьковъ, подтверждающіе наши слова. Тамъ даже упоминается фамилія крестьянина Деркача, который въ купянскомъ уѣздѣ побуждалъ крестьянъ своего села не подписывать уставной грамоты, увѣряя крестьянъ, что земля достанется имъ даромъ. Въ с. Непокрытомъ, харьковскаго уѣзда, мы недавно познакомились съ однимъ старикомъ крестьяниномъ, который по отзыву всѣхъ односельцевъ, да и по собственному признанію, былъ виновникомъ того, что крестьяне одного общества, перейдя на выкупъ, приняли всего 355 десятинъ, отказавшись отъ выкупа слѣдуемыхъ имъ еще 100 десятинъ. Теперь они проклинаютъ упомянутаго крестьянина, который отговорилъ ихъ отъ выкупа остальныхъ ста десятинъ. Тоже самое было сдѣлано и въ другомъ непокрытянскомъ обществѣ, все подъ вліяніемъ того самаго лица. Вѣроятно теперь, когда народъ считаетъ себя обманутымъ ходившими между ними слухами, можно было-бы констатировать массу подобныхъ случаевъ.

Но у насъ подъ руками есть болѣе интересный и болѣе доказательный фактъ о роли крестьянъ въ распусканіи ложныхъ и нелѣпыхъ слуховъ. Въ 1862 году въ старобѣльскомъ земскомъ судѣ производилось дѣло о возмутительныхъ толкахъ, распространяемыхъ поселяниномъ Артемомъ Стародубцевымъ. Съ производ-

ствомъ настоящаго дѣла мы познакомимъ подробно читателей «Кіевской Старины» [1]).

15 января 1862 года исправляющій должность старобѣльскаго уѣзднаго предводителя дворянства Бутковъ сообщалъ уѣздному исправнику: «частными путями дошли до меня слухи, что старобѣлькаго уѣзда слободы Новой Боровой поселянинъ, называющійся между народомъ Артюхою, который занимается покупкой пуха, вощинъ и другихъ мелочныхъ предметовъ, разъѣзжая по помѣщичьимъ имѣніямъ, убѣждалъ крестьянъ слободъ Варваровки, Кудряшевки, Бѣлявки и прочихъ, чтобы они не приступали къ соглашенію съ владѣльцами на составленіе уставныхъ грамотъ, а ожидали-бы времени, когда послѣдуетъ повелѣніе объ истребленіи всѣхъ вообще пановъ, и что послѣ того всѣ земли должны поступить къ нимъ. Такого рода возмутительное толкованіе его распространяется почти по всему уѣзду и подрываетъ не только общественное спокойствіе, но и останавливаетъ ходъ дѣла по крестьянскому вопросу. Слухи распространяетъ поселянинъ Артюха секретно и только черезъ передачу ихъ между собою крестьянами дознано, что они произошли отъ него». Поэтому Бутковъ просилъ сдѣлать негласное дознаніе черезъ полицію и затѣмъ, по обнаруженіи виновности, Артюху предать суду.

Также священникъ с. Бѣлявки Алексѣй Юшковъ, вскорѣ послѣ передачи дознанія становому приставу (именно 29 января), донесъ послѣднему: «Къ производимому вами разслѣдованію о возмутительныхъ разсказахъ, распространяемыхъ поселяниномъ Артамономъ Стародубцевымъ, имѣю честь сообщихъ извлеченное мною изъ послѣдствій этихъ разсказовъ замѣчаніе, что крестьяне моего прихода, напитанные понятіемъ о томъ, что изъ дѣтей ихъ, поступающіе въ приходскую церковную школу, должны образоваться мальчики-кудрявчики, которые будутъ потомъ отдаваться въ службу на корабли и въ чужіе края, а затѣмъ должны быть истребителями пановъ, неохотно отдаютъ дѣтей въ школу, дабы они не были отчуждены отъ семействъ, а между тѣмъ черезъ это я лишаюсь возможности пріобрѣтать число учениковъ и тѣмъ оправдать ожи-

[1]) Дѣло это хранится въ архивѣ харьковскаго губ. статистическ. комитета.

данія правительства о столь важномъ предметѣ, какъ распространеніе между народомъ грамотности».

Становому приставу, производившему дознаніе, приходилось съ трудомъ добывать факты, потому что, какъ видно изъ его донесенія, временно-обязанные крестьяне, имѣя повидимому довѣріе къ подобнаго рода толкамъ, при всѣхъ убѣжденіяхъ къ обнаруженію толкователей, уклоняются отъ прямыхъ указаній о нихъ. Тѣмъ не менѣе ему удалось получить положительныя указанія отъ трехъ крестьянъ. Семидесятипяти-лѣтній крестьянинъ слободы Кудряшевки Никифоръ Лысенко далъ такое показаніе: «Разъѣзжающій по окружнымъ слободамъ и часто бывающій въ Кудряшевкѣ поселянинъ изъ слободы Новоборовой Артемъ Яковлевъ, для покупки мяты и другихъ мелочей, не помнитъ въ какое время, сошелся съ нимъ въ кузницѣ, гдѣ были и другіе люди, и разсказывалъ, что воли никогда не будетъ, что будутъ набирать изъ крестьянъ мальчиковъ-кудрявчиковъ, что они поступятъ на корабли, а потомъ, какъ выслужатся, воротятся сюда и будутъ истреблять пановъ, и не только будутъ убивать пановъ, а и тѣхъ, которые не захотятъ ихъ истреблять. Черезъ эти разговоры крестьяне не рѣшаются отдавать дѣтей въ школу». То-же самое подтвердилъ и крестьянинъ слободы Кудряшевки Иванъ Шумидубъ и бѣлявскій волостной старшина Григорій Лысенко.

При первоначальномъ допросѣ Артемъ Стародубцевъ отъ взводимыхъ на него обвиненій отрекся; но, будучи уличенъ на очной ставкѣ упомянутыми выше крестьянами, сознался, что «это дѣйствительно говорилъ, но когда это будетъ, не утверждалъ, а что будетъ это, то сказано въ священномъ писаніи, и онъ такъ имъ разсказывалъ по писанію, о которомъ онъ слыхалъ отъ умершаго костоправа изъ Троицкой слободы».

По собраннымъ приставомъ справкамъ оказалось, что Артемъ Стародубцевъ имѣлъ 60 лѣтъ отъ рода, былъ неграмотенъ, хозяйствомъ занимался мало, а больше промышлялъ мелочной торговлей, въ 1834 году за кражу казеннаго овса былъ наказанъ розгами. Но при повальномъ обыскѣ односельцы одобряли его въ поведеніи и обвиненія въ распусканіи ложныхъ слуховъ не подтвердили.

Земскій судъ, по разсмотрѣніи настоящаго дѣла, 3 февраля 1862 года опредѣлилъ: «въ виду того, что толки, распускамые Стародубцевымъ, подрываютъ общественное спокойствіе и останавливаютъ

ходъ дѣла по крестьянскому вопросу и вообще подобные толкователи могутъ принести серьезный вредъ, а потому для преданія Стародубцева военному суду, на основаніи 24 п. 761 ст. XV т. Св. Зак., дѣло о немъ представить харьковскому военному губернатору». Въ то-же время судъ предписалъ полицейскимъ чиновникамъ своего уѣзда, чтобы они, при исполненіи своихъ обязанностей, старались разузнавать о толкователяхъ, подобныхъ Стародубцеву, и при малѣйшемъ подозрѣніи въ распространеніи кѣмъ либо вредныхъ для общественнаго спокойствія слуховъ, немедленно, не смотря ни на какое лице, брали таковыхъ и подъ строгимъ карауломъ представляли въ земскій судъ.

Рѣшеніе дѣла вышло благопріятное для Стародубцева: 13 іюля 1864 года, т. е. черезъ два съ лишнимъ года, харьковскій гражданскій губернаторъ предписалъ старобѣльскому полицейскому управленію «оставить дѣло это безъ дальнѣйшаго производства». Такимъ образомъ Стародубцевъ поплатился лишь двухлѣтнимъ сидѣніемъ въ тюрьмѣ.

Сообщая приведенные выше факты, мы не хотимъ этимъ сказать, чтобы между крестьянами указанной эпохи не было такихъ, которые не понимали-бы «Положенія» и даже не старались-бы воздерживать свой собратій отъ излишнихъ и напрасныхъ увлеченій. Такія личности были, но они составляли каплю въ морѣ. Не можемъ не привести здѣсь одного случая, оффиціально опубликованнаго въ свое время и подтверждающаго вышесказанное нами.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1861 г. крестьяне с. Мезиновки, ахтырскаго уѣзда, оказали упорное нежеланіе принять уставную грамоту, не смотря на неоднократно повторенныя уѣзднымъ предводителемъ дворянства и мировымъ посредникомъ Пассекомъ убѣжденія сознать законность соглашенія на грамоту и отказаться отъ преступныхъ толкованій и ожиданій. Тогда мировой посредникъ приказалъ волостному старшинѣ Кириллу Супруну и волостному писарю Степану Залавскому вновь сдѣлать попытку къ соглашенію, для чего были собраны зажиточные домохозяева и объяснена была имъ вся пагуба военной команды, обѣщанной предводителемъ, и ея постоя. Попытка эта увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, и общество, для выраженія своего раскаянія, послало депутацію съ испрошеніемъ извиненія у посредника и у владѣльца, а вмѣстѣ съ тѣмъ сознало необходимость

и пользу уставной грамоты и приступило къ составленію ея съ полной готовностью. По донесенію посредника, случившееся въ Мезиновкѣ ясно доказываетъ, что единственно Супруну и Залавскому, ихъ способностямъ, усердію и сознанію своего долга, мезиновское общество было обязано освобожденіемъ отъ наказанія и военнаго постоя, а правительство избѣгло необходимости обратиться къ безпокойному и непріятному употребленію военной силы для прекращенія безпорядковъ и искорененія преступныхъ толкованій высочайшей воли. Также и въ слободѣ Славгородѣ ясныя и здравыя толкованія Положенія тѣмъ-же писаремъ и настойчивое исполненіе старшиною своихъ обязанностей, не смотря на насилія надъ нимъ и видимую опасность, остановили безпорядки, которые, по словамъ посредника, могли-бы развиться до размѣровъ, степень и качество которыхъ трудно опредѣлить. Кромѣ примѣрныхъ дѣйствій старшины и писаря, къ ограниченію и задержанію безпорядковъ, до прихода военной команды, весьма много послужило поведеніе славгородскаго временно-обязаннаго крестьянина Василія Майстренка, который подалъ собою блистательный примѣръ сознанія и исполненія законности: подъ угрозой насилія и опасности жизни со стороны взволновавшагося общества, онъ смѣло убѣждалъ его раскаяться, предупреждалъ въ предстоящихъ, тягостныхъ для общества, послѣдствіяхъ, настойчиво утверждалъ, что власть общества безсильна предъ властію начальства и тѣмъ болѣе предъ волею Государя, и тогда только прекратилъ свои, три раза повторенныя и три раза прерванныя убѣжденія, когда принужденъ былъ къ тому силою и угрозами. За эти дѣйствія мировой посредникъ просилъ исходатайствовать въ награду Супруну и Майстренку почетные кафтаны, а Залавскому медаль для ношенія въ петлицѣ. Губернское Присутствіе о награжденіи вышеозначенныхъ лицъ съ своей стороны представило г. министру внутреннихъ дѣлъ (Харьковъ, 1862 г., мартъ, № 28).

Мы свели лишь голые факты. Цѣль этой сводки—обратить вниманіе на необходимость, съ одной стороны изученія, съ другой составленія воспоминаній и записокъ о великой эпохѣ освобожденія крестьянъ и о предшествовавшемъ ей крѣпостничествѣ. Съ каждымъ днемъ все это отодвигается въ область исторіи; старѣются и вымираютъ люди,—дѣятели и борцы той эпохи. Каждая смерть уноситъ съ собой безвозвратно матеріалъ для характеристики этого грандіоз-

нѣйшаго момента всей новой русской исторіи, этого поворотнаго пункта, съ котораго наша исторія идетъ какъ-ни-какъ, а все таки тѣми путями, которые обусловливаются именно этимъ поворотнымъ пунктомъ. Важно, чтобы теперешніе старики—тогдашніе зрѣлые дѣятели, помня и цѣня важность той своей исторической роли, не полѣнились оставить въ назиданіе потомству свои воспоминанія и записи; необходимо также записывать разсказы старыхъ крестьянъ объ эмансипаціи и объ эпохѣ крѣпостничества, которое они еще помнятъ. Позаботясь своевременно о матеріалахъ, мы окажемъ большую услугу будущей исторіи. Желательно, чтобы Кіевская Старина открыла свои страницы для воспоминаній и изученія этой эпохи. Изученіе-же спеціально народныхъ слуховъ, ходившихъ въ эпоху освобожденія крестьянъ, имѣетъ значеніе еще и потому, что выясняетъ воззрѣнія крестьянъ, которыя именно складывались и видоизмѣнялись подъ вліяніемъ поземельной реформы. Эта-же сторона имѣетъ и свой практическій, жизненный интересъ. Всѣмъ извѣстно, какъ распространены въ народѣ слухи на разныя соціально-аграрныя темы и какую роль они играютъ и могутъ еще сыграть въ ближайшемъ или отдаленномъ будущемъ въ постановкѣ важнѣйшихъ изъ нашихъ соціальныхъ вопросовъ.

П. Е.

Отъ редакціи. Страницы нашего изданія всегда были открыты для такихъ воспоминаній и записей, теперь-же мы можемъ только присоединиться къ высказанному почтеннымъ авторомъ мнѣнію относительно ихъ необходимости и значенія въ научномъ и практическомъ отношеніяхъ. Обращаемся затѣмъ ко всѣмъ видѣвшимъ великій день освобожденія южнорусскаго народа, ко всѣмъ дѣятелямъ, участникамъ и свидѣтелямъ осуществленія и веденія этого дѣла, съ просьбою сообщать намъ свои воспоминанія объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ въ томъ или другомъ мѣстѣ это приснопамятное событіе и тѣхъ впечатлѣніяхъ, стремленіяхъ, слухахъ и толкахъ, какіе были имъ вызываемы. Такія воспоминанія могутъ имѣть особенный интересъ у лицъ, которымъ въ эту великую эпоху пришлось жить и дѣйствовать въ предѣлахъ юго-западнаго края, гдѣ народъ сохранилъ до того великаго дня вѣру въ историческую и нравственную неестественность своего рабства.

ДВѢ ПОѢЗДКИ СЪ Н. И. КОСТОМАРОВЫМЪ.

Лѣто 1883 года Н. И. Костомаровъ проводилъ въ полтавской губерніи въ имѣніи своей жены, селѣ Дѣдовцахъ, подъ Прилукой. Познакомившись съ нимъ года за два передъ тѣмъ въ Петербургѣ и живя отъ Дѣдовецъ въ 40 верстахъ, я ѣздилъ къ нему, когда позволяли обстоятельства. Въ тѣхъ мѣстахъ я былъ, кажется, единственнымъ изъ посѣтителей его петербургскихъ «вторниковъ». Эти вечера, въ квартирѣ его на 9 линіи Васильевскаго острова, гдѣ онъ прожилъ двадцать пять лѣтъ, останутся всегда памятны посѣщавшихъ ихъ. Въ этомъ уютномъ уголкѣ, откуда безчисленныя книги почти вытѣсняли хозяина, все въ перваго взгляда напоминало родину: и образъ ахтырской Богоматери, посреди стѣны въ кабинетѣ, и портреты давнихъ дѣятелей Украйны, и родная рѣчь, и интересы родной народности. Въ зимній вечеръ, когда морозъ крѣпчалъ надъ Невою и скрипѣли полозья саней, гостепріимный свѣтъ въ оконцахъ третьяго этажа манилъ къ себѣ. Тамъ чудился какъ-бы уголокъ далекаго родного края.

Лѣтомъ 1883 года Николай Ивановичъ былъ еще сравнительно бодръ и здоровъ, много работалъ, а все свободное время проводилъ въ прекрасномъ дѣдовецкомъ саду, который исходилъ своей старческой походкой тысячи разъ вдоль и поперекъ. Это было его послѣднее свѣтлое и радостное лѣто. Чудесный май того года онъ засталъ еще въ Дѣдовцахъ въ полномъ блескѣ. Прилетъ птицы и цвѣтенье яблонь, лунныя ночи въ роскошной тополевой аллеѣ, все это безконечно радовало его. Онъ жалѣлъ, когда косили молодую траву, и клалъ цвѣты въ петлицы платья и на шляпу. Иногда онъ

ѣздилъ такъ и въ сосѣдмюю Прилуку, къ великому изумленію уѣздныхъ зѣвакъ. Кромѣ ближайшихъ сосѣдей и нѣкоторыхъ крестьянъ села Дѣдовецъ, у него не было тамъ почти никакихъ знакомствъ. Интересы мѣстныхъ помѣщиковъ мало могли его занимать. Не много любопытнаго представляло также хожденіе ихъ «партій» вокругъ земскаго пирога. На это печальное зрѣлище глаза его насмотрѣлись достаточно и въ исторіи ихъ предковъ.

Въ статьѣ Д. Л. Мордовцева «Подъ небомъ Украйны» чрезвычайно отразились впечатлѣнья этого лѣта. Тамъ описаны искусной рукой и прогулки по тополевой аллеѣ, и этнографическія экскурсіи на Бакумову гору, и всѣ «событія» несложной деревенской жизни обитателей Дѣдовецъ. Авторъ статьи пріѣхалъ въ Дѣдовцы прямо изъ Испаніи и совершенно искренно говорилъ, что ему больше по сердцу площадь предъ церковью с. Дѣдовецъ, чѣмъ Puerta del sol. Кто хочетъ увидѣть покойнаго историка въ его ежедневной житейской обстановкѣ, кто хочетъ познакомиться съ его благороднымъ образомъ, долженъ обратиться къ этимъ воспоминаніямъ его друга и только что обнародованнымъ, полнымъ жизни и таланта его-же замѣткамъ о послѣднихъ десяти годахъ жизни Костомарова. Даніилъ Лукичъ пробылъ въ Дѣдовцахъ около мѣсяца и уѣхалъ въ Петербургъ въ іюлѣ.

Въ то лѣто, кромѣ историческихъ работъ, Костомаровъ писалъ свою драму «Эллины Тавриды». Эта пьеса не была оцѣнена по достоинству и даже не могла появиться въ журналахъ. Кромѣ ясности и широты письма, рукою истиннаго художника очерченъ въ ней главный характеръ политическаго интригана и честолюбца. Чтобъ освѣжить въ себѣ «греческое настроеніе», Николай Ивановичъ перечитывалъ древнихъ авторовъ и Грота. Впрочемъ чтеніе его было всегда самое разнообразное, причемъ исключалась почти совершенно только современная беллетристика. Лучшихъ поэтовъ онъ зналъ буквально на память. Не говоря о пьесахъ Гейне и Шиллера, онъ могъ цитировать наизусть цѣлыя страницы Гоголя. Его начитанность въ народной поэзіи извѣстна всѣмъ, и Бодянскій называлъ его не даромъ раскрытой этнографической книгой. Онъ терпѣть не могъ большинства прославленныхъ французскихъ авторовъ, начиная съ псевдоклассиковъ и, подобно Стендалю, считалъ главную силу французскаго генія въ сатирѣ и шуткѣ. Любимыми

его поэтами были не тѣ, что блистали красотою формы, но великіе душевными силами, какъ Шекспиръ, Мицкевичъ, Байронъ, Гоголь. Его богатая память служила ему въ работахъ драгоцѣннымъ подспорьемъ. Онъ могъ легко и быстро дѣлать то, что у другаго потребовало-бы множество времени на справки. Особенно изумительнымъ было его знаніе священнаго писанія и церковныхъ службъ. Причтъ церкви села Дѣдовецъ не на шутку приходилъ въ смущеніе, когда, съ наступленіемъ лѣта, онъ дѣлался постояннымъ ея посѣтителемъ.

«Эллины Тавриды», занявъ все его время, отвлекли его отъ другаго плана, который онъ хотѣлъ осуществить именно этимъ лѣтомъ—малорусской драмы изъ жизни Хмельницкаго. Незадолго передъ тѣмъ напечатанный дневникъ Освѣцима, дополнивъ во многомъ свѣдѣнія о той эпохѣ, нѣкоторыми страницами бросилъ новый свѣтъ на лице ея главнаго героя. Николая Ивановича поразилъ презрительный разсказъ польскаго мемуариста о семейной трагедіи въ жизни Хмельницкаго. Это тотъ «забавный случай», который Янъ Казиміръ разсказалъ въ своемъ лагерѣ за ужиномъ, незадолго передъ самымъ Берестечкомъ: Хмельницкій велѣлъ своему сыну Тимошу повѣсить мачиху, вторую жену свою, рожденную Чаплинскую, узнавъ о связи ея съ какимъ-то часовщикомъ изъ Львова, котораго онъ оставилъ, отправляясь въ походъ, смотрителемъ дома. Эта женщина, которую по свидѣтельству исторіи страстно любилъ Хмельницкій, сильно занимала воображеніе нашего историка. Ея вліяніемъ онъ склоненъ былъ объяснять всѣ, неразгаданныя исторіей и непонятныя, уступки Хмельницкаго полякамъ со дня Пилявской битвы. Въ этой-же семейной драмѣ онъ видѣлъ узелъ того трагическаго поворота, который съ тѣхъ поръ наступилъ въ душевной жизни Богдана и котораго не могли заглушить новые подвиги. Сценарій этой пьесы былъ уже совсѣмъ обдуманъ. Первое дѣйствіе должно было происходить въ 1649 году во время торжественнаго въѣзда Хмельницкаго въ Кіевъ.

На вершинѣ славы, при звонѣ колоколовъ, при громѣ пушекъ козацкій вождь, чрезъ полуразрушенныя Ярославовы ворота, въѣзжаетъ въ древнюю столицу. Блистательный, великій походъ, разрушившій на Украйнѣ польскій аристократическій порядокъ, оконченъ. Гетмана встрѣчаетъ съ крестомъ іерусалимскій патріархъ Паисій,

московское посольство и несмѣтная народная толпа. Изъ этой толпы выдѣляется и львовскій часовщикъ и, напоминая Хмельницкому о какой-то оказанной ему въ походѣ услугѣ, просится къ нему на службу. Гетманъ переживаетъ одну изъ тѣхъ минутъ, когда душа раскрыта передъ цѣлымъ міромъ и когда высшая ея потребность—дѣлать кому нибудь добро. Онъ беретъ пришельца въ свой домъ, а самъ идетъ молиться вмѣстѣ съ народомъ въ софійскій храмъ.

Дальнѣйшій ходъ пьесы долженъ былъ заключать развитіе коварнаго обмана, роковую вѣсть и казнь и великое нравственное потрясеніе гетмана, отъ котораго онъ ищетъ забвенія въ новыхъ подвигахъ.

Еще зимой, въ Петербургѣ, рѣшено было, что во второй половинѣ лѣта я пріѣду къ Николаю Ивановичу и мы совершимъ вмѣстѣ экскурсію въ какой нибудь уголокъ Лѣвобережья, оставившій по себѣ память въ прошедшемъ. Костомаровъ всегда и прежде старался посѣщать мѣста, о которыхъ шелъ разсказъ въ его изслѣдованіяхъ. Въ молодости онъ изъѣздилъ всю Волынь вдоль и поперекъ и сдѣлалъ вообще тысячи верстъ по южному краю. Когда онъ работалъ надъ «Мазепой», то посѣтилъ Батуринъ, Бахмачъ и окрестныя мѣстности, потомъ онъ ѣздилъ съ Ѳ. Г. Лебединцевымъ въ Бѣлую Церковь и раньше совершилъ большое путешествіе съ покойнымъ П. П. Чубинскимъ. На этотъ разъ мы остановились на Лубнахъ, куда выѣхали въ концѣ августа. Второй и послѣдній разъ мы путешествовали черезъ годъ въ Переяславъ. Настоящая замѣтка есть нѣсколько словъ очевидца этихъ послѣднихъ экскурсій историка, которыя прочтутся, можетъ быть, тѣми, кому дорога его память.

Мы выѣхали раннимъ утромъ, въ большой «колесницеобразной» коляскѣ, по веселой пирятинской дорогѣ. Подъѣзжая къ славному городу Пирятину, невольно вспомнили Алексѣя Поповича, кажется единственнаго героя, котораго произвела эта мѣстность. Дума извѣстна была, конечно, Костомарову наизустъ. Мнѣ сейчасъ слышится голосъ его, скандирующаго наивные, прекрасные стихи:

Ой не есть то, панове молодци, супротивна хвиля стыхае,
Есть то отцева-матчина молитва зо дна моря выймае...

Нашему возницѣ дано было наставленіе, чтобъ онъ «малыхъ дитокъ и старыхъ жепъ копытомъ у груди не ростурчавъ», а проѣзжая

«мимо церковъ, мимо святого Мыколы», памятуя мораль думы, мы набожно сняли *шлычки*.

Въ степной мѣстности, за Пирятиномъ, во время перепряжки лошадей, Николай Ивановичъ гербаризировалъ. Онъ очень любилъ никѣмъ не саженные, простые полевые цвѣты и въ двухъ изъ своихъ малорусскихъ стихотвореній «воспѣлъ» скромные viola tricolor и convolvulus.

Задача найдти квартиру въ Лубнахъ разрѣшилась кое-какъ единственнымъ чистымъ постоялымъ дворомъ. Особенно тревожила Николая Ивановича перспектива появленія на постели «враговъ рода человѣческаго», какъ называлъ онъ обычную принадлежность провинціальныхъ заѣзжихъ домовъ и гостинницъ. Къ вечернѣ мы ѣздили въ мгарскій монастырь.

Прекрасный храмъ, съ его чуднымъ старинным иконостасомъ, съ портретами малорусскихъ святителей Іосифа Тукальскаго и предка моего Іоасафа, очень полюбился историку. Архива при монастырѣ не оказалось. На всякій случай Костомаровъ захватилъ съ собой изъ дому свой членскій билетъ археографической комиссіи.

Полюбовавшись и на другой день величественными мгарскими дубами, грабами и ясенями, мы рѣшились направиться къ Солоницѣ. Передъ нами развернулась широкая долина Сулы и экипажъ по песочку покатилъ къ прославленному кровавой памятью полю.

Тутъ триста лѣтъ назадъ кипѣла дикая, отчаянная борьба. Полчища Наливайка, Лободы, полудикіе герои, возставшіе противъ гнетущаго рабовладѣльческаго строя, дали здѣсь врагамъ своимъ послѣднюю ставку. Преслѣдуемые по пятамъ польскимъ войскомъ, изъ Переяслава, послѣдняго убѣжища, забравши женъ и дѣтей, они двинулись въ степи, надѣясь въ безлюдномъ краю найти свободу. Ихъ вытѣснили изъ Лубенъ, окружили, придвинули къ болоту. Безчисленные возы огородили таборъ; копали рвы, сыпали валы. На ровной, какъ ладонь, мѣстности не было удобныхъ для обстрѣливанія пунктовъ: въ козацкомъ таборѣ строили деревянные срубы, насыпали ихъ землею и тамъ утверждали орудія. Чтобъ нанести уронъ врагу, они дѣлали вылазки ночью, рыли ямы близъ польскаго лагеря, забирались въ нихъ и стрѣляли оттуда. Голодъ, упадокъ духа, вызвавшій междоусобія, и пушки Жолкѣвскаго взяли свое. Трупъ

лежалъ на трупѣ, остатки войска были уничтожены и храбрый вождь взятъ врагами.

Не осталось слѣда ничего этого теперь на мирной равнинѣ. Мы объѣхали почти всю мѣстность, которую можно было считать стоянкою лагерей, съ цѣлью нагляднѣе представить себѣ взаимное положеніе воюющихъ сторонъ, но не могли утвердительно остановиться ни на какихъ внѣшнихъ признакахъ. Послѣдующія-ли военныя событія, театромъ которыхъ была эта мѣстность, приходившіе-ли сюда разъ шесть поселенцы, или плугъ земледѣльца измѣнили видъ ея, но слѣды того далекаго времени сгладились такъ радикально, какъ будто-бы дѣло происходило не здѣсь, а на другой планетѣ.

Сейчасъ подъ горой за Лубнами лежитъ село Засулье, а маленькія села Войниха и Солоница, гдѣ мы сдѣлали привалъ, лежатъ верстъ на пять дальше. Здѣсь мы хотѣли взять проводника, по возможности подревнѣе, помнящаго если не Наливайка, то по крайней мѣрѣ то время, когда въ народѣ хранились еще преданія о старинѣ.

Въ лѣтнее воскресенье, послѣ обѣда, наши села представляютъ идеально мирную картину. Почти все взрослое населеніе, *після Божои службы и обида*, поголовно спитъ,—кто въ садку, кто на огородѣ,—дозволяя себѣ роскошь, недоступную въ теченіи трудовой недѣли. Кой гдѣ только мелькнетъ молодыця въ чистой сорочкѣ, чѣмъ-то уже озабоченная изъ своей вѣчной работы, или хозяинъ выкотитъ возъ, собираясь ѣхать на ночь по снопы въ поле. Мы напрасно ходили отъ хаты къ хатѣ, вездѣ встрѣчая то-же безлюдье, пока не набрели на одну, растворенную настежь, гдѣ была въ сборѣ вся семья. Хозяинъ по недосугу отказался сопровождать насъ, но братъ его, Иванъ Сахно, Москальчукъ по прозванію, отправился съ нами.

Намъ пришлось больше объяснять Москальчуку, на что все это намъ нужно, чѣмъ услышать указаній и разсказовъ отъ него. Мы объѣхали двѣ группы степныхъ могилъ,—Кондрацьки и Головины по мѣстному названію,—и узнали что въ Войнихѣ нашли когда-то въ землѣ затонувшую древнюю пушку. Узнали также, что сюда пріѣзжали «якись нимци», искатели кладовъ (къ этой категоріи конечно причислилъ мысленно Москальчукъ и насъ). «Пры-

ихали верхи, затрубили у трубы и передъ ѝми одкрывся кладъ. Забрали—и зразу счезли, такъ шо нихто ихъ и не бачивъ!» Въ разстояніи верстъ пятнадцати отсюда, по словамъ Москальчука, есть цѣлая цѣпь могилъ, расположенныхъ полукругомъ. На этихъ могилахъ иногда свѣтятся огни. Если мы пріѣдемъ когда нибудь еще, то онъ «запряже воза и повезе насъ туды». Тогда мы сами эти огни увидимъ и перестанемъ улыбаться.

Мы всходили на нѣсколько могилъ, что Николаю Ивановичу досталось не безъ труда, такъ какъ былъ одинъ изъ тѣхъ солнечныхъ, но страшно вѣтряныхъ дней, которые обычны въ концѣ августа. Въ это время Москальчукъ усердно разспрашивалъ о чемъ то нашего возницу. Николай Ивановичъ предсказывалъ тогда-же, что мы, въ родѣ тѣхъ «нимцивъ», сдѣлаемся героями легенды. Потомъ я слышалъ, что въ Солоницѣ дѣйствительно циркулировали разукрашенные разсказы о томъ, какъ «прыѝздыло якихъ-сь двое,—старе и молоде, и допытувались про клады».

На обратномъ пути подъ Лубнами мы встрѣтили стараго лирника, шедшаго изъ монастыря. Это былъ вполнѣ убогій представитель искусства, знавшій только «Ісуса» и «Варвару». Костомаровъ вспомнилъ замѣчательную встрѣчу такого рода изъ своей молодости. Въ сороковыхъ годахъ, въ екатеринославской губерніи, на пути въ Запорожье, онъ встрѣтилъ на почтовой дорогѣ стараго кобзаря. Перекладная была остановлена, записная книжка раскрыта. Отъ этого кобзаря, въ числѣ прочаго, онъ записалъ тогда двѣ неизвѣстныя думы: первая «О Грицькѣ Зализнякѣ», кошевомъ запорожскомъ, воспѣвая это лицо, описывала внутренніе порядки Запорожья; вторая «Объ атаманѣ Грачѣ» изображала разореніе Сѣчи Текеліемъ. Обѣ эти думы онъ послалъ тогда-же для напечатанія Погодину въ «Москвитянинъ», къ несчастью не оставивши списковъ. По какимъ-то, ничего общаго съ наукой не имѣющимъ соображеніямъ, Погодинъ этихъ думъ не напечаталъ. Николай Ивановичъ былъ однако убѣжденъ, что его списки сохраняются въ числѣ безчисленныхъ погодинскихъ бумагъ въ публичной библіотекѣ. Покойный ревнитель нормандской теоріи былъ педантически аккуратенъ и не уничтожалъ ни одной рукописи, поступавшей въ редакцію. Если-бы кому нибудь изъ молодыхъ нашихъ ученыхъ удалось открыть эти думы въ погодинскихъ бумагахъ, то это было-бы подви-

томъ вполнѣ достойнымъ памяти нашего историка, такъ страстно любившаго народную словесность.

Въ печати, по поводу этнографическихъ трудовъ Костомарова, было высказано, что онъ былъ болѣе изслѣдователемъ, чѣмъ непосредственнымъ собирателемъ этнографическаго матеріала. Мнѣніе это произошло вѣроятно отъ того, что покойный историкъ не выступалъ ни разу издателемъ самостоятельнаго сборника. На дѣлѣ онъ былъ однимъ изъ самыхъ раннихъ и ревностныхъ собирателей, и не могъ имъ не быть, какъ человѣкъ слишкомъ живой, котораго одни кабинетныя занятія удовлетворить не могли, когда подъ рукой сама жизнь давала столько новыхъ данныхъ. Въ Харьковѣ онъ занимался собираніемъ думъ и пѣсенъ вскорѣ послѣ Срезневскаго, съ тою разницею, что ему и въ мысль не могли никогда прійдти поддѣлки, какими переполнена «Запорожская Старина». Тамъ добылъ онъ варіанты думъ, которыя сообщилъ впослѣдствіи въ своемъ изслѣдованіи о поэзіи козацкой эпохи. Въ собраніи Чубинскаго помѣщено имъ не менѣе 500 пѣсенъ изъ губерній харьковской, полтавской и воронежской и болѣе 200, собранныхъ на Волыни, въ «Саратовскомъ Сборникѣ». Въ тѣхъ-же «Трудахъ» Чубинскаго есть цѣнные его списки семейно-бытовыхъ думъ и обрядныхъ пѣсенъ, а въ «Лѣтописяхъ русской литературы», сборникъ пѣсенъ великорусскихъ. Вообще отъисканный имъ матеріалъ и численно очень замѣтенъ, и его вклады въ разные сборники могутъ быть опредѣлены въ цифрѣ никакъ не меньшей 2,000 номеровъ.

Съ засульской низменности мы поднялись на гору и проѣхали на окраину города, къ мѣсту, гдѣ стоялъ замокъ Вишневецкаго. Оно теперь подъ городскимъ выгономъ и только съ одной стороны застроено усадьбами. Слѣды фундаментовъ и окоповъ отчетливо видны и теперь. Въ сосѣднихъ усадьбахъ, копая землю, находили куски мраморныхъ колоннъ и другіе обломки. Вмѣстѣ съ прилегавшими постройками, замокъ, стоявшій надъ обрывомъ горы, занималъ, надо думать, обширное пространство.

Съ горы открывается дивный видъ. Сула извивается внизу синей змѣей, а къ ней, то тутъ, то тамъ, жмутся купы вербъ, лѣски и какъ на планѣ разбросанныя села. Мельчающими въ тридцативерстной дали точками бѣлѣютъ церковки и уходятъ ровной лентой за горизонтъ старыя вербы хорольской дороги. Эта возвышенность,

господствующая надъ обширной долиной, эти даль и ширь, сіяющія подъ солнечнымъ лучемъ, не могли не быть по душѣ властолюбивому князю Яремѣ. Стоя почти въ центрѣ его украинскихъ владѣній, крутоярые Лубны были любимымъ его мѣстожительствомъ. Но «хлопъ» Хмельницкій поднялъ войну за свободу, пристали къ нему тысячи недовольной «сволочи» и съ Лубнами пришлось проститься! Князь заплакалъ, покидая, съ горсточкой слугъ, это мѣсто. «Лучше умереть, чѣмъ позволить властвовать надъ собой невѣрнымъ и негодяямъ!» кричалъ онъ и сорвалъ первый гнѣвъ въ Немировѣ адскими муками и тысячами казней.

Такъ, взглянувъ только на мѣста событій и не найдя никакихъ вещественныхъ памятниковъ старины, возвращались мы изъ Лубенъ во свояси. Въ Дѣдовцы надо было поспѣть къ имянинамъ ближайшаго сосѣда Николая Ивановича, почтеннаго А. П. Савченка. Была еще важная причина, торопившая Костомарова ѣхать въ Петербургъ. Онъ остался безъ работы, а при его привычкѣ къ ежедневному, непрерывающемуся труду это было почти невыносимо. Взятые имъ съ собой матеріалы для монографіи объ императрицѣ Аннѣ были разработаны. Его тянуло въ ту «храмину спасенія» (публичную библіотеку), гдѣ онъ провелъ такъ много дней. Кромѣ этой статьи онъ предполагалъ, для послѣдняго выпуска своей «Русской Исторіи», написать еще два очерка о Ломоносовѣ и о времени Елисаветы Петровны. Все это требовало источниковъ, справокъ, работы. Монографію о Елисаветѣ историку удалось окончить; она осталась послѣ его смерти въ рукописи.

Выѣхавши изъ Лубенъ передъ вечеромъ, на разсвѣтѣ мы были въ Прилукѣ. Ночной путь освѣщалъ намъ далеко видный пожаръ огромной помѣщичьей экономіи. Это была привычная въ селахъ въ августѣ мѣсяцѣ картина: горѣло гумно со множествомъ скирдъ. Въ первыхъ числахъ сентября Костомаровы уѣхали въ Петербургъ.

Въ ту зиму въ состояніи здоровья Николая Ивановича произошелъ рѣзкій и тяжелый поворотъ, а несчастный случай, когда онъ былъ сбитъ съ ногъ лошадьми на улицѣ и чуть не убитъ, еще усилилъ его болѣзненное состояніе. Думали сначала, что переѣздъ въ Малороссію слишкомъ утомитъ его. Но на сторонѣ деревни было безконечное преимущество климата, и въ концѣ мая Николай Ивановичъ опять былъ въ Дѣдовцахъ. Я изумился про-

исшедшей въ немъ перемѣнѣ, когда въ первый мой пріѣздъ онъ вышелъ на встрѣчу съ своимъ обычнымъ радушіемъ. Онъ очень исхудалъ, щеки запали, волосы противъ обыкновенія были коротко острижены. Его мучилъ кашель и донималъ общій упадокъ силъ. Онъ часто ложился, такъ какъ ему запрещено было движеніе, что особенно было ему непріятно. Тѣмъ не менѣе, по его желанію, рѣшено было, когда ему сдѣлается лучше, повторить нашу прошлогоднюю экскурсію, избравъ или Гадячъ, памятный по эпохѣ руины, или древній Переяславъ. Въ концѣ іюня онъ сообщалъ мнѣ неутѣшительныя свѣдѣнія о себѣ. «У меня открылось кровохарканье, писалъ онъ, и безпокоило недѣли три. По взятому прежде врачебному совѣту я осудилъ себя на недвижность, терпѣлъ муку невыносимую, но болѣзнь какъ-то играла надо мной: вдругъ дня два нѣтъ припадковъ; я думаю—прошло, но тутъ снова возобновляется»! Поѣздка предположена была въ самомъ началѣ августа, но помѣшалъ неожиданно наступившій холодъ. Спрашивая о причинѣ замедленія, Николай Ивановичъ писалъ: «Мы, сколько помнится, окончательно не остановились на томъ, куда намъ ѣхать... Была у меня мысль, не проѣхать-ли намъ изъ Переяслава на другой берегъ Днѣпра и посѣтить Умань, гдѣ я не былъ и вы, кажется, тоже. Но остановиться на этой мысли я не могъ, тѣмъ болѣе, что и дороги туда не знаю, а карты здѣсь не достанешь. Вѣроятно есть путь черезъ Днѣпръ отъ Переяслава: ѣздили-же когда-то такъ козаки». При мысли о тогдашнемъ состояніи историка, это сопоставленіе съ козаками получало осебенно грустный смыслъ.

8-го августа мы отправились въ Переяславъ въ томъ-же «колесницеобразномъ», но помѣстительномъ экипажѣ. Николай Ивановичъ былъ очень слабъ и утомлялся дорогой, и безпокойство за него жены его не было нисколько напраснымъ. Тѣмъ не менѣе у насъ шла бесѣда о разнообразныхъ предметахъ. Зашла какъ-то рѣчь о далекомъ прошломъ, о сороковыхъ годахъ. Кирилло-Меѳодіевское братство, Кіевъ, Шевченко, арестъ и петербургская крѣпость... развернулись предо мной и изъ богатой драматизмомъ его жизни живо предстали тѣ дни въ его прекрасномъ разсказѣ. Надо надѣяться, что недалеко время, когда подлинное «дѣло» братства обнародуется и сдѣлается достояніемъ исторіи. Подробности его сохранятся во всякомъ случаѣ въ запискахъ историка, разумѣя

подъ этимъ не отрывочные наброски, обнародованные г-жей Бѣлозерской, а еще не напечатанную большую автобіографію его. Изъ малоизвѣстныхъ подробностей отмѣчу утрату двухъ законченныхъ литературныхъ произведеній той эпохи: малорусской драмы «Косинскій» и разсказа «Римская монета». Обѣ эти вещи сохраняются вѣроятно въ архивѣ бывшаго III-го отдѣленія. Дѣйствіе разсказа «Римская монета» происходитъ въ Россіи, въ глухомъ уѣздномъ городкѣ, но эта монета, одна изъ тѣхъ, которыя утаилъ Ананія, одинъ изъ первыхъ послѣдователей апостольскихъ, продавшій имѣніе и принесшій деньги апостолу Петру. Это нарушеніе святаго довѣрія, того братскаго союза, въ которомъ были «сердце едино и душа едина», кладетъ печать проклятія на самый металлъ, какими-то судьбами попавшій въ далекую землю. Переходя изъ рукъ въ руки, монета становится источникомъ несчастія и для лицъ, къ которымъ попадаетъ.

Костомаровъ не разъ и потомъ обращался къ сюжетамъ съ тѣмъ оттѣнкомъ фатализма и неразгаданныхъ вліяній, которыя тревожили воображеніе многихъ поэтовъ. Въ легендѣ «Сорокъ лѣтъ», отчасти въ «Кудеярѣ» видны слѣды этого настроенія. На одной изъ остановокъ я читалъ ему изъ записной книжки нѣсколько народныхъ разсказовъ о запродажѣ души чорту изъ-за разныхъ мотивовъ, между прочимъ изъ-за любви. Одинъ изъ нихъ, слышанный имъ въ народѣ и раньше, очень занялъ его. Онъ повелъ рѣчь о драмѣ или поэмѣ въ лицахъ на этотъ сюжетъ, гдѣ такимъ оригинальнымъ, живымъ лицемъ могъ-бы явиться чортъ, украинскій Мефистофель, пытливый духъ, надѣленный своеобразнымъ и ѣдкимъ малорусскимъ юморомъ и несокрушимымъ здравымъ смысломъ народа. Мы тащились по безконечной греблѣ надъ Супоемъ въ Яготинѣ. Спустившійся вечеръ, съ едва загорѣвшимися звѣздами, съ выплывающей надъ яготинскимъ озеромъ луной, съ рядами вербъ почтовой дороги на горизонтѣ, вся эта окружающая природа была необыкновенно подходящей обстановкой для такихъ мечтаній. Этой грезѣ такъ и суждено было исчезнуть въ сумракѣ того вечера и не увидѣть осуществленія.

Дѣловая сторона «поѣздки въ Переяславъ» исчерпывается вполнѣ только что начертанной въ «Историческомъ Вѣстникѣ», подъ тѣмъ-же заглавіемъ, статьей покойнаго историка, представля-

ющей подробнѣйшій сводъ историческихъ данныхъ о переяславской старинѣ и древностяхъ. Первою заботою его, на другой день пріѣзда, былъ осмотръ успенской церкви, гдѣ въ 1654 году присягали царю Хмельницкій и войсковая старшина. Вслѣдствіе неосновательныхъ заявленій объ остаткахъ старой церкви, постройка новаго храма, на мѣсто пришедшаго въ ветхость, была пріостановлена. По справкамъ оказалось, что существующая на томъ мѣстѣ ветхая церковь есть третья, считая отъ первоначальной, сгорѣвшей до тла въ 1761 году. Протоіерей Терлецкій, сопутствовавшій намъ въ успенскую церковь, показалъ подлинный актъ пожара, напечатанный имъ впослѣдствіи дословно, по совѣту Николая Ивановича, въ «Кіевлянинѣ». Изъ городскихъ церквей въ своей статьѣ историкъ отмѣчаетъ михайловскую, основанную въ XI вѣкѣ, покровскую и вознесенскую, построенную Мазепой, гдѣ почиваютъ мощи погибшаго геройскою смертью, во время Хмельнищины, св. мученика Макарія. Въ покровской церкви намъ показывали икону съ изображеніемъ императора Петра и лицъ отъ малороссійской старшины, тогда еще бывшую въ Переяславѣ.

Передъ тѣмъ, какъ совершить объѣздъ церквей, мы посѣтили переяславскаго старожила, друга Шевченка, почтеннаго А. О. Козачковскаго. Самый городъ, не живописный и грязный, Николаю Ивановичу не поправился. Онъ былъ въ немъ когда-то проѣздомъ, ѣхавши на почтовыхъ изъ Харькова въ Ровно, гдѣ служилъ тогда учителемъ; но это было ночью и о городѣ у него не сохранилось никакого воспоминанія; этотъ-же Переяславъ выбралъ онъ мѣстомъ дѣйствія для свой юношеской трагедіи «Переяславска Ничъ», поставивши его у самаго Днѣпра. Въ своей статьѣ, въ бѣглыхъ замѣчаніяхъ о городѣ, по благодушію своему, онъ ничего не сказалъ о гостинницѣ Симонова, гдѣ мы были жертвами «враговъ рода человѣческаго» и гдѣ насъ чуть не отравили рыбой.

Въ кладбищенской церкви хранятся ризница и утварь старой Успенской церкви. Тутъ находятся Евангеліе и крестъ, на которыхъ присягали Хмельницкій и старшина. Къ нимъ набожно приложился историкъ эпохи Хмельницкаго. Ризница очень замѣчательна одѣяніями и тканями большой древности. Съ цвинтаря этой церкви открывается видъ на далекія синія горы праваго днѣпровскаго берега.

Окончивъ обзоръ, мы двинулись вечеромъ въ обратный путь. По обыкновенію ѣхали всю ночь, которая была очень холодна. Но убѣдить Николая Ивановича остановиться для отдыха не было никакой возможности. Онъ едва позволилъ закрыть себя плэдомъ, хотя, разъ закрытый, переставалъ протестовать, согрѣваясь немного. Онъ чувствовалъ себя очень худо и очевидно страдалъ. Чтобъ разсѣять его, я разсказывалъ разныя, приходившія въ голову, смѣшныя исторіи, зная его склонность ко всему веселому и шутливому. Я съ удовольствіемъ вспоминаю теперь, что мои выдумки вызывали иногда у него самый искренній смѣхъ.

Черезъ день я уѣзжалъ изъ Дѣдовцевъ. Такъ какъ экипажъ мой остался въ городѣ, то Николай Ивановичъ подвезъ меня туда на своихъ лошадяхъ, отправляясь за покупками въ Прилуки. Его «покупки» были, впрочемъ, всегда очень не сложны, ограничиваясь бубликами, которые онъ заѣзжалъ брать къ извѣстному всему уѣзду, очень замѣчательному въ своей спеціальности артисту, Джигилю. Здѣсь, пока добросовѣстныя хозяйки суетились у печки *для самыхъ свиженькихъ*, Николай Ивановичъ или бесѣдовалъ по просту съ ними или уходилъ въ маленькій, лежащій при домѣ, садикъ. Въ этомъ мѣщанскомъ садикѣ, съ развѣсистыми фруктовыми деревьями, съ узенькими желтыми дорожками, съ высокими купами любистку и цвѣтущими астрами, чернобривцями, трояндами и мальвой, мы и простились послѣднимъ прощаньемъ... Передо мной портретъ его, снятый въ гробу: измученныя страданіемъ черты, разметавшіеся волосы вкругъ высокаго лба, покой и холодъ смерти... Но въ моей памяти онъ сохранился инымъ: онъ видится мнѣ въ цвѣтущемъ садикѣ, въ минуту прощанья, когда онъ въ послѣдній разъ пожалъ мнѣ руку, съ обычнымъ ему чарующимъ и искреннимъ душевнымъ порывомъ.

В. Горленко.

Дневникъ новгородскаго подсудка Ѳедора Евлашевскаго.

(1564 — 1604 года).

Подлинная рукопись записокъ Ѳедора Евлашевскаго хранится въ рукописномъ отдѣленіи библіотеки графовъ Потоцкихъ въ Вилянові; судя по списку *fac-simile*, приложенному къ той копіи, которою мы пользовались для нынѣшняго изданія, подлинникъ писанъ весьма неразборчивымъ почеркомъ XVI столѣтія, чѣмъ и объясняются пробѣлы и неточности текста, встрѣтившіеся въ данной копіи. Копію эту мы нашли въ рукописномъ отдѣленіи библіотеки института Оссолинскихъ во Львовѣ, гдѣ она внесена въ каталогъ подъ № 2,444. Составляя списокъ, нынѣ предлагаемый для печати, не смотря на крайнее желаніе, мы не могли сохранить вполнѣ правописанія рукописи, такъ какъ переписчикъ, списывавшій рукопись изъ оригинала, очевидно самъ не соблюлъ точности въ воспроизведеніи его правописанія. Мы совершенно отказались удержать начертанія ѧ и ѩ, которыми изображается звукъ *я*, а также начертаніе ѡ, которымъ въ копіи часто замѣняется *о*; начертанія эти переписчикъ, а можетъ быть и самъ составитель дневника, употреблялъ безразлично, не руководясь никакимъ твердо установленнымъ правиломъ правописанія и употребляя то тѣ, то другія начертанія въ одномъ и томъ-же словѣ. Остальныя особенности правописанія рукописи мы сохранили совершенно почти въ такомъ видѣ, въ какомъ встрѣтили ихъ въ копіи института Оссолинскихъ, а именно: вездѣ удержаны нами *ѳ* для изображенія звука *g* и *г* для изображенія звука *h*, сохранены также *ы* и *и*, какъ употреблялъ ихъ первый переписчикъ, и сдѣлано незначительное отступленіе

лишь относительно *ъ* и *ь*. Знаки эти въ рукописи, которою мы пользовались, то опускаются, то ставятся. Не видя въ употребленіи или опущеніи ихъ чего либо опредѣленнаго и существеннаго, мы, для удобства чтенія, вставили эти знаки и тамъ, гдѣ въ рукописи, съ которой мы списывали, они опущены.

Записки Евлашевскаго не были попынѣ изданы въ русскомъ текстѣ подлинника; 25 лѣтъ тому назадъ онѣ появились только въ польскомъ переводѣ г. Евгенія Цѣмневскаго [1]); вслѣдствіе этого онѣ мало извѣстны въ русской исторической литературѣ, между тѣмъ записки эти составляютъ одинъ изъ интересныхъ памятниковъ, поясняющихъ исторію западной Руси во второй половинѣ XVI столѣтія и сообщаютъ многочисленныя черты для обрисовки быта, культуры и міросозерцанія дворянскаго сословія этого края.

Авторъ записокъ—русскій дворянинъ новгородскаго воеводства, Ѳедоръ Евлашевскій, родился въ 1546 г. и проживалъ въ окрестности мѣстечка Ляховичъ (нынѣ слуцкаго уѣзда минской губерніи); онъ получилъ неблестящее образованіе, единственно возможное, по его словамъ, въ половинѣ XVI столѣтія въ западной Руси; оно состояло въ знаніи русской и польской грамоты, и въ умѣніи читать письмена еврейскія, впрочемъ безъ пониманія еврейскаго языка; другія знанія: счетоводство, изученіе законовъ и т. п. авторъ пріобрѣлъ впослѣдствіи, въ то время, когда занимался уже практическою дѣятельностію, частію при помощи лицъ, съ которыми сталкивала его судьба, частію личнымъ трудомъ, самоучкою. Тѣмъ не менѣе, не смотря на довольно скудный запасъ знанія, авторъ причисляетъ себя къ передовымъ людямъ своего времени; онъ въ запискахъ старается обобщать отдѣльные, описываемые имъ, факты и по временамъ вставляетъ въ свой дневникъ философскія разсужденія: о пользѣ вѣротерпимости, о промыслѣ Божіемъ и т. п. Изъ біографіи автора видно, что современники признавали дѣйствительно Евлашевскаго человѣкомъ умнымъ и развитымъ; не смотря на довольно скромное имущественное положеніе, онъ пользовался почетомъ и уваженіемъ; знатные паны цѣнили его юридическія познанія и довѣряли ему свои дѣла—онъ велъ, по большей части

---

[1]) Pamiętnik Teodora Jewłaszewskiego, Nowogrodzkiego podsędka. Wydał T. X-ze L. Warszawa. 1860.

съ успѣхомъ, въ качествѣ адвоката, процессы во всѣхъ инстанціяхъ, въ томъ числѣ и въ задворномъ королевскомъ и въ сеймовомъ судѣ, пользовался благосклоннымъ пріемомъ при королевскомъ дворѣ и избирался своими согражданами на разныя общественныя должности, исполненіе которыхъ требовало болѣе обширныхъ юридическихъ познаній.

Евлашевскій былъ человѣкъ глубоко религіозный; онъ принадлежалъ къ семьѣ искренно преданной православію; отецъ его, овдовѣвши, принялъ духовное званіе и умеръ въ санѣ православнаго пинскаго и туровскаго епископа. Не смотря впрочемъ на семейныя преданія, самъ авторъ записокъ не остался вѣрнымъ православію: 19-ти лѣтъ отъ роду, проживая въ Вильнѣ, онъ увлекся проповѣдію протестантскихъ пасторовъ и сдѣлался поборникомъ ихъ ученія. Этотъ переходъ къ новой церкви не нарушилъ его добрыхъ семейныхъ отношеній ни къ родителямъ, ни въ послѣдствіи къ женѣ, искренно преданной православію. Впрочемъ переходъ Евлашевскаго въ протестантизмъ не свидѣтельствуетъ вовсе о сильномъ развитіи въ авторѣ религіознаго раціонализма; не смотря на свои близкія отношенія къ протестантскимъ богословамъ, Евлашевскій сохраняетъ глубокую вѣру въ разныя суевѣрныя, языческаго происхожденія, миѳическія существа и предразсудки: онъ не разъ въ теченіи жизни видитъ какого-то, преслѣдовавшаго его, огненнаго человѣка, который является ему, лишь только онъ подвергнется горячечному бреду; онъ признаетъ существованіе «лятавцевъ» и «инкубусовъ» и серьезно увѣренъ, что появленіе послѣднихъ вызываетъ «повѣтріе», т. е. эпидемію; онъ глубоко вѣруетъ въ пророческое значеніе сновъ, во всевозможныя предсказанія «ворожбитовъ» и предзнаменованія. Евлашевскій усвоилъ изъ протестантскаго ученія развѣ только понятія о предопредѣленіи: онъ глубоко вѣруетъ, что самъ онъ лично пользуется особеннымъ, исключительнымъ покровительствомъ Провидѣнія, и очень тщательно отмѣчаетъ факты, изъ которыхъ, по его мнѣнію, явствуетъ, что строгая кара Господня, иногда даже слишкомъ тяжелая, должна постичь всякое лице, нанесшее ему какую либо обиду или оскорбленіе. Записывая каждый такой случай, онъ приноситъ Господу благодарность за то исключительное покровительство, которымъ онъ пользуется.

Въ отношеніяхъ общественныхъ симпатіи Евлашевскаго сложились согласно занимаемому имъ въ обществѣ положенію. Въ качествѣ бѣднаго дворянина, онъ постоянно долженъ прибѣгать къ протекціи и пребывать на службѣ у знатныхъ и богатыхъ пановъ, потому онъ и высказываетъ постоянно благоговѣніе и преданность по отношенію къ лицамъ, высоко поставленнымъ въ дворянской средѣ того времени и съ особеннымъ уваженіемъ относится къ членамъ рода Ходкевичэй, у которыхъ находится на службѣ въ продолженіи всей своей жизни; не смотря на польское право, нивелировавшее de jure всѣ слои литовскаго шляхетства послѣ 1569 года, Евлашевскій глубоко убѣжденъ въ превосходствѣ «пановъ» надъ шляхтичами и съ большей гордостью говоритъ о своемъ званіи слуги Ходкевичей, чѣмъ о земскихъ судейскихъ должностяхъ, которыя ему достаются по выбору, какъ члену независимаго и полноправнаго сословія.

Записки Евлашевскаго носятъ исключительно личный автобіографическій и мѣстный областной характеръ, вслѣдствіе этого онѣ изобилуютъ бытовыми подробностями и содержатъ весьма мало извѣстій о крупныхъ политическихъ, современныхъ автору, событіяхъ; о послѣднихъ онъ по большей части упоминаетъ вкратцѣ, прибавляя притомъ замѣчаніе, что желающіе ближе познакомиться съ ними найдутъ гораздо болѣе подробностей въ другихъ сочиненіяхъ. События эти очевидно интересуютъ автора живѣе только въ такомъ случаѣ, если они непосредственно касаются его околотка; но авторъ обитаетъ въ одномъ изъ центральныхъ воеводствъ великаго княжества литовскаго, до территоріи котораго внѣшнія событія достигаютъ рѣдко; этимъ обстоятельствомъ, вѣроятно, можно объяснить то, что изъ всѣхъ политическихъ событій, упоминаемыхъ авторомъ, подробнѣе другихъ описанъ набѣгъ Наливайка на литовскорусскія области, такъ какъ набѣгъ этотъ коснулся литовскаго Полѣсья, въ которомъ жилъ самъ авторъ.

Евлашевскій писалъ свои записки, какъ это видно изъ его собственныхъ словъ, въ концѣ жизни, именно занимался составленіемъ ихъ въ 1603—1604 годахъ, но при этомъ онъ несомнѣнно пользовался краткими замѣтками, которыя составлялъ въ теченіи всей жизни, такъ какъ время упоминаемыхъ имъ событій онъ всегда

опредѣляетъ весьма точно, обозначая не только годъ, но также мѣсяцъ и число, когда они случились.

Записки написаны на западно-русскомъ языкѣ, напоминающемъ языкъ литовскаго статута и грамотъ XVI столѣтія; впрочемъ воспитаніе, а также частыя посѣщенія Евлашевскимъ столицы и многочисленныя связи съ польскими панами отразились на его рѣчи; она подверглась, какъ намъ кажется, въ большей мѣрѣ польскому вліянію, чѣмъ рѣчь другихъ письменныхъ памятниковъ XVI стол.

В. Антоновичъ.

Самому пану Богу мому зо всякихъ добродѣйствъ его насветное милости пехъ зостава вечна честь и хвала, за которого презренемъ и я, Федоръ Евлашевскій, уродилемсе отъ выше помененыхъ родичовъ моихъ въ Ляховичахъ въ року отъ нароженя сына Божого 1546, мѣсяца февраля 7 дня, въ неделю, ночи пришлое, около полночи, а дано ми име ведля свята руского, которое было на онъ часъ въ понедѣлокъ, мѣсеца февраля 8 дня, а у римляновъ положено естъ мѣсеца марца 2 дня—Теодора, гетмана отъ Лициниуша змученого. А яко меломъ ведомость отъ родичовъ, же въ рокъ по уроженю моемъ, промовилемъ до отца моего «абба», зъ чого се они урадовали; але я намней потомъ не мовилъ, ажъ въ полъчварта року отъ нарожиня моего почаломъ мовить, а въ пятомъ року почато мне бавити наукою рускою, кгдыжъ въ тыхъ часехъ въ той нашей стороне не было еще иншихъ наукъ, и для того пришло ми зостати зъ рускою и полскою наукою; и по жидовскый написати умеломъ, але тое письмо ихъ потребуе умеетности языка ебрайскаго, або хоть немецкого, кгдыжъ вже теперъ библія жидовская немецкимъ езыкомъ, а литерами ихъ выдана, чогобъ полскимъ езыкомъ учинити бы се не могло для ортокграфеи, якей въ иншихъ языкахъ не машъ. А потомъ, удавши се на службу, трафяли ми се таки паны, которые ме оборачали до браня поборовъ и чиненя личбъ, порозумевши на то зъ натуры способного; и панъ Богъ былъ завше зо мною.

А потомъ, за наступленемъ и поднесенемъ войны отъ короля его милости Жикгимонта Августа зъ кнеземъ Иваномъ московскимъ, року 1564 мѣсеца генваря 27 (*былемъ въ битвѣ*) на Иванымъ полю надъ рекою Улою, а потомъ—то и до вприкреня были ми частые язды на

тые войны: а яко оттеразъ упатрую, мало потребные, бовемъ же и речи посполитой пожитку не веле те войны приносили, а мне паметне зостали для утерпеня великихъ пригодъ, трудностей, шкодъ и невыповеденыхъ невчасовъ. Самому пану Богу хвала, же ме зо всихъ ихъ выбавять, а праве на некоторыхъ местцахъ чудовне охранять рачилъ, давши ми праве у вшиткихъ людей вдячность, ласку и учинность надъ надее мое, а непріятелей, которые некгды зъ задрости повставали и головы свои подносити хотели, значными плякгами отвращаючи, а упорныхъ и дивными припадками зъ света зглажаючи, жемъ тою праве толко ласкою Божою не толко убезпечоный, але и розпѣщоный будучи, никгдымъ се ку оборонѣ отъ неприятелей моихъ не готовалъ, анимъ се за слова ихъ бралъ, очекиваючи власне помсты Божой, котра тежъ никгды не омешкала, а некгды и ве мне самымъ ажъ плачъ и велике порушене въ духу чинила, уважаючи такъ вшехмоцного и великого Бога незапаметане мне, межи незличонымъ людомъ, яко робачка малого, и непожаловане тратити можнейшихъ надъ мене ку обороне моей.

Року *1565* мешкалемъ въ месте виленскомъ, выбираючи поборъ, названный покгловный, гдемъ мелъ великую втеху, слухаючи слова Божого ве зборе хрестианскомъ за министровъ вчоныхъ: Вендрокгорского и Костеницкого, а противнымъ зась обычаемъ зналемъ великую ласку мужа годного памети, кнезя Яна Маковецкого, архидиякона варшавского, кустоша и каноника виленского, писаря въ скарбе короля его милости, который ме барзей въ те то личбы вправилъ и доброго ме пожитку набавилъ и веля людямъ въ знаемость подалъ и залецилъ; бовемъ на онъ часъ разность веры не чинила наймнейшой розности приятелской, для чого самого тамтотъ векъ золотымъ ми се видилъ отъ нинейшого веку, кгде южъ и межи одной веры людьми облуда все аст упила, а покготовю межи розными веры ани се пытай о милость, щирость и правдиве добре заховане, а навенцей межи свецкими станы. Помню бовемъ и недавно прешлыхъ часовъ, когды дисейший папежъ Клеменсъ еще кардиналомъ былъ у короля его милости Стефана въ Вилне, седилемъ у столу кнезя Балтромея Недызвицкого, каноника виленского, зъ преднейшыми слугами (влохами) его, тые же се кгды доведели, жемъ евангеликъ, дивовались барзо, яко ме смелъ кнезь каноникъ на обедъ свой взывати, а кгды имъ онъ преложилъ, же въ насъ

зъ того жадна ненависть не быва и милуемосе яко зъ добрыми приятылы, хвалили то влохи, мовечи, же ту Богъ живе; а ганили свои домовы права а роднии неснаски. О Богъ бы то далъ, абы и теразъ ласкавше веки наступить могли, жебы хрестияне, хоть въ частяхъ або обычаехъ веры порознени, але еднакъ хрестияне, преложеного и навышшого монархи хрестиянского, отца папежа, въ лепшимъ пошанованю мели, а одъ него, яко отъ отца мудрого и ласкавого зношони и миловани были, прикладомъ отца домового, который сыновъ своихъ и розныхъ отъ себе и отъ другой братіи въ обычаяхъ зносити умелъ.

1566 року, въ осени, поветре кгвалтовне въ месте Виленскомъ было; мешкалемъ подъ нимъ не мало, бачечи тамъ доктора Сепреза и иншихъ канониковъ и людей розныхъ, которе тежъ въ тимъ поветрю живо зостали были, а маючи отъ помененого доктора пересторогу, межи иншими речами, абымъ се перелякненя варовалъ, кгдыжъ се и покусы въ поветрю указують, але, если бы се що привидило, жебымъ шедлъ противъ тому безпечно и до броне се мелъ, и то мело згинути; и такъ я южъ будучи въ собе постановеный, едучи зъ Вилна до дому, мяновите въ Дорогове, въ стодоле ночуючи, обачилемъ южъ на свитаню въ избе огнистого человѣка, до которого гдымъ се порвалъ, онъ тежъ до мне выступовалъ и, зшедши се середъ избы, порвалемъ зъ запалемъ ножъ и ударилемъ нань, а онъ, зникнувши, зновъ се былъ въ тымъ же куте указалъ и знову до мне шелъ; а я шапку рутилемъ нань и окно отворилемъ; южъ малый день былъ, а то згинуло; а тамъ въ избе былъ господарь зъ жоною и пахолокъ подорожный, але того не слышели; потомъ балемъ се ехать до дому, розумеючи, жемъ се заповетрилъ; и тыжъ тамъ умыслилемъ былъ бавить се длужей, до чого се тежъ и причина налезла: згинула ми была ручница коротка зъ олстремъ зъ воза моего въ стодоле, о которой выведане копнымъ обычаемъ чинилемъ, а вшиткимъ впродь то видене мое поведалемъ. Обачили потымъ ручничку мою надъ возомъ въ самомъ верху завешану, ажъ драбину зъ веси принесши, знято ю. Затымъ невеста стара шляхтянка, неяка Жолнерова, кгдымъ ей мовилъ о томъ виденю, же се бою, если бымъ кгде не заповетрилъ се, бовемъ и въ Новокгродку было поветре, она ми рече: «не бой се! не поветре!» але указавши недалеко свой домекъ, «зъ окна, поведила, виделамъ завше, яко лятавець при-

ходитъ до той ту невесты господарской». И такъ за ее отухою ехалемъ до дому, где за ласкою Божою зе вшиткимъ здровымъ былемъ. Одножъ потомъ ве три чверти року припадать ми почало въ спаню за якимъ колвекъ злякненемъ душене прикре барзо; и меновали докторове ту хоробу инкубусомъ и лечено ме на то на розныхъ местцахъ, але хоть ужъ не такъ часто, яко зъ перву было, однакоже презъ увесь животъ мой почувалемъ я въ собе той припадокъ.

Тогожъ року 1565 на перше роки земске ве всемъ панстве Литовскимъ о светомъ Михаиле, а Новокгрудски, за заповетренемъ места Новокгродского, въ Ляховичахъ сужоны были; а старостою на онъ часъ былъ ляховицкимъ панъ Володимиръ Семеновичъ Заболоцкий, зацного дому человекъ зъ Москвы.

Року 1565, а веку моего 21, были летомъ у короля его милости Жикгмонта Августа послове великые московскые, то есть на имя: Федоръ Ивановичъ Колычовъ, наместникъ суздалскій, человековъ зъ нимъ 728, а коней 922; Григорій Ивановичъ Накгой, дворецкий, людей зъ нимъ 269, а коней 384; Василей Яковлевичъ Щолкановъ, дьякъ або писарь, людей зъ нимъ 228, а коней 332. Сума всихъ людей 1,225, а коней 1,638; зъ которыми о спокою ницъ се не постановило. Тое же осени король, его милость, былъ зъ войскомъ въ шику подъ Радошковичами.

Року 1568 по сойме Кгроденскомъ и по зезде воинскомъ ехалъ король, его милость, до Люблина для скончења унеи; откуль року 1569, на другой недели посту великого, панове сенаторы литовсцы, бачечи веле речей собе противныхъ, отехали были зъ Люблина; вшакже по великой ночи презъ универсалы короля его милости, за печатю коронною вынесеными, знову до Люблина собрани будучи, скончили унию августа месяца 11 дня. А предтымъ еще земля Киевская, Волынская и Подляшская до коруны присужоны и списами прилучоны были, не за разъ, але зъ особна по одной земли отъ Литвы урываючи, яко свитчать привилия имъ даные: въ Подляшскомъ найперша дата, албо снадней одерване; марта пятого, за тымъ у Волынской земли двадцать шостого дня мая, а Киевска земля и далей затрмана была, ажъ ей привилей выдано шостого дня чирвца въ ономъ же року 1569.

Року 1570 былъ съемъ у Варшаве, але се розехали безъ конституцией за незгодою, а подъ тымъ часомъ послы были у московского, а меновите съ Полски: панъ Янъ зъ Борчина Кротоский, воевода иновлодзславский, и панъ Рафалъ Лещинский зъ Лешна, староста радеевский, а зъ Литвы: панъ Миколай Тальвишъ, кашталянъ менский, а панъ Андрей Ивановичъ, писарь короля его милости; которые князю великому московскоиу Ивану Васильевичу о доконченью унее нашое ознаймили и примере на три лета принесли. Смеялсе московскій на ознаймене уней, мовечи: „давномъ я то видалъ, же Ляхи и Литва королевские".

Того року трохамъ былъ до дому се зъ Варшавы звротилъ въ лете и знову зъ початку осени ехалемъ до Варшавы и мешкалемъ тамъ презъ вшитку осень ..... спысковалемъ въ потребахъ короля его милости, хоть ми послуга мерзила.

Пріехалемъ до дому остатнего дня грудня въ року 1570, где заставши пана отця и паню матку у вечери, заразъ не моглемъ доседеть у столу: припала ми срога горячка, бовемъ въ дорозе меломъ при собе хорыхъ людей и заповетрилемсе отъ нихъ еще у Венкгрови, а потымъ, жемъ презъ тыйдень ехалъ не подаючи се, ажъ южъ гвалтовне мя въ дому зломало, и то была дивна справа Божа, же ми въ дорозе уфолкговать рачилъ. Лежалемъ въ той хоробе семь недель и отпадывалемъ, або въ рецыдыве входилемъ, трикрать, даючи причины на то зъ необачења моего, яко въ молодомъ веку моемъ. Ледвемъ се выбилъ и оздровляти почалъ подъ месопусты въ року 1571.

Въ томъ року 1571, по великой ночи, ехалемъ до Варшавы и мешкалемъ при дворе; ажъ липца 17 ехалемъ былъ до дому и, приехавши до местечка, што се зове Добрымъ, захоралемъ на горючку и казалемъ се везты ажъ до Брянска, маючи тамъ доброго человека, кгосподаря Яна Манзика, гдемъ долежалъ выпоценя и скончења той хоробы; а пани матка моя, не ведаючи о мне, гдемъ былъ и што се зо мною деяло, але серцемъ материнскимъ чуючи то, велце се зфрасовала и здорове собе попсовала, звлаща по первихъ хоробахъ моихъ и фрасункахъ своихъ значне здоровя урвала; и за приеханемъ моимъ до дому але по первимъ привитаню жалосный былемъ, розумеючи о ей недолгомъ животе; якожъ потомъ въ марцу пришломъ живота доконала.

А я еще осени той мусилемъ Варшаву наведити, кгдыжъ тамъ король, его милость, Августъ мешкалъ, а мне потребы короля, его милости, правние ку отправованю злецоны были.

На початку року 1572 былемъ забавеный потребами его милости пана Миколая Кришгофа Ходкевича, маршалка дворного, княжати на Ольце и Несвижу, а теразнейшого пана воеводы троцкого, которыхъ потребъ, яко у пана великого, досыть было. Але ми се наприкрили надъ инше справы якогось пана Шахна, земянина его княжеской милости зъ маетности Сверженской, который, задарши се зъ паномъ Миколаемъ Служкою, старостичемъ крычовскымъ, суседомъ той-же маетности Сверженской, дивне штуки вырежалъ и паны затруднилъ, ажъ добре се его милость панъ маршалокъ (звлаща яко въ молодымъ веку самъ) доведивши се, зъ паномъ Служкою до поровнаня приятелского пришолъ и пану Шахнови за добре не мелъ. Отъ тыхъ часовъ завшемъ служилъ въ потребахъ его княжеской милости, пана воеводы нинейшого троцкого, хоть потымъ не завше притомне, однакже правдиве и пилне ажъ до той старости моей, въ которой то, а меновите въ року панскомъ 1603 пишу и деткомъ своимъ раду мою зоставую, абы се при мне и по мне его княжеской милости и деткомъ и домови его княжеской милости прикладомъ моимъ служить се не вымовляли. Въ томъ року 1572 дня 8 февруарія сполнило ми се отъ нароженя моего летъ 26, а семый двадкцатый насталъ.

Въ тымъ-же року нещасливого месеца марца второго дня въ неделе предеднемъ умерла намилшая матка моя Феодора зъ великимъ жалемъ пана отца нашого и насъ, детей ихъ милыхъ; которой тело пристойною учтивостю поховано въ Ляховичехъ въ церкви рускей.

А ту се за смертю пани матки моей розерване мыслей моихъ стало вторе: были ехать до Угоръ и до Турціи, зведати инше краины далеке, научить се ремеслъ розныхъ, кгдижемъ былъ жалосный.

За смертю пана отца моего детокъ ховане и опатроване албо опека детокъ ихъ, братей и сестеръ моихъ, на мя припадши, въ тыхъ кутехъ света мне затримали.

Того-жъ року былъ съемъ валный у Варшаве, але король, его милость, Августъ южъ былъ хорый, протожъ се нычого не постановило. Былъ и чаусъ отъ турка; слухали го панове радные; на местцу коро-

левскомъ арцыбискупъ Якубъ Уханский седилъ. Мовилъ турчинъ, слуга чаушовъ, за его указованемъ турецкимъ, по латине, которому признавано, же добре мовилъ; а при отправеню чинилъ му респонсъ панъ канцлеръ Валентый Дембинский по полску. И татаринъ нашъ наготованный хтелъ му толмачити, але чаушъ не казалъ, поведаючи, же самъ розумитъ по полску; указовано то отъ многихъ людей, же се туркове въ Парыжу французкомъ пилне латины учатъ, а бодай не перенеслы се до нихъ науки, яко се перенашали первей отъ народовъ тыхъ до другихъ, што теперъ, яко слышемы о великихъ наукъ розмноженю въ панствахъ турецкихъ, хоть тежъ и веля християнъ, туркамъ прилекглыхъ, въ языку се ихъ турецкомъ закохали; а што ведетъ, ку чому то за часомъ своимъ панъ Богъ привести будетъ рачилъ?

Подъ тыжъ-же часомъ король, его милость, фримаркомъ за Свислочъ пустилъ Ляховичи его милости пану Яну Ходкевичу, на онъ часъ старосте жмутскому, и взялъ е его милость 12 дня червца въ томъ року 1572; того тежъ дня человекъ зацный, подле Ляховичъ мешкаючий, Федоръ Юрыга, умеръ; ямъ былъ у Варшаве при дворе, где тежъ повстре морове значне се показовало. Король не хотелъ было выехати, ажъ дворяне на замку мреть почали: померли пахолята Былицкій и Конарскій, а червца 19 умеръ князь Массалский, въ ласце на онъ часъ королевской будучий, тедыжъ король его милость, улекнувши се, далъ се вывезти на ночь до Праги за реку Вислу; и такъ далей проважоно короля у возе великомъ, на то заготованомъ зъ блоками, а въ нимъ ложко зъ королемъ лежачимъ высело. Приехано зъ нимъ такъ до Кнышина 28 червца, а я еще въ дорозе впалъ въ тежкую горючку и казалемъ се вести до Кнышина, кгдемъ се ледве зъ тое горючки выходилъ. Умеръ король, его милость, Августъ въ понеделокъ липца 7 дня, годины третей зъ полудня, которого смерти, яко се тамъ сподевано, не тасно, але заразъ всимъ обявлено 8 дня липца; въ шаты королевские убрано 9 липца; еще безъ труны на столе при стене всимъ людемъ, кто хотелъ видети тело королевское, указано. 10 липца до труны тело вложоно; а за тоюжъ смертю короля его милости и хоробою моею зостали листы мое неподписаны, которые мне король, его милость, на маетности данне написати былъ казати рачилъ, што се великому нещастю моему причитати мусить.

За тымъ зъезды въ Полще и въ Литве бывали. Послы цесарские и отъ иншихъ пановъ приездили; отъ турка се пилно выстерегали; немней розерваня зъ Литвою обавяли се, абы се Литва зъ московскимъ не порозумела; и протожъ были отъ поляковъ въ Кгродне панъ воевода подолский и панъ каменецкий, кгде се о згодной елекецыей намовили (опускаю то, яко ведаючи достаточне то отъ иншихъ выписано). Въ тымъ-же року 1572, видечи я пана отца моего осиротелого и велце для смерти малжонки своей жалосного, радячисе и намовляючи се зъ нимъ, зрозумилемъ, жебы позволилъ на якимъ владычестве живота доконать; доведивши се о ваканцыей владычества пинского, чинилемъ всяке старане, не жалуючи праць, накладовъ и розныхъ практикъ, кгдыжъ то все для добродея отца моего милого былъ повиненъ; але кгды ми до накладовъ пенезей не стало, былемъ такъ нещастный, жемъ се ту около Ляховичъ у людей тыхъ, которымъ емъ се часто въ потребахъ ихъ згожалъ, на узычене пенезей способити не моглъ; ажъ, о которомъ мней надеи мелемъ, панъ Андрей Ждановичъ Доровский, и по смерти му добре слово зоставую, же ме пенезми былъ поратовалъ, жемъ то владичество пинское пану отцеви отрималъ; на которое въ року 1573 стычня 15 дня въ Новгородку отъ митрополиты Ионы Протасевича посвеконый былъ; до Пинска приехалъ на столицу свою 26 стычня въ понеделокъ. Зъ тыхъ всихъ речей нехай буде на веки самому пану Богу честь и хвала. Аминь.

А такъ, зъ Пинска се отправивши, почаломъ се старати о отыскане въ Турове, где князь Костантынъ, воевода кіевский, боронилъ, для чого знову переездовъ и накладовъ не мало быти мусело; былемъ въ Турове у княжати, и зоставилъ ме еще на обетницы, и такъ долго зволокъ, ажъ въ Кракове на коронацией короля Генриковой року 1574, кгдымъ му послужилъ до отысканя именей Острога и иншихъ, презъ пана Лаского, воеводу сирацкого, королеви Августови заведеныхъ, тожъ былъ въ Туровъ пану отцу моему поступити казалъ. Тамже ркомо, поуспокоивши се, панъ отецъ мой былъ на той зацной столицы владычества пинского въ всякомъ люцкомъ поважену, доброй славе и оздобе, але не долго, бо въ року 1574, будучи въ Турове, впалъ у фебру и зъ полрока въ ней бывши, умеръ въ Пинску, року 1575 дня 9 марца въ середу ранючко, где потомъ и тело его поховано въ

церкви святое Пречистое, а на мене припало ховане детокъ и плачене немало долговъ его. Але Панъ Богъ мой не опускалъ ме и въ тыхъ речахъ, розумови моему трудныхъ, але ме значне ратовалъ и зе вшехъ ихъ выбавити рачилъ; нехай буде зе вшехъ добродествъ своихъ Панъ Богъ похваленъ на веки. Аминь.

Въ томъ тежъ року умеръ въ Ляховичахъ сынъ пана виленского, панъ Ярошъ, маючи около летъ 15, а въ той молодости своей былъ мудрости и розторопности великой. Умеръ тежъ панъ Андрей Григоровичъ Ходкевичъ, подстолий великого княжества литовского, велице добротливый и рыцерский панъ, которому мено было дати въ малженство воеводянку виленскую Радивиловну, але се то тою смертиею пана подстолего розервало; и выличилъ небощикъ панъ виленский, же то южъ была за его ведомостью одинаста пара людей зъ дому ихъ Ходкевичовского, приходечи до сповиноваценя зъ домомъ Радивиловскимъ, розервана.

Року того-жъ въ маю зъехавши се панове и рыцерство до Стенжицы, конклюдовавши Генрика короля болше южъ не чекати, до елекцыей нового пана приступили и змешкавши тамъ три неделе, розехали се, въ розерваню ничого не справивши. Ехалемъ за позволенемъ пана моего до Острова, у Люблина местечка будучого, мелемъ справу тамъ зъ шляхтою Казновскими отъ ихъ братовое, цорки годного памети мужа Стефана Мостовничого, отца суседовъ моихъ, пановъ Вадошинскихъ. А, едучи до Брестя, предъ Полюбичами былемъ въ великомъ страху отъ грому, же муселисмы подъ частыми срокгими перунами, значне межи нами спадаючими, ехати мили зъ полтретей, не маючи, где зостановити се; потомъ, приехавши до дому, былемъ у того-то пана Мостовничого, а меновите лица 24, въ неделю, а межи иншими розмовами припоминалемъ тотъ страхъ громовый, якосмы се натерпели; онъ на то поведилъ, же му еще молодому въ Кракове отъ якогось переежучого кгвяздара практыковано, же мелъ меть смерть отъ грому въ року живота его шестдесятымъ, а яко-бы му южъ зъ ласки Божей лятъ шестдесятъ минуло; и такъ се покгласкалъ по бороде; за чимъ на серцу моемъ стало ми го барзо жаль, и пытамъ: если се боитъ, кгды му се трафитъ быти подъ громомъ? реклъ ми на то: же не дбаетъ никгды, ежели где потреба была зъ душнымъ збавенемъ. А по тыхъ розмовахъ

и розеханю нашомъ въ десети дняхъ, меновите серпня 4 дня, въ четвергъ, того пана Мостовничого громъ забилъ въ полю, подъ сосною, подъ которую былъ, для дощу подехавши, станулъ.

Въ той-же осени былъ панъ виленский зъ войскомъ у Лифлянтехъ; зобравши се, взелъ Борку. А ямъ былъ на Волыню и у Олыце. А (къ) вели пану Стефану Лозце, маршалку мозырскому, былемъ зъ нимъ у Бабине, у шляхетного мужа, пана Андрея Бабинского и змовилисмы за него сестру пана Ложчину, панну Томилу, въ томъ року 1575 месеца паздерника 21 дня.

Року 1575 мисяца лютого осмого дня сполнило се мне летъ тридцать и насталъ рокъ 31. Воды въ томъ року на весне гвалтовные были, и трафило ми се быти, кгды бронено вырваня у млына ляховецкого, названого нового, где Янушъ млынаръ сталъ на крайней балце, отбияючи пешною кригу ледовую, а за нимъ два хлопы древномъ великимъ зъ мосту тлукли тежъ ледъ и упустили тотъ паль, который, выпадши имъ зъ рукъ, ударилъ Януша млынаря въ тылъ головы; а онъ упалъ въ ставъ до воды и заразъ презъ упустъ пренесеный на долъ у глубину великую и не рыхло зъ ней указалъ се, несеный далеко водою, а пешне предъ се мелъ въ рукахъ своихъ; ажъ такъ и вышелъ зъ воды и надъ надею всихъ насъ, люди тамъ будучихъ, живъ зосталъ, бо не можна му было жадного ратунку дати.

Лета того отъ неякогось Пацкевича Степана и Михайла Зверева москвитина и отъ иншихъ непріятелей моихъ, щастю моему, хоть малому, предъ се заздрощаючихъ, мелемъ немалые фрасунки, зъ которыхъ ме самъ толко Панъ Богъ, хвалы вечное кгодный, вызволилъ. Въ томъ-же року вересня 11 дня былемъ на комисей въ Менску, межи княземъ Соломирецкимъ и местомъ менскимъ; была бурда велика тамъ и также Панъ Богъ оборонилъ.

Паздерника 5 выехалемъ зъ дому до Туруня и вступовалемъ до Белой, где была справа велика его милости пану Радзивилу зъ опекунами Тетерского о имене Свержино; отъ тудъ на Варщаву ехалемъ и былемъ въ Туруню 23 того месеца паздерника; тамъ былъ южъ Стефанъ король, яко 15 дня того месеца приехалъ и сеймовалъ, а цесарь Максимилиянъ 12 дня паздерника умеръ; на сейме тымъ, кромъ намовъ о Кгданщанахъ ничого не справивши, пожегнали послове ко-

роля его милость 2 декембра. Ямъ не мало справъ судовыхъ мелъ предъ королемъ его милостю и щастило ми се за ласкою Божою.

Позналемъ се тежъ зъ королемъ Стефаномъ и его венкграми, которыхъ найчастей панове до себе на обеды прошивали; и я помню: Заичди Янушъ, Барити Юригай, Нодохъ Петеръ, Батори Петеръ, Буриомиса Янушъ, Кенды Петеръ, Верфевичъ Мартинъ, Полякъ Мигай, кухмистръ Крачокъ, а пахолята: Ференцый и Асемерый.

Тамъ-же въ Туруню привиталемъ новый рокъ 1577, а въ нимъ приехалемъ до дому въ неделю дня 13, месеца стычня; а уклопотаный вже будучи працами и волокитами уставычными, уважаючи тежъ волю и росказане Бога всемогучого, уступилемъ въ томъ року 1577 месеца февраля десятого дня въ малженство светое зъ теперешною малжонкою моею, Ганною Болотовною, сестрою пана Данила Болотовича зъ Руси; которыхъ то Болотовъ продокъ, человекъ значный, еще за короля Казимира зъ Москвы былъ приехалъ, на имя Антоний Болото; и былъ славнымъ мужомъ и потомки его презъ часъ немалый; а другие зъ нихъ, розродивши се, розно се розышли и подъ панами некоторыми оселости боярские побравши, яко то ве Шклове и инде, мешкаютъ. Въ маетности смы се зъ обу сторонъ ровной знесли были, але, зъ блогословенства Божого, была намъ семйа спора и помнажаючаясе надъ працу и надею нашу; милемъ зъ нее добру жону; не уприкрылы ми се для ней дни живота моего; была бовемъ у пригодахъ и хоробахъ серца мужского, цноты великой, пыха и злие мысли снать у ней никгды до серца не наступовали, ку убогимъ, хорымъ и засмучонымъ людямъ упреймого милосердія, же и въ ночи, спати не могучи, о таковыхъ ратунку мыслила и старане чинила; а хоть у вере руской трывала, але такъ бачне и не упорне, же то намнейшей незгоды не указовало и люди видеть того не могли, тымъ-же болшей, смотречи на наше спокойное тихое и веселое помешкане, въ заздрость впадаючи, мовами своими фальшивыми насъ щипали и разными способы иншими; а наконецъ и чарами прешкодити то усиловали, але Панъ Богъ, который ме паслъ одного самого, не опустилъ ме и зъ тою малжонкою моею и не подавалъ насъ на волю неприятелей нашихъ, але, ихъ самыхъ розными плякгами дотыкаючи, яко отъ скалы отъ насъ отпалыхъ и завстыжоныхъ зоставовалъ, а насъ, зъ ласки своей, въ де-

точки помнажалъ; якожъ напродъ ку великой потешности далъ намъ первородного сына Яроша, а потымъ иншие сыны и цорки, же по нинешный рокъ 1604, яко се то пише, сполнило се сыновъ 9, а цорекъ пять, зъ которыхъ южъ мамы Яроша, сына намъ милого, женатого, а цорку нашу Райну въ малженстве за паномъ Яномъ Грескимъ выданую, о чомъ будетъ на потымъ на местцу своемъ ширей.

Въ томъ року бавилемъ се въ дому его милости пана виленского, а начастей въ Ляховичахъ мешкалъ. Подъ тымъ-же часомъ въ маетности бискупства виленского у Недведичахъ былъ урядникомъ панъ Василей Рогачовский, человекъ мудрый и великого захованя у людей. Мелъ малжонку у себе Токачовну, невесту барзо добрую; ово не ведетъ зъ чого впалъ въ меланхолию, о всемъ собе зле тушачи, наконецъ о ласце у князя Валеряна, бискупа, пана своего, и товариновъ; а бискупъ онъ цнотливый миловалъ его яко сына и товариши не были му незычливыми; которого, яко на ме велце ласкавого, рознымі способы отводилемъ отъ того и поднялемъ се былъ ехать зъ нимъ до Вилна для опатреня здоровя его; а, зрозумевши по нимъ, же мыслилъ о учинене якой смерти собе, бо ме просилъ за жоною и цоркою своею, ознаймилемъ малжонце и некоторымъ слугамъ его; якожъ они покрыли были желѣза и ручницы, але въ понеделокъ святочный въ тымъ року, мая 27, кгды се люди при полудню розешли, замкнувши се самъ одинъ, ручникомъ се въ избе (повесилъ). Стало се то зъ великимъ страхомъ людцкимъ, и самъ его милость панъ виленский, услышавши то въ Ляховичахъ, былъ дивно стрывожоный и веле на то мовилъ, конклѣдуючи: «же не ведаютъ люди, не ведаютъ, що естъ шатанъ!» а потомъ за его-жъ милости помочю выпровадилемъ зъ Медведичъ до себе въ домъ малжонку и цорку небожчиковску и поховалисмы тело его въ Ляховичахъ у старой церкве, а пани, змешкавши при мне и жоне моей въ дому моемъ шесть недель, отехала въ повет минский и шла была замужъ за пана Макаровича. Я, жемъ се былъ барзей престрашилъ, бовемъ першого-жъ дня, звлаща въ ночи, былемъ тамъ у паней Рогачевской, и знову въ Ляховичахъ, мелемъ се не добре ве спаню, а летавцамъ што начастей видалъ, не толко въ ночи, але и ве дне, же и иншие люди, при мне будучи, видали; мне тежъ не дивъ было: падивнейший припадокъ, о которомъ въ року 1566 писалемъ.

Того-жъ лета король, его милость, Стефанъ подъ Кгданскомъ зъ войскомъ былъ, а московский Иванъ у Лифлянтехъ замковъ веле побралъ и позаседалъ; тамже зъ подъ Кгданска зъ обозу принесено ми листы короля, его милости, на мостовничество пинское и сервецкое, по небожчику пану Стефане вакуючое.

Въ месецы лютымъ указала се была комета велика на зимнымъ восходе сонца и была часъ немалый.

Року 1578 его милость панъ Ходкевичъ, панъ виленский, самъ зъ войскомъ ехалъ до Лифлянтъ, барзо хорый, а мене на съемъ до Варшави выправилъ въ пилныхъ справахъ своихъ и княжати Корецкого, пришлого зятя своего; который съемъ зачатый былъ стычня 20 дня; маршалковалъ межи послами нашъ литвинъ—князь Лукашъ Болько Свирский. На тотъ съемъ привезено Подкову и дано его заразъ за стражъ гайдукомъ, потымъ и пута нань вложоно надъ надее его, кгдыжъ му ласку королевску обецовано; того-жъ потымъ лета пришлого ве Львове, къ воли туркови, стяти дано. На томъ-же сейме былъ у Варшаве княже Ерый Фрыдерыкъ зъ Аншпахъ, маркграбя бранденбурский зъ малжонкою своею; вырежалъ му король Стефанъ и королева велику учтивость и банкетъ великий ве дне и въ ноцы зъ танцами чинено; и выправилъ собе опеку надъ княжатемъ прускимъ, але му потомъ княжна малжонка его умерла; шидзоно при дворе, же се порушила танцемъ, припоминано то тежъ, же нешкодене (sic) былъ его милость панъ Замойский, канцлеръ, отъ того Аншпаха, яко и отъ Кгданщанъ, а то щасте вшистко праве заразомъ зъ ласкою королевскою ему было припало.

Въ томъ-же року по святахъ въ Новгородку, подъ роками земскими, запаливши се въ ночи отъ стодолы пана Андрея Ивановича, писара короля его милости, згорело домовъ 12. Въ тежъ часы умеръ панъ Александеръ Ходкевичъ, староста городенский, панъ барзо добрый; погребъ былъ тела его у Супрасли 31 дня августа отправеный. О светомъ Михале былемъ при его милости у Городне, маючи великие справы передъ судомъ земскимъ.

Того року 1578, 22 октобра побито отъ нашихъ Москвы подъ Кесю о два (пробѣлъ въ подлинникѣ) и арматы немало побрано (пробѣлъ въ подлинникѣ).

Року того-жъ 1578 въ листопаде дня 9, въ день неделный, умеръ княже его милость Юрей Слуцкий, презъ великие богатства и скарбы собраные славный панъ.

Року 1579 о трохъ кролехъ былемъ у Городномъ, маючи потребы немалые. Въ лютымъ засе 23 дня умерла побожна пани Маковецка Анна зъ Синевицъ. Въ маю тожъ 3 дня въ неделе былемъ при великимъ жалю и фрасунку у пана Ивана Баки у Осташине, именю его, где му умерла малжонка Александра княжна Крошинская. Человекъ то былъ невыповедяной доброти, пани шляхетна, бокгобойна, уроды пекной, але покоры болшой якъ веры, же отъ пана Бога и людий всихъ была милована; пророковалемъ на серцу моимъ, же не мелъ мети такой другой: якожъ взялъ потомъ тетку ее, котора первей была за Турчановскимъ и Подаровскимъ, Татяну Скуминовну, далеко южъ розну отъ той первшой, хоть сестреницы ей, надеръ скупую, котора до забраня пенезей ему помогла, але отъ датку на зборъ новокгродский и учинки милосерные звыкло отвела, бо за небожчицу першую и мне былъ кони зе три далъ, а за той ни козлятка, а еще ме и великой шкоды набавилъ: напервей по забитю сына моего Яна при Бруханскомъ преставалъ, а потомъ, за отданемъ отъ велможного пана Александра Ходкевича маетности Добромышльское сынови моему Ярошови, былъ заздростю затопеный, штрафуючи о то зацного пана и шацуючи ту маетность на пятнадцать тисячей злотыхъ: затымъ одервалъ въ Деревней себе до живота: влокъ оселыхъ зъ рудникомъ и млыномъ пять, а суми прибавилъ за выкупно у себе-жъ надъ 14 соть копъ грошей—еще шесть сотъ копъ грошей: нехъ му то тогда Панъ въ онъ день справедливый Судя (одтасть).

Того-жъ року 1579, августа 4, у второкъ, годины 18, въ месте виленскомъ умеръ онъ великий панъ, а монархамъ справами своими ровный Янъ Ходкевичъ, панъ виленский, староста жмудский, зъ велкою жалостю люду посполитого; которого потомъ 13 октобра погребъ отправено на замку виленскомъ, въ костеле святого Станислава. Король его милость Стефанъ въ те часы былъ зъ войскомъ подъ Полоцкомъ: и добыто Полоцка 30 дня августа.

Потомъ въ декабры былъ съемъ у Варшаве, на которомъ панъ Андрей Тризна и я зъ повету новгородского послами были, и праце-

валисмы, пишучи трибуналъ; якожъ увесь написаный и король его милость подписалъ его намъ, але выдати не могъ безъ конституцыей, которой зъ того сейму не было, толко универсалъ поборовый. Была тамъ у Варшаве ей мость пани виленская, стараючи се о вечность маетности Свислоцкой.

Докончилъ се тотъ сеймъ 9 стычня року 1580, а въ тыденъ потомъ было веселе на замку; отдавалъ панъ канцлеръ Замойский сестру свою за пана Дялынского.

Тамъ-же у Варшаве року 1580 стычня 18 згорело на предзамчу 60 домовъ; гайдуки и венкгрове незле бронили, лечь неподлей и рабовали, што се трафило, а король его милость былъ убралсе по великой острожности, бовемъ то въ ночи было.

Въ року 1580, месеца кветня 23, въ суботу, на прояждце короля его милости Стефана у Вилни, замовивши се его милость панъ Криштофъ Радивилъ, панъ троцкий, гетманъ великий зъ паномъ Володимеромъ Заболоцкимъ, москвитиномъ, якобы Влодымиръ не хотелъ му шапки зняти, пришли потомъ до словъ злыхъ зъ обудву сторонъ: здрады и отметки; кгды се мовилъ панъ троцкий на Володымира, теды Володымиръ мовилъ: «самесь такий». Зачимъ, образивши се панъ троцкий, схалъ до пана воеводы виленского, отца своего, который, выслухавши скаркги о той припадокъ, такъ му рекъ: «не помстишь ли му се того, теды и я о тобе такъ розуметь буду, яко то онъ назвалъ». Той ночи намней панъ троцкий не спалъ, фрасуючи се на Володимира, а сталъ за брамою завилейскою въ дворе своемъ, прозванномъ Довойновскомъ, где до его милости зъехали се ротмистрове и жолнере великое множество; а Володымиръ сталъ у мещанина Полгрошка, которого дахъ припущоный былъ въ дахъ каменницы Авкгуштына, войта виленского; зъ которое-жъ то каменицы и даху войтовского коморники пана троцкого вшедши подъ дахъ Полкгрошковъ и прекопавшись въ песку на избе, видели Володымера и што се зъ нимъ деяло, яко потомъ ездилъ до пановъ сенаторовъ, просечи о поеднане пана троцкого, але же се было спознило, обецали му се были на ютро. Потомъ въ господе своей ходилъ до лазней, о чимъ всемъ давали знать коморницы и инша челядь пану троцкому, пытаючи се: «каже ли? теды могутъ его зъ пулгаку забити». Але его милость не казалъ, и

такъ въ тыхъ пересылкахъ ночь зошла, а рано, въ неделю 24 кветня, ведечи панъ троцкий о всемъ, же се Володимиръ готовалъ до церкви светое Пречистое, заехалъ зъ улицы и брамы Завилейской ку костелови св. Духа, где велкость людей пешихъ въ кляшторе была, а ездни въ улицы; и перепустивши Володимира за фортку, одни зъ стороны, а другие зъ великихъ воротъ и зъ той улички указали се, предъ которыми шолъ пехотою (пробѣлъ въ рукописи). Кгорецкий, маючи свой гневъ на Володымира, тотъ споткавши се кинулъ Володымерови камнемъ до перси, а Володымиръ добылъ шаблицы, которую носилъ зъ правой руки и левою се рукою боронилъ потужно. Москва, его слуги, поутекали, окроме Путила званого москвитина; тотъ се самотреть зъ литвинами двема зостановилъ, але отъ велкости людей поранени зараземъ были, а Володымиръ, ку одной строне подъ муры складаючи се, уступовалъ; тамже его тотъ-же Кгорецкий кордомъ подъ правое перси перепхнулъ, же южъ безъ мовы ве двухъ годинахъ умеръ.

Та весть кгды короля Стефана на замку, еще не убраного, дошла, дивне се былъ стревожилъ, же не рыхло до убираня пришолъ, ходечи по покою, ляментуючи, ажъ подканцлерый коронный, князь Боруховский, приехавши, гамовалъ его, розважаючи тотъ нещастный припадокъ: ведаю, же и самъ панъ троцкий не хотелъ его забити, одно выбити, але се то иначей стало за власною вазнею Кгорецкого, же Володымиръ, зоставши старостою трабскимъ, приворочалъ его подъ свою владзу зъ якимсь именьемъ его, которе предъ тымъ въ присуде тымъ трабскомъ было; ехалъ былъ заразъ потымъ панъ троцкий до короля, але король, выславши къ нему того-жъ кнезя подканцлерого, воротилъ его и до себе ити не казалъ былъ; потомъ самъ панъ воевода виленский у короля былъ, отмовляючи сына свого и заступаючи, же то онъ казалъ, здаючи здорове свое на волю и ласку его королевской милости.

Не мало се то такъ терло. Сенаторове короля его милости усмиряли, ажъ 11 дня мая въ середу допустилъ король его милость пану троцкому въ себе быти, застановивши, абы намней Володымира не упоминалъ; и седилъ король на преднокою, а мы люде, не ведаючи того, тиснелисмысе, хотечи слышеть рацыю обмову пана троцкого, который, пришедши, просилъ короля, абы не мелъ за зле, же презъ

тотъ часъ зъ некоторыхъ нещасныхъ припадковъ своихъ у его королевской милости не бывалъ, надто ничого болшей не мовечи; шелъ король на покой, а сенаторове, допровадивши его, заразъ зъ паномъ троцкимъ розехалисе.

По тымъ на першомъ сейме, зъ ведомости королевское, сестра Володымирова, котора зъ Полоцка зъ мужомъ была взята, позвала была пана троцкого; тамъ также самъ панъ воевода виленский пана троцкого заступовалъ. А маючи вшитокъ сенатъ по собе, короля ублагалъ и сестре Влодымеровой щось пенезми далъ. На онъ часъ, при забитю Володымира, король, въ тымъ своемъ запаленый гневе, написалъ былъ цедулу рукою своею: кто былъ Володымиръ, яко летъ двадцать чтыри стравилъ, на дворехъ королей венкгерского и полского се мужественно завше въ речахъ рыцерскихъ поступуючи, а того дня у спикненю и збунтованю людскомъ згинулъ; и хтелъ то мети на хоругви надъ гробомъ его.

Ямъ былъ добре ведомъ Володымира: и не учинилъ того онъ зъ пыхи якой, не чапкуючи пану троцкому, але зъ меланколией своей великой, же, едучи, самъ зъ собою мовилъ, мыслилъ и частокротъ, на спотканю зъ паны, миялъ ихъ, запомнявши се, хоть кто другий чапкованемъ почастилъ, то ажъ напомненый отъ слугъ, волалъ за нимъ, для Бога просячи, абы не мелъ за зле.

Въ тежъ часы былъ у короля въ Вилни гонецъ московский, стараючи се о вызволене вязней и о примире.

Року того-жъ 1580 червця пятого дня, дворяне королевские, зеслани во Трокахъ, поймали и, приведше до Вилна Григора Остика, дали до везеня пану маршалкови, которого потомъ, неякихъ намовъ и порозуменя его зъ Москвою досвятчивши, дано его стяти 18 дня того-жъ мисяца червца въ месте виленскомъ предъ костеломъ святоянскимъ. А король того вечора выехалъ былъ на войну, и былъ потомъ подъ Луками.

Въ Слуцку на тотъ часъ были 4 докторы: сандомерский Бартолянъ, краковский Мартинъ, Фоскосъ любелский, Лавренцыушъ слуцкий, старый и добрый; тамъ се веле пановъ, пань и розного стану людей на лекарство зъехали, и якому Панъ Богъ здарилъ, оправовали се. Року того-жъ 1580 вресня 5 король его милость подъ московскимъ

Луки взялъ былъ и людъ подъ мечъ дано было, яко упорный, который замокъ потомъ за примиремъ верненъ московскому. Въ тежъ часы панъ Филонъ [1]), убезпечоный презъ фалшивые шпакги зъ невеликимъ людомъ припалъ былъ до Смоленска, а тамъ великое войско было московское, же ажъ той-же ночи Филонъ уходилъ; людей нашихъ сила погинуло; тамъ-же суседа моего Михайла Зверова, москвитина, поймано и обвешоно; былъ ми то велкимъ неприятелемъ, пане Боже отпусть му! Въ томъ-же року былъ король его милость, змовляючи се о потужности пришлое войны. Року 1581 генваря 20 въ пятницу жона моя мила, Ганна Болотовна, уродила мне сына Иохима тужъ преде днемъ, а на цаломъ зекгару годины 14. Тотъ на сесь часъ, вже тому три роки, ве Влошехъ у княжати Мантуанского. Пане Боже му блогославь!

Въ месецу червцу Москва, невидоме въ руски земли вторгнувши, огнемъ и мечемъ и забранемъ великие шкоды починила.

Того лета и весны, въ року 1581 король Стефанъ былъ подъ Псковомъ, гдемъ ижъ презъ хоробы мое не былъ, слухаю радъ иншихъ, которие, ведоми будучи, о томъ выписали; Бородичъ панъ Иванъ, повинный мой, едучи зъ подъ Пскова, умеръ въ дорозе кгрудня 22 дня, а похованъ у Кгравжишкахъ.

Року 1582, названого отъ мене нещасливого зъ певныхъ причинъ, же ми въ нимъ марца 22 умеръ милый и единый же у мене рожоный братъ мой Иванъ въ месте виленскомъ; и не дошла ме та ведомость презъ злую дорогу, ажъ за тыйдень; презъ который тыйдень, будучи я въ дому моимъ, яко у тридцяти миляхъ отъ Вилна, тескнилемъ барзо, жаловалемъ и мовилемъ до жоны моей, же запевне ми братъ умеръ; такъ то серца людзкие чуютъ зъ далека припадки детокъ и милыхъ приятелей своихъ. А про тожъ ездилемъ до Вилна и далемъ тело его поховати, водле порученя его, у светое Тройцы, церкви руской; зажилемъ жалю надъ обычай и злое дороги, а, едучи назадъ, ледвосми вси не потонули на Немне реце подъ Ивемъ. Ямъ былъ зъ гостемъ якимсь одинъ тамъ приехалъ, и южъ се зъ нами промъ починалъ былъ на нурте заливати, и такъ, напоминаючи перевозниковъ, абы се

[1]) Филонъ Кмита, назначенъ былъ Баторіемъ комендантомъ Великихъ Лукъ (Hejdensztejn, II, 44).

не лякали (бо южъ были шосты порутили, мовечи, же гинемъ), а горечо Пану Богу се молечи, переехали; а опосле слуги, зъ возомъ моимъ и зо всими конми едучи, на томъ-же местцу тонули, кони зпыхали, а тымъ болшей лодки заливали, же вси дошчки вода знесла, а возъ передними колы завесилъ се въ лоди, котора на гору шла, а другая се лодь у воду занурыла; люде перевозные и слуги мое были въ лоди, а инши, побравши се конемъ за огоны, не ведели, што се зъ ними дее, ино кони шли тежъ за лодею внизъ, куды вода несла, ажъ е потомъ на берегъ, гдемъ и я былъ, принесло межи лозы, и тамъ се ратовали; ово толко, здумавши се дивнымъ чудомъ Божимъ, хвалилемъ насветшое имя Его. Потомъ сентабра 23 отдалемъ сестру мою панну Зофею за пана Щасного Самсоновъского. Месеца паздерника 21, въ неделю, умеръ зацный и богобойный мужъ Иванъ Третякъ, приятель дому нашого, а по немъ декабра 10 умерла добрая приятелька моя, пани Твиклинская Дорота Кграбовская, а самъ по ней на велканоцъ умеръ року 1583.

Року 1583 подъ Кгромницу зима се постановила моцно по первшихъ неуставичностяхъ; мелемъ на тотъ часъ у себе велкимъ приятелемъ старосту ляховицкого, пана Симона Шлятковского, которому дня 21 лютого жона, Сулимянка, умерла зъ великимъ жалемъ веля людей, а за нею въ томъ-же року новембра 18 и самъ Шлятковский умеръ, человекъ презъ великую доброту свою вечнои годный памети.

Въ томъ року 1583 пани виленская въ повете новгородскомъ мешкала, а я зъ роковъ на другие роки уставичне и въ розные поветы: до Новгородка, Минска, Слонима и Волковыска ездити муселемъ; а въ посте муселемъ у Вилни и знову о святкахъ тамже быти для справъ задворныхъ, которыхъ се намножило было; мандатовъ всихъ было 17; розмышлялемъ въ собе, яко за живота пана виленского и одинъ позовъ по него не былъ, але се теперъ нагородило: приятели не дбали на оное захованя давное, кождый своего щастя смотря, а Ходкевича жадного въ раде королевской не было, а наконецъ и (пробѣлъ въ рукописи) ветуй Пане Боже на потымъ.

Року 1584 февраля 5 оженилъ се былъ панъ Мартинъ Окунь зъ панною Боянецкою. А на заутре оженилъ се панъ Янъ Монвижъ зъ панною Мложавъскою; отправовала си веселя пани виленская въ

Ляховичахъ зъ великимъ достаткомъ. Въ марцумъ мелъ справъ панскихъ сила у Вилни предъ королемъ, и въ речахъ королевскихъ пилновалемъ, и взывано ме на инстыгаторство.

Въ томъ року пани виленская мела затруднене немалое зъ Матфеемъ Волкомъ, который, маючи еще отъ самого пана его милости фолваркъ ляховецкий Павлюковский у пети сотъ копахъ грошей, справилъ былъ собе другий листъ неправдивый на другую такую-жъ суму пенезей, для чого ажъ сама ездить до права мусила и очевисто перве у земства, а потомъ и у гроду фалшь задавала; потомъ онъ того листу отступилъ и то ажъ въ пришломъ року. Въ томъ року 1584 августа 28 уродилъ ми се сынъ мой Лаврынъ.

Року 1585 зима была барзо тепла; быдло на поли бывало и волы тучоно. Панъ Кгзовскій старый въ лютымъ паралижомъ рушоный, а 8 марца умеръ. Мая 26 перунъ замокъ на Мыши запалилъ, который барзо прудко згорелъ; тогожъ дня, а подобно въ одной године, ударилъ перунъ въ дворе моемъ у сырницу и голубинецъ, але не запалилъ и не забилъ ничого; дитя тужъ было и голубята въ голубинцу.

Року тогожъ месеца новембра 3 жона моя сына Мартина уродила въ ночи на 8 године.

Року 1586, будучи мне у писара ляховецкого, Федора Зенкевича, на чти, у другихъ зваде, а за мои розважаня, ранено мне въ руку левую и не ведилемъ отъ кого, а то было стычня 19 дня; а кгосподарь былъ целый; предъ се потомъ врыхле 23 лютого умеръ зъ горючки; веку мелъ летъ 36, человекъ былъ и мой приятель добрый. Потомъ въ марцу былемъ въ Вилни для потребы Кгославского и ездилемъ до Ковна; тамъ же мя, марца 5 дня, ночуючи у Рынконтахъ, разбойницы мало были не забили, але, за ласкою Божою, виленцовъ обозъ немалый въ тужъ стодолу наехали, а розбойницы поутекали, а кгосподарь, якийсь тежъ нецнота, вымавлялъ се, же што мелъ чинити, кгдыжъ на ночь зберс се немало и, што хотять, то чинять. Самому Пану Богу хвала за его оборону! Таже, до Вилни звротивши се, далемъ былъ пенезей Кгославскому на имене его Скубятовское; первъ заставою, а потомъ и на вечность купилемъ.

Король, его милость, мешкалъ того лета въ Городне, отпочиваючи отъ первшихъ працъ своихъ; южъ се тежъ часомъ капелюшемъ и рука-

вицами не мерзилъ, зъ чого Венкгрове сперва шидили; бавилъ се тежъ выездчанемъ на поле зъ мысливствомъ. Мне того лета пришло въ него и по два кротъ въ потребахъ пани виленское и детокъ пана моего быть, якожъ меновите лица 24 меломъ предъ королемъ справу зъ Тарановскимъ безносымъ, который, по змове зъ иншими жолнерами, якото хорый, на то выставеный былъ, розумеючи, же у короля въ место ялмужней мелъ отрымати презыскъ на добрахъ панскихъ за заслуженое свое, за чимъ бы своихъ долговъ вси дойти могли; позвалъ былъ паню виленскую и детки о три тысечи золотыхъ и кгдымъ указалъ истоты королевские и его самого, яко веле у скарбе славное памети пану виленскому и жолнеромъ винно, а потомъ указалемъ протестацыю сеймову, же се заплаты упомнено, и яко се змовили жолнери, и яку бы то шкоду детямъ пана моего принесло, теды, по одступеню моимъ (якомъ потымъ отъ пановъ водалъ) въ такъ ясней речи вагалъ се король долго, если (то) отложить, якомъ я просилъ, до заплаты тыхъ сумъ зъ скарбу королевского, чили заразъ присудить на добрахъ панскихъ; въ чомъ отъ пановъ радъ, а меновите: пана Воловича, пана виленского, пана Глебовича, воеводы троцкого, пана Льва Сапеги, канцлера, пана Войны, подканцлерого, спартый будучи, такъ позволилъ, мовечи: же конечне бымъ я те заслужоне тому жолнерови на добрахъ пана виленского присудилъ, бо не указано зъ тыхъ протестацый сеймовыхъ, же се упоминано заплаты именемъ своимъ и всихъ жолнеровъ. И такъ намъ отложоно до заплаты зъ скарбу, ведля истотъ королевскихъ. Ведае то Богъ, когды то будетъ. Тамъ же въ Городне на тотъ часъ, июля 12, умеръ панъ Михалъ Гарабурда, впадши въ горючку пятидневную; не могли докторове Буцеля и Сымони урятовати и трема днями предъ его смертю ознамили королеви, и уряды его были назначони и упрошоны иншимъ.

Въ томъ же року, окрутного кгрудня месеца 12 дня, тотъ славный и велце зацный панъ и монарха великий, король, его милость, Стефанъ Баторый умеръ у замку городенскомъ въ милыхъ палацахъ своихъ, отъ него збудованыхъ. Шкода, королю, жесь по великихъ працахъ, до которыхесь се былъ зъ молодости приучилъ, и те летъ килка въ Городномъ се у отпочиваню твоимъ забавилъ! А моимъ здапемъ, гды

бысь звыклой працы уживалъ, еще бысь былъ далей потрвалъ; але певней ведалъ то панъ Богъ, чому такъ, а не иначей мети хотелъ.

Року 1587 стычня 9 снило ми се, о чимъ я не мыслилъ, жемъ былъ въ месте влоскимъ Мантуи, виделъ кнежей Мантуи положене замку, места, водъ, мостовъ мурованыхъ. А кгдымъ то оповедалъ пану Андрееви Скорулскому, который тамъ бывалъ, поведилъ, же есть положене власне таке, якъ ми се снило. То снать презентовало схане намъ сына моего милого Явхима, который въ року 1575 еще поехалъ, и по той часъ тамъ мешка. Марца 16 уродила жона моя першу цорку Раину.

Тогожъ року 1587, по смерти короля его милости Стефана, зходилъ тотъ рокъ елекцыями, бо порознивши се у обраню пана, едни чекали и привабили были Максымилияна, сына и брата цесарского, а инши, которые зезволили были на Жикгмонта, короля шведского, чекали его тежъ, и затымъ была имъ битва въ Бычине, въ року 1588, стычня 19 дня; по перегранъ стороны Максымилияновои, и самъ былъ взятый, и немало пановъ полскихъ, которые зъ нимъ переставали.

А Жикгмонтъ, короля шведского синъ, за приеханемъ своимъ былъ заразъ коронованый, еще первей въ року прошлымъ, 1587 декабря 26 дня.

Року 1588, стычня 28 дня, Жикгмонтъ третый, король полский, на Литве присягу повторилъ, бовемъ былъ безъ нашихъ коронованъ. Въ томъ року 1588 былемъ зъ паномъ Одаховскимъ ве Шклове и въ Копыси недель зъ осмъ. А пани виленская для лекарствъ была у Люблине, а кгды се ей на здоровю не поправовало, ехала была до дому, и едучи на дорозе, въ местечку въ Козимъ рынку умерла 3 дня кветня. А 21 червца погребъ ей отправено у Гнезне въ костеле евангелицкомъ мурованомъ.

Въ томъ же року липца 30 жона моя уродила цорку другую; дано ей имя Галшка.

Року 1589 на нове лето у насъ ту, въ повете новокгродскомъ, мужъ былъ барзо добрый Альбрехтъ Кавечинский; отдалъ разомъ на однымъ веселю три цорки све замужъ; который, сыновъ не маючи, одно цорекъ шесть, не фрасовалъ се намъ о то, и еще зознавалъ, же такъ му леней; а то снать чинилъ зъ побожности своеи, же волю свою

подбиялъ подъ волю Божу. А гды му се такъ трафило отдати замужъ разомъ три цорки, люди посполитые практыковали не долго быть малженству такъ одного дня отданыхъ; якожъ потомъ врыхле умеръ му старший зять Москалницкий, а въ року 1603 померли два: Вировский и Высоцкий. Ово не легце потреба важити и голосу людского, ведля оней приповястки: „воксъ попули—воксъ Деи“, бовемъ о вере оного человека жаденъ вонтпити не може. Былъ и въ томъ пробатусъ, и того се онъ противъ той людской практыце, ему певне ведомой, важилъ се зъ зупелности веры свей, же се ведля практыки той не могло стати ничого такого.

Року 1589 стычня 28 дня панъ Александеръ Ходкевичъ короля Жикгмонта третого у Гродне перший то кроть привиталъ, также королевую тетку его и сестру его королевну ихъ милость; мевалъ въ себе сенаторовъ изъ двору королевского завше на учтахъ. Потомъ была его милости справа, 31 стычня, о аренде мытъ старыхъ литевскихъ, также о аренде зъ маетности Бирштанское и иншихъ; меновано того на 50 тысячей копъ литовскихъ и указовано на то истоты пана небожчика, а въ насъ намнейшей квитацыей не было. Ямъ въ тей справе мовилъ яко налепей,—панъ Богъ здарить рачилъ,—болшей се спускаючи на ласку его королевское милости, а указуючи веле заслуги пана его милости и иншие правные причины. А были при его королевской милости сенаторове: князь Барановский, бискупъ, панъ Дорогостайский, воевода полоцкий, панъ подляшский, панъ Сапега, канцлеръ; были вшитцы ихъ милости намъ зычливи, такъ, же декретомъ король его милость, даруючи то, отпустить и зъ того квитовати казать рачилъ. Тогожъ дня княже Семенъ Слуцкий короля виталъ предъ покоемъ зъ орацыею наготованою, а, якомъ ведялъ, отъ его милости, пана Миколая Крыштофа Радивила, воеводы троцкого, написаною; мелъ при собе зе двадесять особъ ланцужно, але у пана Александра было тежъ насъ также веле, а вшитко старие слуги, сивцовъ болшей, въ жалобѣ по паней виленской, теды король и пани болшей очи до насъ обрацали и королеви указовано, же то вшитко слуги небожчика пана виленского, отца его; ажъ намъ мило было того щастя заживати, бо и панъ, и мы вшитцы зналисьмы велику милость отъ вшиткихъ людей.

Отъ своихъ приятелей горей-смы мели, бо, приехавши зъ того щастя, за якусь опеку поедналъ панъ Александеръ пана Волского осмънастусотъ копъ грошей, а при немъ и Кумолки (весь коштовна отъ Гнезна) за якимсь то змышленымъ правомъ зостали, а пановъ троцкихъ трима тысечами и шестю сотъ копъ грошей. Такъ-то дети пана моего въ долги заводити почато. Потомъ поедналъ князя Семена Слуцкого за неякую весь Хоромцы, отъ небожчика проданую, а на то права не мелъ очищати; описалъ се былъ за то заплатити дви тысящи злотыхъ; отдано тежъ потомъ сестру ихъ милости, панну Зофею, за пана Дорогостайского, року 1590 септембра 23, у Вилни, и то быти мусело зъ великимъ коштомъ ихъ.

Въ той осени, року 1590 были поветра моровие на розныхъ местцахъ и въ Новгородку срогое было. Октобря 31, року 1590 умеръ суседъ и приятель мой, человекъ барзо добрый (беатусъ виръ), панъ Валентый Чарковский.

Року 1591 панъ Александеръ Ходкевичъ посылалъ по всихъ маетностяхъ отчизныхъ, напоменаючи урядниковъ, абы границы упевняли и зъ суседы безъ укривдженя ихъ становили. Самъ въ Мышской маетности выездчалъ, где боярове Мышцы Бутримкове зашли были кгрунтъ Верещачинъ и, напрацовавши се тамъ самъ немало, потомъ вземше мене и старшого Бутримка, на строне отехавши, выныталъ вшиткой правды, ижъ то они зашли и новы тесы на дереве простымъ трибомъ положили, а старую тамъ ближей до Мыши указовали. А такъ, зрозумевши, заразъ судямъ правду ознаймилъ, а старою границою отъ рогу граници Островское и Добромышльское вести тымже Бутримкамъ, а хлопомъ заразъ концы за собою копать казалъ, кгдыжъ се на те границе обоя сторона згодили; обнесло то его въ похвалу веля людей.

Року 1592 яко зъ осени, такъ и отъ нового лета не докучили зимна и снеговъ не было, и была то зима праве безснежна; колами вси ездили. Панъ Александеръ былъ на сеймику трибуналскомъ и не хотелъ се подняти на трибуналъ, а мне Григорей Униховский зазрялъ, такъ, же Жабка зъ Бутушевичомъ обраны были. Марца 9 княже Янъ Симеонъ Слуцкий умеръ; чирвца 30 умеръ тежъ панъ Каспаръ Керсновский, подсудокъ новгородский у Городей, маетности своей, положивши се на приполудню спати.

16 серпня панъ Янъ Кароль Ходкевичъ ехалъ еще до чужихъ землей, а панъ Александеръ до Варшавы на сеймъ посломъ ехалъ.

Року 1592, вресня 1, во второкъ, на соймику въ Цырине обрано на елекцией подсудковской на тотъ урядъ чтырохъ, то есть: Ивана Маскевича, Оникея Униховского, Миколая Подоровского и мене, изъ ласки Пана Бога всемогучого, вторый, яко хощетъ, керуе серцами королевъ и вшихъ людий ведля воли своей становитъ, отдано то подсудковство мне и привилей мне на то принесено до дому безъ великого стараня моего, 28 дня тогожъ месаца вресня. И виконалемъ присягу на тотъ урядъ мой па рокахъ Трехкролевыхъ стычня 6 дня року 1593.

Панъ Миколай Тлуховский, слуга еще небожчика пана, завше мне велику приязнь обецовалъ и утвержалъ то рукоданемъ, а никгды ницъ у пановъ молодыхъ не допомогъ, же мое речи шли нещасливе; потомъ дошедлемъ, же Иванъ Кречетовский, неприятель мой, запомнялый доброхотствъ моихъ, которыемъ еще отцу его Хоме, казнодею Клецкому, и матери его, кеды ю жиды клецкие были въ долгахъ взяли, показовалъ, и его, отъ продаваня дровъ въ Ляховичахъ голца вземши, до пани виленское залетилъ и при собе до права способилъ и приучати се праву казалъ, змовивше се зъ тымъ Тлуховскимъ, не тылько мне, але и пановъ въ ихъ справахъ ошуковали, а собе наганяли. Тлуховский маетность коштовну на Руси, названую Селцо, забралъ, а Кречетовский Малковичи, Конюхи, Мазурковщизну; што все мне было отъ пана не толко обецано, але и листы подавано, которыхъ потомъ панъ Янъ Кароль Ходкевичъ зъ ихъ направы подписовать и скончить не хотелъ. А такъ, кгды се готовано на веселе пана Жалинского зъ панною виленскою Галшкою и Тлуховскому дойзрети поручоно, нападла го хороба дворска, указуючи се на голове и на чоле; чого онъ, хотечи безъ издебки збыть, казалъ жидови балверови мазати собе те кгузики шарою мастию, не замкнувши се, звлаща зиме; и такъ ездилъ былъ зъ Ляховичъ до Гнезней, а звротивши се до Ляховичъ дня 15 стычня, року 1593, казалъ еще лепей намазати; а въ тымъ, кгды та масть серца допадла, тогожъ дня вечоръ знагла умеръ. Сполнила се на нимъ та приповесть: „зрадливе серце само се поразитъ“; не ижъ бымъ се зъ помъсты Божий, надъ неприятельми моими выкопаной, радовати мелъ,

але тымъ зтворжамъ се у вере моей, же маю Бога правдивого и всемогучого, боронячого мене отъ всихъ неприятелей моихъ.

Року 1593 король, его милость, выехалъ зъ Варшавы до Кгданска и Швеции 23 серпня.

Въ томъ же року паздерника дня 15 умерла зацна и богобойна пани конюшина, Зофея Александровна Ходкевичовна Корицка.

Року 1594 мая 8, въ пятокъ, припала хмара сродзе зимна, спустила снегъ великий и лежалъ три дни; померзло отъ той хмары и зимна и ветру гвалтовного сила людей, по трою индей весполъ, а не могли собе помочи. Птатства по гнездахъ самемъ виделъ барзо веле поздыханыхъ; страхъ былъ и подъ дахомъ седячи.

Троха передъ тымъ, мая 1, отдалемъ Яроша сына до пана Яна Кароля Ходкевича; жичу му зъ паномъ его вшелякого блогословенства Божого.

Року 1595 о трехъ короляхъ роки-смы судили земскии новогродскии.

Въ томъ року 1595 Налевайко козакъ, собравши войско козаковъ, первей се указовалъ на Подолю, у Волошехъ, кусилъ се былъ и о турецкие земли, потомъ, ворочаючи се до Полши, сплендровалъ маетности пана Калиновского, мстечи се за обешене некгдысь отца его Наливайкового, и еще снать отъ отца Калиновского. Тымъ южъ заюшоный, шелъ до Луцка, въ ярмарокъ праве, где бискупъ зъ предней-шими шляхтою выехавши, упоминалъ и едналъ го за местомъ, и купцы зложили килка тисячи злотыхъ, а не могло быти безъ збытковъ и шкодъ; отъ тудъ, южъ лепей заюшоный, удалъ се на Полесе, ажъ до Петриковичъ, южъ такъ своволне все починаючи и въ коло обсылаючи, подарки собе давати заказуючи; якожъ и давано, одно зъ Слуцка помешкано было, и прудкожъ убегъ (въ) Слуцкъ новембра 6 дня и былъ тамъ немало; заварли се были на замку зъ двема сынами, детми малыми пана виленского Яронима Ходкевича; а панъ виленский, воевода новгородский, панъ Скуминъ и иншие паны и шляхта зъехали се до Клецка; не ведили, што почать, услышавши, же се у замокъ слуцкий добыли южъ. Въ тымъ послалъ былъ Наливайко полковника Мартинка (о которомъ веле трымалъ, якожъ и былъ человѣкъ серца великого) до Копыля зъ пятисотъ козаковъ, который, зъ пригоды тамъ потрафивши гайдуковъ пана воеводы виленского, которые, впадши до

млына и испусту подъ местомъ, боронили пройштя до места и такъ справне козаковъ настреляли и Мартинка забили, же сила ихъ на пляцу, а инше, назадъ се цофнувши, по дорозе и хрустохъ зоставили, а инши, постреленными южъ будучи, въ огонь скакали и згорели, бо были стайню дворовую, у того млынка будучую, запалили, же се барзо ихъ мало до Слуцка воротило. Наливайко, стревожоный тымъ нещастемъ и розумеючи, же за тымъ зъ Клецка зобрани панове кусити се мели о него у Слуцку, заразъ, яко тыхъ въ Копылю бито новембра 25, а онъ третого дня, новембра 27, зъ вечора, выбравши се зъ Слуцка, до Омговичъ знову ку Полесю вытегнулъ и потомъ кгрудня 13 Могилева моцю добылъ, места и замку, сплендровалъ и попалилъ; панове за нимъ выправили Буйвида, человека памети годного, давши слугъ своихъ, а панъ виленский своего двору двесте коней, зъ которыми, яко розныхъ пановъ слугами, розумъ самъ указуе яко было Буйвидови трудно, же, за непослушенствомъ ихъ, ничого годного почати не могъ, толко зазябывши се, здрове стратилъ и у небачныхъ людей на славе шванковати муселъ; тамже згинулъ Оникей Униховский, человекъ серца доброго и великого захованя. Наливайко ходилъ потомъ надъ рекою Днепромъ въ низъ, ажъ потомъ, порвавши се зъ Рогачова за якимись практыками, припадалъ знова до Петриковичъ; поветы збегали се до купы и спрудка потомъ зъехали се новокгродскии въ Копылю, где былъ его княжеска милость панъ Миколай Криштофъ Радивилъ, воевода троцкій, напродъ вшиткихъ приехавши въ килку сотъ человека, и тымъ вымогъ, же се инши спешили до его милости; за тымъ приехалъ панъ воевода новокгродский и иншие панове и шиковали се въ полю року 1596 дня 15 лютого; было людей о три тысечи готовыхъ.

Ажъ мило было; давно южъ войска не видевши, панъ воевода се троцкий зе справованя людми вымовялъ и здавалъ то пану воеводе новгородскому; але, южъ никому не уймуючи, признавамъ, же досыть се деяло порядкови пристойному; панъ воевода виленский зъ поветомъ минскимъ приехалъ до Шацка; тамже и наши зъ Копыля ехали, а Наливайко зъ Петриковичъ, бывши въ Турове и въ Городку болшей, удалъ се до Высоцка и на Волынь. Лобода тежъ, отвративши се отъ Шацка, шолъ тамже Киевщиною ку Наливайкови.

Року 1602 южъ у насъ въ Новгородку роки звыклие земские поменяны были на сейме прошломъ презъ послы наше: пана Зенкевыча и пана Подаровского, котории, по тымъ сейме зъехавши се на роки нове Громничние, зъ собою се не згодили; и вымовялъ се панъ Подаровский, же о той отмене и замешаню, радней нижъ поправе роковъ, не ведалъ, хоть то по некоторыхъ сеймикахъ упоминано было, подалъ на сейме, абы въ насъ во всемъ панстве роки на розныи, а не одны часы, звычаемъ полскимъ, постановены были (въ нашомъ повете о томъ знать жадного чоловека не была воля, але и помышлене не было). Панъ Василий Зенковичъ зналъ се, же се о то старалъ и пана Подаровского втегалъ, жебы и онъ на то призволилъ, але се онъ никгды до того не зналъ. И такъ на тыхъ злыхъ, въ серцахъ людскихъ розерваныхъ рокахъ будучи я отъ пана судии, тогожъ то пана Зенкевича напомненый, а не зезволяючи зъ множствомъ людей на зламане тыхъ (то) роковъ, при немъ приставши, судилихъ мы е; не ушедлемъ помсты Божей, же ми на тыхъ рокохъ, въ лютымъ мисяцы, 16 дня, въ суботу, забилъ сына моего Яна, второго по Ярошу, першимъ сыне моемъ, незбожный Олбрыхтъ Бруханский, зъ помочю Корсака, швакгра своего, тамъ же на месте въ Новогродку, о чемъ кгды мне, на судехъ седячему, ведомость дошла, просилемъ вшиткихъ, абы тамъ въ рынокъ зо мною пошли, где панъ судя зъ ласки своей продковалъ, мне держати казалъ, а иншимъ тело, южъ забыте, сына мого, на сани взявши, на урядъ, а потомъ до господы моей отпровадить казалъ. А внетъ потымъ, кгды се доведилъ, же того забитя сына моего была найветша причина тотъ Корсакъ, сестренецъ его, рушила го кревность, а отрожене зъ духа по новокрещенству або давно не было, або на тотъ часъ утекло отъ него прочь. Послалъ до мене, абыхъ слалъ за тыми, которы ехали въ погонку за Бруханскими, жебы се што злого тому сестринку не стало, а ямъ не толко не слалъ никого, але ани ведилъ о ничиемъ еханю и о свете: живлимъ былъ, або не? А на заютръ въ неделю, маючи въ себе Выровского, Лоховского, Богушевича и иншихъ, приводилъ ме, абы зъ нимъ на судехъ заседалъ; видяло ми се, жемъ тамъ былъ на онъ часъ не межи людми, але Каинами, и про то, чогомъ не радъ мовилъ, мусилемъ речи: если розумити не хотятъ моей пригоды, абы ихъ то самыхъ поткало. Потомъ въ понеделокъ, гдымъ се южъ

мелъ зъ места зъ теломъ провадити, подалъ ми панъ судя, жебы не вадило постати въ рынку зъ теломъ, а Лицыниушъ жебы тамъ премове учинилъ. Яжъ теды, яко дите отъ жыдовъ (яко поведаютъ) звабеный и сподеваючи се, же ми улгу жалю Лицыниушъ, яко человекъ учоный, справитъ якими утешни мови, казалемъ се застановити въ месте. Але же той Лицыниушъ, ставши подле пана судии, взялъ аргументъ зъ Соломона о своволнымъ младенцу и также каралъ сына моего, въ гробе южъ будучого, я, видечи, же вшитко спросьно калемъ и похлебствомъ смердело, казалемъ далей ехать, бо другого сына моего мелъ южъ у себе отъ килку летъ въ науце и твиченю своимъ, а бодай негоршого выховалъ; нехъ имъ Панъ одда, справедливый судя, бовемъ зъ тымъ нещестемъ моимъ вшитки облудные приятеле мое, машкары свои ухиливши, незбожние твары свои указали и ядовите злости свои явней выливати почали. Не заспалъ южъ ихъ великий Панъ Богъ мой, оборонца мой, не вонтплю о Его святой ласце и зъ иншими, же мне скутечну справедливость и екзекуцыю учинити рачитъ.

И такъ плачливе зъ тыхъ незбожне укнованыхъ роковъ звротивши се, поховаломъ тело того забитого милого Яна, сына моего, въ каплицы моей мурованой, дня 21 лютого. А въ тымъ тежъ часе вышолъ день уроженя моего 21 лютого, который обсервовалемъ другъгды (sic) зъ радостиу, а теразъ зъ плачемъ и зъ великою жалостию, зъ чого всего нехъ будетъ похвалено име Пана Бога всемогучого.

Зъ той такъ великой жалости моей о смерти, а тымъ барзей же забитю сына моего, немней тежъ зъ оказаня облудниковъ, которы мне часъ немалый (за приятелей се и великихъ и верныхъ удаваючи) лудили, пофрасованый, впалемъ у велику, а до лечнованя не ведетъ яку хоробу: напродъ марца 6 дня обумарлемъ безъ вшелякой причины на полторы годины и, пришедши къ собе, былемъ мдлый, ажъ повторе марца 14, рано обумарши, о собе-мъ не веделъ, а тогожъ дня, у вечоръ обумарши, былемъ въ зафиценю шесть годинъ зегаровыхъ; потомъ ве дняхъ кветневыхъ, приходечи къ собе, ехалемъ былъ до Новгородка для роковъ марковскихъ кветня 23 дня, и на дорозе у Валсивце трохамъ былъ зомлелъ и затымъ, вжо приехавши до Новогородка, не заседалемъ на судахъ; обраный ва место мое, панъ Григорей Немира, присегу на ти роки учинивше, отправовалъ ихъ. Въ маю зась на роч-

кахъ кгродскихъ была справа намъ о забите Яна, сына моего, зъ Бруховскимъ и зъ сынами его и пошла была на инши речи, а у другихъ речахъ до трибуналу, а потомъ, на рочкахъ лицовыхъ, въ небытности моей, презъ Яроша, сына моего, заварта была угода зъ Бруханскими, ведля которой потымъ предъ судомъ трибуналскимъ, 13 месеца вересня, Бруханский самъ и сынове его зъ цедулъ перепрашали мене и сыновъ моихъ и иншемъ имъ поотпущалъ, але ижъ не ставилъ отецъ Олбрыхта, самъ за него, ведле опису своего, на рокъ зуполный на везене зеселъ въ замку новгородскомъ и въ томъ похибивши листу своего, што мелъ засести въ дому замковымъ, по левой руце стоячимъ, то онъ по тойже левой руце, еще предъ домомъ тымъ давнымъ замковымъ, збудовалъ избе собе самъ и въ той заселъ былъ. А я се не користуючи въ томъ его седеню, а самъ тамъ за хоробою моею ехать не могучи, посылалемъ зъ листы моими: первей зашитый, абы ехалъ зъ того грунта. Онъ до мне отписалъ, абыхъ му послалъ на то листъ отвороный; ямъ и такий листъ ему посылалъ презъ зятя его Мокштыцкого и презъ Косаковского, до которыхъ, яко они справу давали, такъ отповеделъ: „не ведаю, чому ме подсудокъ зтуде выправуе, вшакъ теразъ зима; также и дома въ избе седю, также медъ пию, яко и дома, и тажъ жона зо мною спитъ, што и дома“. И такъ погоржони приятеле вротили се изъ тое учинности моей, и я потомъ отъ него жадногомъ сказаня и словечка не мелъ, ажъ послышалемъ, же умеръ тамъ въ томъ мешканю своимъ, а праве знагла. Были дивние голосы и мнеманя людцкие о той смерти его; я замилчывамъ, яко неведомый въ тымъ ничого певного.

Року 1603 одъ стычня 21 сеймъ великий зачиналъ се у Кракове для заповетреня у Варшаве, а въ насъ ту, у Новогродку, роки земские громничние сужоно. Але дня 20 лютого пригода стала се и бурда пану Зенковичу, судии нашому, зъ неякимъ Лякгеницкимъ, жолнеромъ зъ роты кнезя Порецкого, зачимъ се и рота южъ отъ Здетеля у пять миляхъ до насъ была воротила и роковъ намъ досудити не дала, жесмы се безъ часу розехати мусели.

Кветня 9 дня панъ Самуилъ Воловичъ оженилъ се. Наша Ходкевичовна, Гальшка, по Каменскомъ вдовою зостала.

О Марку св. хвораломъ и не моглемъ быть на рокахъ обраный; на мое местце Марко Полонский, присегу учинивши, на одны тии роки отправовалъ.

Мая 8, на день Вступеня Панского, снова моя Ярошова уродила сына, которогомъ я былъ, ведля дня того, Станиславомъ мяновалъ, але прозвалъ го Яномъ. Было дите надъ подобенство детей вшиткихъ росторопне, а знало, яко въ килка летъ, вшитко чудно и росло прудко. Потомъ умерло 7 кгрудня зъ великою жалостю въ дому моемъ. Чирвца зась 29 меломъ ласки Божие веселе въ дому моимъ; за Яна Грушовского отдалемъ цорку мою Раину. Пане Боже и добродею мой, рачъ имъ блогословити!

Въ томъ року 1603 меломъ трое писане отъ милого сына моего Иохима, яко того лета зъ паномъ своимъ, княжатемъ Мантуанскимъ, былъ въ Неаполи; моремъ тамъ ездилъ, яку тамъ велику учтивость неаполчицы указовали княжати, немней яко великому монарше. Былъ тамъ княже для лекарствъ. Мой зась сынъ, хоть тамъ иншихъ зъ моря мыто брало, здоровый былъ, а потымъ во вресню, впадши въ дивне фебры, 23 дня мало не умеръ. А ямъ ту дома, тогожъ 23 вресня зле сны о нимъ виделъ и написалемъ былъ въ минуцыяхъ тогорочныхъ, утешивши се, же было то въ первший кварталъ месеца; ажъ зъ писаня его тотъ же день 23 обачивши, дивовалемъ се чудомъ и справомъ Божимъ, хвалечи светое име Его.

Далей въ томъ року 1603 не было въ моей ведомости, штобы писаня годно было, одно то, же панъ Янъ Каролъ Ходкевичъ вжо то другий рокъ въ Лифлантехъ зъ войскомъ мешка, завезши тамъ паню малжонку и сына Яроша малого. Дерпту, ажъ го праве знуждивши, ркомо презъ трактатъ досталъ, замечки околичне побралъ и волости, подъ Ревель и Нарву уставичне узгоны чинилъ такъ безпечне, яко передъ тимъ зъ чворнасобъ болшимъ войскомъ такой безпечности не уживано. Пане Боже му блогослови!

Не слышалемъ я болше речей щасливыхъ того року, але жалосныхъ, а наперъ поветря морового у Вилне, и у насъ ту, въ Новгородку, въ месте и въ повете добромъ ведомъ; зенця тожъ зъ света людей зацныхъ гурмомъ праве въ однымъ томъ року, которие порядкомъ тимъ личу:

Въ лютымъ 13 дня подъ Дерптомъ забито мужа годного памети, человека значне рыцерского, кнезя Дмитра, брата Полубенского.

13 марцу 12 дня умеръ панъ Михалъ Фронцкевичъ, подкоморый полоцкий. Тогоже марца 20 дня умеръ панъ Янъ Одиховский, человекъ въ чужихъ краинахъ долго бывалый и велце человекъ добрый, а мой приятель правдивий. О заправду не умелъ або не хтелъ тотъ заживати облуды. Въ тымъ померли по собе прудко швакгрове два: Павелъ Вировский и Янъ Высоцкий; умеръ тежъ Миколай Подаровский. За ними тежъ въ липцу дня 19 умеръ староста несвижский Войтехъ Першко, братъ мой милый и человекъ велце добрый, которого погребъ зложоный былъ зразу на 25 авкгуста, але ижъ, зъ перезренья Божого, приехавши до Несвежа панъ кграбя зъ Тенчына, тогожъ дня менованого, ве чвартокъ вступилъ въ малженство зъ кнежною Галшкою, цоркою его милости, пана воеводы троцкого,—рачъ имъ пане Боже благословити,—часъ погребу доброго слуги обратилъ се въ веселе въ дому того велце зацного и побожного пана. А потомъ погребъ тела пана Першкова отправеный былъ 4 дня вересня, также ве чвартокъ. на которомъ были ихъ милости сами: кнеже, его милость, воевода троцкий и панъ кграбя. Въ тымъ же нещасливомъ року 1603, въ листопаде 20 дня умеръ, а можна речи упалъ стлупъ панства литовского, его милость панъ Криштофъ Радивилъ, воевода виленский, въ Лосовней, именю цорки своей, паней Сапежиной, канцлерыной, въ хоробе не долгой. По нимъ заразъ умеръ тежъ панъ Янъ Карушевичъ, кантелянъ жомойдзкий; овожъ того такъ веле въ томъ року было, ажъ было зъ пострахомъ великимъ успоминати. Въ томъ же року въ кгрудни умеръ тежъ кнеже Александеръ Острожский, воевода волынский, въ Красномъ, маетности своей на Подолю.

Не видивши тежъ тамъ доброго товариства суседъ, и приятель мой, панъ Бенямінъ Чарковский, умеръ року 1604 стычня 2 дня, не въ дому своимъ, але у Улулникохъ, у пана Григория Униховского, где се обадва лечили у неякого Шкота доктора. Мой то былъ великий приятель, попекгды зась въ прешлыхъ нехутяхъ и задростяхъ, которыхъ емъ былъ по нимъ и по пане Униховскомъ дознался, а бодай и отъ иншихъ, за тоюжъ нецностивою задростю нещасною познавалемъ о непогамоване кглупство; розуметъ же Богъ, чинячи другому добро,

мелъ бы є въ богатой руце своей такъ выдати, жебы тобе южъ не мелъ чого зъ ласки своей дати. Дякую я Тобе, Боже мой, Отче пана нашего Исуса Христа, же межъ иншими дары Твоими далесь ми то былъ, жемъ се задросты устеречи могъ, такъ, же нигды серцемъ моимъ не пановала и непотребного (якомъ зналъ по иншихъ) жалю, хоробе якой подобного, не чинила.

Библіографія.

А. К. Сьлецкій. Острожская типографія и ея изданія. Историческая монографія, въ 2-хъ частяхъ. Почаевъ. 1885 года.

Исторія юго-западной Руси въ XVI вѣкѣ, частнѣе—происходившей въ ней въ это время религіозной борьбы, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и исторія острожской типографіи,—таково основное положеніе названнаго сочиненія. Сообразно этому все изслѣдованіе автора подраздѣляется на двѣ части, изъ которыхъ въ первой онъ излагаетъ ходъ внутренняго развитія тогдашняго польско-русскаго общества, подъ иноземнымъ вліяніемъ, породившій въ немъ религіозное броженіе и вѣроисповѣдную борьбу, приведшую защитниковъ православія къ учрежденію острожской типографіи, а во второй трактуетъ уже о самой типографіи и изданныхъ въ ней книгахъ, какъ средствахъ для поддержанія цѣлости и чистоты православной вѣры въ русскомъ народѣ и отраженія тѣхъ нападковъ на нее и тѣхъ вредныхъ вліяній, какимъ она тогда подвергалась со стороны католицизма и социніанства.

Начавъ съ вліянія западно-европейскаго образованія и цивилизаціи на умственное движеніе въ Польшѣ и Литвѣ, авторъ отмѣчаетъ переходъ сюда также религіозныхъ идей, волновавшихъ Западъ. Вслѣдствіе близкихъ и частыхъ сношеній съ Германіей и нѣмецкой колонизаціи въ Польшѣ, въ послѣднюю очень скоро проникаетъ протестанство. Ему, вопреки сеймовымъ постановленіямъ, покровительствуетъ самъ король Сигизмундъ-Августъ, подчиняясь въ этомъ случаѣ вліянію придворнаго проповѣдника своей матери Франциска Лисманини; протестанство дѣятельно поддерживаютъ западно русскіе дворяне: Николай Радзивилъ Черный и Николай Радзивилъ Рыжій, Кишки, Ходкевичи, Воловичи, Глѣбовичи, Сапѣги, Вишневецкіе, Войны, Пацы, Дорогостайскіе и другіе,

заводя школы, устраивая типографіи и кирхи. За протестанствомъ въ Польшу и Литву проникаетъ антитринитаріанство и находитъ себѣ дѣятельныхъ покровителей въ лицѣ Олесницкаго, Сенницкаго, Кишки, Немпричей и другихъ. Антитринитаріи также заводятъ свои школы и типографіи и печатаютъ переводъ священнаго писанія на русскій языкъ. Они пытаются даже соединиться, хотя безуспѣшно, съ протестантами, чтобы тѣмъ сильнѣе сдѣлать наступленіе на православіе и католичество, какъ два главныя противодѣйствующія имъ исповѣданія. Но католичество въ это время получаетъ сильное подкрѣпленіе въ іезуитахъ, вызванныхъ въ Пруссію кардиналомъ Гозіемъ и отсюда уже переведенныхъ въ Вильну бискупомъ Валеріаномъ Протасевичемъ. Іезуиты скоро пріобрѣтаютъ себѣ здѣсь сторонниковъ и горячихъ покровителей искусной школьной системой, горячей проповѣдью и беззавѣтнымъ служеніемъ страждущему человѣчеству. Вмѣстѣ съ тѣмъ они выступаютъ, какъ ученые богословы на защиту интересовъ папства и, въ короткое время подорвавъ и ослабивъ протестанство и социніанство, тѣмъ съ большею силою нападаютъ на ослабленную внутренними нестроеніями, недостаткомъ образованія, а равно упадкомъ нравственности въ высшей іерархіи, православную церковь и подготовляютъ почву для формальнаго подчиненія ея католической церкви или для такъ называемой уніи. Наступаетъ рѣшительная опасность для существованія православія и самой народности русской, и она-то пробуждаетъ среди лучшихъ русскихъ людей того времени сознаніе необходимости поднятія въ русскомъ духовенствѣ и обществѣ образованія, выразившееся въ открытіи школъ и основаніи типографій. Къ числу этихъ людей принадлежали князь Курбскій, Ходкевичъ и князь Константинъ Константиновичъ Острожскій.

Дѣятельности послѣдняго и открытой имъ въ г. Острогѣ типографіи авторъ посвящаетъ вторую часть своего изслѣдованія. Изложивъ въ ней родословіе князей Острожскихъ, охарактеризовавъ личность князя Константина Константиновича и отразивъ нападки на него г. Кулиша, онъ только теперь приступаетъ къ главному предмету своего труда—типографіи.

Типографія, говоритъ г. Сѣлецкій, не была тогда коммерческимъ учрежденіемъ; она представляла собою литературный кружокъ; около типографскаго станка писались тѣ или другія сочиненія, тутъ-же они и печатались. Кромѣ вызванныхъ въ Острогъ княземъ Константиномъ чрезъ патріарха Іеремію II нѣсколькихъ ученыхъ грековъ, для литературной борьбы съ иновѣріемъ, въ этотъ кружекъ входили также и русскіе дѣятели: Герасимъ Даниловичъ Смотрицкій, пресвитеры Василій и Даміанъ, Христоферъ Бронскій и типографъ Иванъ Оедоровъ.

О каждомъ изъ этихъ лицъ авторъ сообщаетъ біографическія свѣдѣнія, какія онъ могъ только собрать, съ указаніемъ на ихъ литературные труды; въ особенности подробно говоритъ онъ о личности Бронскаго, автора книги: «Апокризисъ», котораго онъ, разобравъ существующія мнѣнія о его вѣроисповѣданіи, считаетъ несомнѣннымъ протестантомъ. Г. Сѣлецкій весьма обстоятельно изложилъ также біографію первопечатника Ѳедорова, послѣ чего переходитъ къ перечисленію и разбору изданій острожскаго кружка. Плодами ихъ усилій было прежде всего напечатаніе Новаго Завѣта съ Псалтирью и Библіи. Книги эти по намѣреніямъ ихъ издателей должны были служить «той духовной броней, подъ прикрытіемъ которой православному должно вступать въ борьбу съ хищными волками, расхищающими стадо Христово», той оградой, которая должна защищать виноградникъ отъ чуждыхъ вторженій. Въ предисловіи къ «благовѣрному и православному всякаго чина, возраста-же и сана читателеви» дѣлается опроверженіе социніанскаго ученія, найболѣе враждебнаго православію. Введеніе послѣ этого папою Григоріемъ XIII въ 1582 году новаго календаря, вызвавшее сильнѣйшій протестъ православныхъ, побудило князя К. К. Острожскаго обратиться по сему поводу за совѣтомъ къ восточнымъ патріархамъ, и полученное имъ въ концѣ того-же года отвѣтное посланіе ихъ печатается въ Острогѣ въ слѣдующемъ 1583 году. Скоро изъ острожской типографіи стали выходить и спеціально полемическія сочиненія. Такъ, когда въ 1586 году въ Краковѣ появилась брошюра Бенедикта Герберста: «Wiary kościoła rzymskiego wywody y greckiego niewolstwa historia: dla iednosci. Z kościelney dłuzszey historiey, dla Rusi nawrocenia pisaney», полная нападокъ и обвиненій на православную Русь, Герасимъ Даниловичъ Смотрицкій показалъ несостоятельность ихъ въ своемъ «Ключѣ царства небеснаго», изданномъ въ острожской типографіи, гдѣ авторъ съ особенною силою выставляетъ на видъ безполезность произведенной папою Григоріемъ XIII календарной реформы. Къ опроверженію главнѣйшихъ положеній иновѣрія, какъ католичества, такъ и протестанства, направлена была книга острожскаго священника Василія: «О единой истинной вѣрѣ и о святой соборной апостольской церкви, откуду начало приняла и како повсюду распространяется», напечатанная въ 1588 году. Брестская унія 1596 года, произведшая расколъ въ православномъ населеніи Польши, также послужила предметомъ обсужденія въ нѣсколькихъ книгахъ, вышедшихъ изъ острожской типографіи; таковы: «Книжица», состоявшая изъ посланій александрійскаго патріарха Мелетія на имя князя К. К. Острожскаго, посланія князя К. К. Острожскаго ко всѣмъ православнымъ и такихъ-же посланій аѳонскихъ пустынножителей, въ которыхъ они обличаютъ от-

ступниковъ и убѣждаютъ православныхъ стоять за свою вѣру. Годомъ позже этой «Книжицы», напечатанной въ 1598 году, появился, въ опроверженіе впрочемъ книги Скарги, знаменитый «Апокрисисъ, албо отповѣдь о соборѣ Берестейскомъ именемъ старожитной релѣи греческой, чрезъ Христофора Филалета врихлѣ дана». Вмѣстѣ съ «Апокрисисомъ» былъ напечатанъ «Отвѣтъ» священника острожской церкви поборнику уніи Ипатію Поцѣю на посланіе послѣдняго къ князю К. К. Острожскому, которое князь оставилъ было безъ отвѣта. Г. Сѣлецкій ограничивается подробнымъ разборомъ, занимающимъ большую часть книги, только перечисленныхъ сочиненій, а въ концѣ приводитъ списокъ тѣхъ 22 книгъ, которыя вышли изъ острожской типографіи въ 32-хъ лѣтній періодъ ея существованія, 1580—1612 года, когда она переходитъ, наконецъ, въ кіево-печерскую лавру.

Таково содержаніе изслѣдованія г. Сѣлецкаго. Оно не блещетъ новизною фактовъ, но за то представляетъ прекрасный сводъ всѣхъ имѣвшихся объ острожской типографіи данныхъ, тщательно подобранныхъ и направленныхъ къ доказательству того основнаго положенія, о которомъ мы упомянули въ самомъ началѣ. Вообще-же авторъ принятую имъ на себя задачу выполнилъ добросовѣстно и обстоятельно.

И. Каманинъ.

Н. Дашкевичъ. Замѣтки по исторіи литовско-русскаго государства. Кіевъ. 1885 года.

Авторъ названной брошюры извѣстенъ въ исторической нашей литературѣ и болѣе объемистыми и серьезными трудами по западно-русской исторіи, каковы: «Княженіе Даніила Галицкаго по русскимъ и иностраннымъ источникамъ», «Болоховская земля и ея значеніе въ русской исторіи» и «Первая унія юго-западной Руси съ католичествомъ (1246—1251 г.)», названная-же брошюра представляетъ собою попытку къ разъясненію нѣкоторыхъ спорныхъ, большею частію мелкихъ вопросовъ въ исторіи литовско-русскаго государства и только подъ конецъ оной авторъ занимается разрѣшеніемъ болѣе важнаго и общаго вопроса о борьбѣ національныхъ началъ въ жизни этого государства, разрѣшившейся постепеннымъ упадкомъ онаго и прекращеніемъ отдѣльнаго политическаго его существованія.

«Замѣтки» состоятъ изъ пяти главъ, которыя представляютъ собою двѣ совершенно-различныя по характеру части: первыя три главы имѣютъ характеръ критико-полемическій и направлены къ провѣркѣ и

опроверженію нѣкоторыхъ положеній проф. В. Б. Антоновича въ его сочиненіи: «Очеркъ исторіи великаго княжества литовскаго до половины XV столѣтія», двѣ-же послѣднія главы представляютъ связное изслѣдованіе проф. Дашкевича о борьбѣ культуръ и народностей въ литовско-русскомъ государствѣ въ періодъ династической уніи Литвы съ Польшей и о послѣдствіяхъ люблинской уніи.

Происхожденіе первыхъ трехъ главъ довольно давнее. Книга г. Антоновича въ первый разъ издана въ 1876 г., тогда-же, конечно, писались и возраженія г. Дашкевича; но они почему-то долго не являлись въ печати. Теперь они являются вѣроятно послѣ новаго пересмотра и служатъ какъ-бы отвѣтомъ на 2-е изданіе названнаго сочиненія г. Антоновича, повторенное въ этомъ году въ 1-мъ выпускѣ собранія его сочиненій. Входить въ разборъ мнѣній обоихъ профессоровъ по вопросамъ частнымъ и мелкимъ, требующимъ перецѣживанія и сличенія различныхъ источниковъ, не представляется возможнымъ въ краткой библіографической замѣткѣ, да и было-бы утомительно для читателей. Высказанныхъ г. Дашкевичемъ мнѣній г. Антоновичъ при второмъ изданіи своего изслѣдованія не подвергаетъ разбору, а предоставляетъ сдѣлать это третьему лицу, находя, что новый трудъ можетъ послужить лишь къ большему выясненію истины. Послѣдуемъ и мы его примѣру. Возраженія г. Дашкевича указываютъ, конечно, на необходимость переоцѣнки источниковъ и переизслѣдованія разныхъ вопросовъ въ литовско-русской исторіи, и этимъ пока и ограничивается значеніе первыхъ трехъ главъ его «Замѣтокъ».

Остановимся нѣсколько долѣе на тѣхъ двухъ главахъ «Замѣтокъ», которыя даютъ собою связное изслѣдованіе о борьбѣ національныхъ началъ въ великомъ княжествѣ литовскомъ.

«До 1386 г., говоритъ авторъ, во внутренней жизни литовско-русскаго государства не замѣчалось рѣзкаго разлада двухъ національныхъ началъ, литовскаго и русскаго, объединенныхъ въ этомъ государствѣ»; онъ обнаруживается лишь послѣ соединенія Литвы съ Польшей, когда началось вліяніе западно-европейской цивилизаціи, во многомъ отличной отъ русской и, какъ цивилизація тѣсно связывалась съ вѣроисповѣданіемъ, то борьба культуръ была вмѣстѣ и борьбою религій. Католическая Польша, стремившаяся подчинить римскому престолу молодое православное и болѣе чѣмъ на половину русское государство, встрѣчала препятствія, которыя приводили къ борьбѣ и ослабляли Литву. Мѣры съ цѣлью распространенія католичества были приняты Ягелломъ тотчасъ по вступленіи его на польскій престолъ и состояли въ расширеніи правъ католической шляхты и стѣсненіи пра-

вославной. Русско-литовская народность стремилась отстоять свою самобытность, и выразителемъ этого стремленія былъ Витовтъ, который однако, по замѣчанію автора, самъ содѣйствовалъ гибели своего отечества, подписывая и исполняя тѣ условія уніи, которыя клонились къ выгодамъ лишь польско-католической партіи и отдавали Литву въ полное распоряженіе Польшѣ, низведшей это государство на степень провинціи. Яснѣе всего вражда литовской и русской народности выразилась послѣ смерти Витовта въ соперничествѣ Сигизмунда Кейстутовича, избраннаго жмудинами, съ Свидригайломъ, за котораго стояли русскіе, и въ убійствѣ перваго за его готовность уступить Польшѣ Волынь и Подолію; проявилась она также и въ избраніи Литвой Казиміра великимъ княземъ безъ вѣдома Польши. Положеніе борьбы измѣняется съ избраніемъ Казиміра польскимъ королемъ: съ тѣхъ поръ началось тѣсное сближеніе литовско-русскаго государства съ Польшей; русскому дворянству поляки стали давать такія преимущества, которыя помогали ему скорѣе полонизоваться, горожане были выдѣлены въ особыя самостоятельныя общины, а что касается крестьянъ, то паны ограничивали и тѣ немногія ихъ права, которыми они пользовались въ предшествующее время (напр. конные суды). На помощь полонизаціи края въ Литву шло польское населеніе, возбуждая и литвиновъ къ борьбѣ съ Русью. Въ этой борьбѣ русская партія находила себѣ опору внутри государства въ обрусѣвшихъ представителяхъ правившаго дома Олельковичей и вѣковыхъ традиціяхъ Кіева, какъ центра православія и русской народности; за Олельковичами цѣли борьбы преслѣдуютъ Бѣльскій, Глинскій и Дмитрій Вишневецкій. Внѣшней опорой русскимъ служила Москва, у которой изъ-за русскихъ областей происходятъ сначала споры съ Литвой, а потомъ съ Польшей. Въ южной Руси и ея князьяхъ замѣчается тяготѣніе къ восточной Руси, вызывающее большую непріязнь въ литвинахъ, желавшихъ оставаться независимыми. Эта рознь, продолжавшаяся почти два вѣка, ослабляла Литву и дѣлала ее безсильной противъ наступательнаго движенія польской цивилизаціи и тѣхъ мѣръ, которыя принимались польскимъ правительствомъ для подготовки болѣе тѣсной уніи, какою и явилась унія люблинская. На нее не трудно было согласить задобренное раньше поднятіемъ и расширеніемъ его правъ мелкое литовско-русское дворянство, которое составляло главную военную силу, высшее-же дворянское сословіе, которое протестовало на люблинскомъ сеймѣ противъ соединенія обоихъ государствъ, хорошо понимая результаты уніи, должно было въ концѣ концевъ уступить внѣшнему давленію польской партіи, имѣвшей на своей сторонѣ великаго князя Литвы, бывшаго въ то-же время и королемъ Польши. Волынь и Кіевъ были

присоединены силой; чинамъ этихъ провинцій было приказано присягнуть Польшѣ подъ страхомъ потери должностей и имущества. Послѣдствіемъ люблинской уніи былъ конецъ литовско-русскаго государства; постепенно, вслѣдствіе цѣлаго ряда мѣръ польскаго правительства по отношенію къ присоединеннымъ областямъ, оно утратило свой языкъ, законодательство и отчасти самую вѣру, т. е. главныя основы самостоятельнаго національнаго развитія. Съ другой стороны, подчинивъ себѣ Литву и Русь, Польша не въ состояніи была ни защитить ихъ отъ внѣшнихъ враговъ, ни дать имъ прочную внутреннюю организацію. Преслѣдуя въ уніи свои личныя цѣли, польское общество въ конецъ ослабило свое собственное государство и привело его позже къ потери своей политической независимости.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе послѣднихъ двухъ главъ «Замѣтокъ по исторіи литовско-русскаго государства». Не касаясь его частностей, позволимъ себѣ замѣтить, что не смотря на большую начитанность автора, на его умѣнье пользоваться фактами для подкрѣпленія высказываемыхъ имъ мнѣній, одно изъ главныхъ его положеній въ изложенномъ очеркѣ, именно—будто борьба литовской и русской народности въ государствѣ началась только съ 1386 года, не достаточно ясно опредѣлено въ томъ, что касается ея происхожденія; читатель видитъ здѣсь борьбу не литовской народности съ русскою, а скорѣе борьбу обѣихъ этихъ народностей съ польскою, первая проглядываетъ лишь въ немногихъ фактахъ и является слѣдствіемъ введенныхъ Польшею порядковъ; эти порядки раньше усвояютъ себѣ литвины и потомъ вмѣстѣ съ поляками выступаютъ противъ русской народности. Борьба эта въ указанное авторомъ время существовала несомнѣнно, но она является теперь лишь осложненной и измѣнившей свой характеръ подъ польскимъ вліяніемъ борьбой литовской и русской народностей, которая началась, по справедливому замѣчанію проф. В. Б. Антоновича, еще въ XIII вѣкѣ.

И. Каманинъ.

К. Бестужевъ-Рюминъ. Русская Исторія. Томъ II, вып. 1. С.-Петербургъ, 1886 года.

Наконецъ-то появилось давно ожидаемое продолженіе этого почтеннаго труда, первый томъ котораго вышелъ еще въ 1872 г. Достоинства работъ профессора Бестужева-Рюмина достаточно извѣстны, чтобы нужно было о нихъ распространяться; въ сжатомъ, но точномъ и ясномъ видѣ онъ излагаетъ всѣ событія внѣшней и внутренней жизни Россіи

и входившихъ въ нее народностей, приводя при этомъ въ спорныхъ вопросахъ мнѣнія, наиболѣе заслуживающія вѣроятія, и вообще знакомя читателей съ послѣдними выводами своей науки. Книга цѣнна также и своими библіографическими указаніями, дающими возможность начинающему изученіе исторіи ознакомиться съ главными сочиненіями по избранному вопросу. Благодаря этимъ достоинствамъ, трудъ профессора Бестужева-Рюмина сразу занялъ подобающее мѣсто при университетскомъ преподаваніи русской исторіи и сталъ настольной книгой для всѣхъ преподавателей этого предмета въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Настоящій выпускъ могъ-бы представить для насъ особый интересъ, такъ какъ онъ содержитъ въ себѣ между прочимъ и исторію литовскаго государства. Къ сожалѣнію, какъ самъ авторъ въ предисловіи къ своей книгѣ заявляетъ, онъ не могъ воспользоваться многими трудами, появившимися послѣ отпечатанія первыхъ листовъ его книги, въ которыхъ находится между прочимъ изслѣдованіе, ближе всего насъ касающееся. Листы эти, много лѣтъ назадъ тому напечатанные, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ не могли быть выпущены раньше. Авторъ не нашелъ возможнымъ перепечатывать ихъ и ввелъ ихъ въ книгу, какъ они давно были напечатаны. Указанное авторомъ обстоятельство даетъ себя чувствовать и въ изложеніи политической исторіи литовско-русскаго государства, занимающей всю VIII главу настоящаго выпуска, а потому не представляется возможнымъ ни передавать содержаніе этой главы, ни входить въ разборъ отдѣльныхъ мнѣній автора. Отложимъ это до выхода слѣдующаго выпуска, въ которомъ авторъ обѣщаетъ сдѣлать существенныя поправки и дополненія, а теперь обратимъ лишь вниманіе читателей на исторію областнаго управленія по привилегіямъ королей разнымъ землямъ, въ которой онъ наблюдаетъ развитіе шляхетскихъ вольностей и рядомъ съ ней ростъ крѣпостнаго права, а также на обстоятельный разсказъ о городскомъ самоуправленіи по магдебургскому праву. Эта часть труда едва-ли подвергнется измѣненію въ слѣдующемъ выпускѣ, появленія котораго мы ожидаемъ съ нетерпѣніемъ. **И. Каманинъ.**

Угро-русскія народныя пѣсни, собранныя г. де-Волланомъ (Записки императорскаго географическаго общества по отдѣленію этнографіи, томъ XIII, вып. I). С.-Петербургъ, 1885 года.

Послѣ сборниковъ гг. Дешка и Головацкаго настоящая книга является самымъ значительнымъ сводомъ пѣсенной поэзіи угро-руссовъ. Коломыекъ и пѣсенъ въ этомъ томѣ помѣщено 525. Изъ нихъ триста записаны издателемъ, а остальныя доставлены мѣстными собирателями.

Вступительный этнографическій очеркъ основанъ въ большей своей части на трудѣ о венгерскихъ русинахъ Бидермана. Комментаріи къ сборнику издателя написаны имъ самимъ, всѣ-же сравненія и ссылки составлены г. Истоминымъ.

И издатель и редакторъ начинаютъ съ опредѣленія положенія, занимаемаго угро-руссами въ славянской семьѣ. «Срезневскій, говоритъ г. Истоминъ, называетъ этотъ народъ русскимъ, но *это не мѣшаетъ* ему причислить говоръ угро-руссовъ къ южно-русскому нарѣчію». Покойный славистъ основывался въ указанномъ своемъ мнѣніи на разсмотрѣніи фонетическихъ особенностей говора угро-руссовъ и на сравненіи устнаго ихъ творчества съ народной южно-русской поэзіей, которую онъ близко зналъ; поэтому удивительное во всѣхъ отношеніяхъ словцо г. Истомина «это не мѣшаетъ» является лучшей похвалой Срезневскому.

Новѣйшіе изслѣдователи, сближая угро-русскій говоръ съ сѣверно-малорусскимъ поднарѣчіемъ, съ которымъ у него дѣйствительно много общаго, высказываются по этому вопросу весьма уклончиво и признаютъ ихъ близкое родство лишь «до нѣкоторой степени вѣроятнымъ». Сочувственно цитируемый г. Истоминымъ авторъ статьи объ угро-русскомъ говорѣ (въ «Сборникѣ статей по славяновѣдѣнію»), одинъ изъ учениковъ Ламанскаго, г. Семеновичъ, по этому поводу пишетъ: «Для окончательнаго рѣшенія вопроса, желательно было-бы, кромѣ подробнаго изслѣдованія малорусскихъ говоровъ и критическаго разбора историческихъ памятниковъ, касающихся колонизаціи Венгріи, сравнить мѣстныя названія, личныя имена, обычаи черниговской и другихъ смежныхъ губерній съ таковыми-же названіями, именами и обычаями угорской Руси». Зачѣмъ-же стало дѣло и кому-жъ этимъ и заняться, какъ не спеціалистамъ? По изслѣдованію малорусскихъ говоровъ есть нѣсколько солидныхъ трудовъ, въ печати есть достаточное количество народныхъ произведеній, принадлежащихъ къ обоимъ говорамъ. Существуютъ, значитъ, всѣ данныя какъ для полемики, такъ и для самостоятельнаго анализа. Есть даже и опыты «критическаго разбора памятниковъ, касающихся колонизаціи Венгріи», напримѣръ трудъ галицкаго ученаго І. Дулишковича «Историческія черты угро-русскихъ». Послѣ обстоятельнаго обслѣдованія всего этого и съ доказательствами въ рукахъ, можно принимать или не принимать заключенія Срезневскаго, какъ въ частномъ вопросѣ о поднарѣчіи, такъ и въ общемъ о племени.

Въ послѣднемъ, впрочемъ, и сборникѣ г. де-Воллана не оставляетъ ни малѣйшаго мѣста для спора. Г. Истоминъ сличилъ его съ пятымъ томомъ «Трудовъ западно-русской экспедиціи» и почему-то съ «Старосвѣтскимъ бандуристомъ» Закревскаго, найменѣе самостоятельнымъ изъ

всѣхъ малорусскихъ сборниковъ. Десятая часть пѣсенъ перваго отдѣла оказалась варіантами сборника Чубинскаго (издатели исключили раньше всѣ пѣсни общія съ напечатанными Головацкимъ). Просматривая книгу, мы насчитали сверхъ того, по памяти только, безъ справокъ, такое-же количество общеизвѣстныхъ малорусскихъ пѣсенъ и притомъ изъ самыхъ распространенныхъ. Таковы: «Зеленая лещинонька» (стр. 37), «Стоять вербы въ кинци гребли» (123), «Закувала зозуленька» (31), «Жито, мати, жито, жито не полова» (ib.), «Ой знать, хто кого любыть» (44), «Темна ничка, темна» (53), «Ой жаль мени буде» (95), «Часъ до дому, часъ» (135), «Журилася попадя» (155) и проч. и проч. Всѣ эти пѣсни признаны редакціей чисто мѣстными. Такой-же странный промахъ сдѣланъ въ «Словарѣ областныхъ и заимствованныхъ словъ, встрѣчающихся въ пѣсняхъ». Почему и по отношенію къ какому языку надо считать «областными» такія слова, какъ «барвинокъ, вечеря, вивторокъ, втопилась, гадать, годувать, горо́дъ, донька, звоныця, кишеня, кныши, куповать, кучери, млинъ, насиння, принада, сонечко, ухопыты, чубатый» и т. п.? Въ этографическомъ очеркѣ описаны черты и обычаи, въ основѣ своей общія рѣшительно всему южно-русскому краю. Таковы подробности празднованія Рождества и Пасхи, Купало, похоронные обычаи, вѣрованіе въ упырей, купанье женщинъ подозрѣваемыхъ въ вѣдемствѣ, музыкальные инструменты простолюдиновъ и пр.

Это противорѣчіе въ почтенномъ трудѣ г. де-Воллана, — противорѣчіе общихъ выводовъ съ данными этнографическаго матеріала, происходитъ, какъ намъ кажется, отъ нѣкоторой тенденціозности, которой совершенно чужды были изслѣдователи старой школы, въ родѣ Срезневскаго. Ключъ къ разъясненію этого настроенія мы нашли въ статьѣ того-же автора «Русская народность въ Галиціи», появившейся въ первой декабрьской книгѣ «Нови», одновременно съ выходомъ сборника.

Оставляя совершенно въ сторонѣ, какъ не касающіяся насъ, соображенія статьи о политическомъ значеніи галицко-русскихъ общественныхъ партій, мы обратимъ вниманіе только на ея тонъ. Говоря напримѣръ о «старыхъ», г. де-Волланъ упрекаетъ ихъ «слащавымъ низкопоклонничествомъ, лойяльностью, приниженностью». «Независимости, говоритъ онъ, твердости, гражданскаго мужества не могло быть въ сословіи, которое ради куска хлѣба должно пресмыкаться и угождать сильнымъ мира (sic) сего, собственному начальству и своему патрону, богатому польскому дворянству». Онъ коритъ ихъ за то, что они дѣлали мало доступными книги для первоначальнаго образованія народа и указываетъ на почтенный примѣръ о. Наумовича, издававшаго свой народный листокъ на мѣстномъ нарѣчіи. Но къ «моло-

дымъ» онъ относится еще съ большею строгостью, что не мѣшаетъ ему, приводя факты угнетенія народности, полонизаціи и успленія іезуитовъ, ссылаться на рѣчи въ сеймѣ гг. Романчука и Вахнянина, представителей именно этой группы. Онъ смѣется надъ выходомъ такихъ книгъ, какъ «Батько Гранде» Бальзака. Шутка повторена два раза. Едва ли однако во всѣхъ сорока пяти томахъ Бальзака и редакція «Нови» и авторъ отъищетъ книгу съ такимъ заглавіемъ. Романы «Le pere Goriot» и «Eugenie Grandet» принадлежатъ къ перламъ бальзаковскаго творчества. Открыть какого-то «Батька Гранде» такъ-же... странно, какъ отъискать у Гоголя «Похожденія *Хлестакова* или Мертвыя Души».

Отраженіе всѣхъ этихъ домашнихъ галицкихъ споровъ и видно въ сборникѣ, который не долженъ-бы имѣть никакой иной цѣли, кромѣ научной. Разумѣется, матеріалъ при всемъ этомъ остается тѣмъ, чѣмъ онъ и былъ. Мы надѣемся, по крайней мѣрѣ, что въ передачѣ говора господствуетъ одна правда и совершенно отброшена тенденціозность.

Напечатанныя пѣсни обнимаютъ «Кохання», отношенія семейныя, родственныя и «бытовыя черты». Послѣдняя классификація слишкомъ расплывчата, что и доказалъ издатель, отнеся къ этому отдѣлу даже пѣсни историческія.

Внѣшнія черты угро-русскихъ пѣсенъ—краткость, малосложность стиха и перемѣщающаяся риѳма; внутреннія—какая-то сдержанность, меньшая, сравнительно съ малорусскими, сила чувства. Большая часть сборника занята пѣснями любовными. Многія изъ нихъ чрезвычайно граціозны. Какъ образецъ языка и транскрипціи собирателя, приводимъ двѣ, очень коротенькія:

То тобы два писарики не переписали[1]),
Что мы двое, сердце мое, перещебетали.
То тобы два *ой* рондяре и не изчислили,
Что мы двое, сердце мое, переговорили.

Умру, любко, умру,
А ти будешъ жити
Прийди, попозырай,
Где я буду гнити.
Прийди, попозырай
Зеленовъ дорожковъ,
Та стань копець головъ
Своей билой нижкой.
Пришла файна рыбка,
Конець головъ стала,—
Подъ ея ножками
Травиця завьяла...

[1]) Воспроизводимъ точно правописаніе собирателя.

Нельзя не пожалѣть о полномъ почти отсутствіи въ сборникѣ обрядныхъ пѣсенъ. Такія пѣсни изъ уединенныхъ и глухихъ горныхъ комитатовъ могли-бы представить черты глубокой древности. Въ сборникахъ пѣсенъ гг. Бачинскаго и Гладенико собраны преимущественно пѣсни Верховинцевъ. Здѣсь также встрѣчаются общераспространенныя малорусскія пѣсни, какъ «Мищанка», «Ой дивчино, чія ты?» и т. п. Пѣсни Крайнянъ и Спѣшаковъ, представляющихъ уже переходъ къ словакамъ, доставлены г. Левицкимъ. Онѣ гораздо слабѣе въ художественномъ отношеніи, что подтверждаетъ мнѣніе издателя о сравнительно меньшей интеллектуальности этого народа.

Въ бытовыхъ пѣсняхъ ярко выдѣляются нѣсколько пьесъ о панщинѣ и о ея уничтоженіи. Онѣ такъ прекрасны, что однѣ, сами по себѣ, могли-бы дать цѣну сборнику г. де-Воллана. Приводимая ниже маленькая пьеска—одна изъ самыхъ сильныхъ по драматизму, какія мы знаемъ въ народной поэзіи:

Когда муровали бѣлу Маковицу,
Гонили на паньске убогу вдовицу;
Едну недѣленьку мужа поховала,
Другу недѣленьку сына породила,
А съ третей недѣли на паньске ей гнали.
На паньске ей гнали, покоя не дали,
На одной рученьцѣ сына тримала,
А съ другова рученковъ камѣня давала,
Камѣня давала, горенько плакала.
Горенько плакала, озера глядала...
—Плывай-же ты, сыну, въ глубокомъ озерѣ,
Не зазналъ ты отца, не зазнай матери!...

Объ уничтоженіи панщины сложено нѣсколько оригинальныхъ, образныхъ пьесъ. Въ одной изъ нихъ свобода загоняетъ ненавистную панщину въ лѣса, въ густыя дебри. За ней вслѣдъ идутъ паны и, горько плачась, умоляютъ панщину вернуться. Съ безпощадной правдою народнаго слова передаетъ пѣсня ихъ плачъ:

—Вертай, вертай, панщиноньку,
Бо не отки жити!...
Мы не знали молотити,
Наши женки жати,
Мы не знали, что такъ тяжко
На хлѣбъ працевати!...

По приведеннымъ даннымъ читатель видитъ, что разсматриваемый сборникъ заключаетъ въ себѣ въ значительной степени интересный и важный матеріалъ, и тѣмъ досаднѣе въ немъ присутствіе элементовъ тенденціозности или... незнанія.

В. Горленко.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

ЮЖНО-РУССКІЙ ГОРОДЪ ВЪ НАЧАЛѢ ТЕКУЩАГО СТОЛѢТІЯ.

(Изъ «дневныхъ записокъ» А. С. Пишчевича).

На страницахъ «Кіевской Старины» находили себѣ мѣсто нѣкоторые матеріалы изъ семейнаго архива сербскихъ выходцевъ Пишчевичей; помѣщены были и свѣдѣнія о содержимомъ этого архива, равно и біографическія данныя объ одномъ изъ представителей рода, Александрѣ Семеновичѣ, ревностно, хотя и не всегда искусно и даже не вполнѣ грамотно писавшемъ многочисленныя «записки», «примѣчанія» и пр., въ первые годы текущаго столѣтія, наполняя этимъ досугъ, томительный для отставнаго офицера, жившаго въ глуши нынѣшняго александрійскаго уѣзда, въ имѣньѣ своемъ, с. Скалевомъ. Кругъ наблюденій нашего автора былъ не широкъ: не подготовленный серьезнымъ образованіемъ къ жизни, учившійся кое-чему и какъ нибудь, онъ подбиралъ для своихъ дневниковъ чаще всего толки о карточномъ проигрышѣ къ клубѣ, о скандалѣ на маскарадѣ, не брезгалъ иногда сплетней о семейныхъ дѣлахъ и дрязгахъ, но болѣе всего занимался житьемъ-бытьемъ офицеровъ, квартировавшихъ въ елисаветградскомъ районѣ, отчасти потому, конечно, что и самъ былъ того же поля ягодой, а съ другой стороны и отъ того, что офицеры въ тогдашнее время дѣйствительно давали тонъ и окраску обществу провинціальнаго города. Живя въ деревнѣ, Пишчевичъ иногда ѣздилъ въ окрестные города,

Кременчугъ, Елисаветградъ, Александрію, Херсонъ и Николаевъ, видимо имѣлъ тамъ много знакомыхъ, отъ которыхъ обильной рукой собиралъ новости, и потомъ, по свѣжей памяти, заносилъ ихъ въ «дневныя записки». Послѣднимъ онъ иногда пытался придать оригинальную форму сборника корреспонденцій изъ разныхъ мѣстъ, конечно, самъ трудясь надъ составленіемъ подобнаго рода писемъ къ собственной особѣ, на подобіе того, какъ дѣлалъ это одинъ Диккенсовъ герой. Выбираемъ для образца данныя о гор. Елисаветградѣ изъ такихъ записокъ за 1816 годъ. Елисаветградъ привлекалъ вниманіе Пишчевича вообще предпочтительнѣе передъ другими городами извѣстнаго ему района; авторъ нашъ чаще бывалъ въ немъ, такъ какъ въ немъ въ это время квартировалъ штабъ конно-егерскаго корпуса, былъ уже клубъ и наконецъ и въ промышленномъ отношеніи Елисаветградъ успѣлъ уже выдвинуться впередъ. Изъ свѣдѣній Пишчевича о Елисаветградѣ мы получаемъ одностороннюю, конечно, но не лишенную бытоваго интереса картинку, въ особенности по отношенію къ характеристикѣ тогдашнихъ сыновъ Марса. Любопытно сравнить ее съ тѣмъ, что теперь представляетъ этотъ городъ. Передаемъ повѣствованіе нашего автора безъ измѣненій, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, трудно понятныхъ, вслѣдствіе стилистическихъ несовершенствъ записокъ, или неприличныхъ въ печати.

---

16 февраля. Карточная игра въ клубѣ здѣшнемъ продолжается, при которой выходятъ разныя непріятности.

22 февраля. Князь Гагаринъ, извѣстный арзамасскаго полку забулдыга, продолжаетъ пить и буянить.

18 февраля. Вчера двѣ достопамятности явились глазамъ замѣчателя въ здѣшнемъ клубѣ. Первая: графъ Паленъ проигралъ 48,000 р. въ одинъ вечеръ, изъ которыхъ 20,000 досталось на пай князя Гагарина, а остальныя раздѣлились на разныя части штабъ и оберъ офицерамъ... Другая достопамятность: полковаго командира тираспольскаго полку полковника Даниловича жена, говорятъ, будто въ какомъ-то разѣ здѣшній клубъ посѣтила недовольно нарядна и при вопросѣ ее о томъ, она отвѣчала, что для здѣшняго общества и сего довольно. Симъ здѣшнія дамы обидѣлись и оттого начались бабьи шопоты, сплетни и пр. Симъ-бы оно и кончилось, но тепе-

решніе воины любятъ въ бабьи кляузы вмѣшиваться; выпскался заступникъ обиды дамъ елисаветградскихъ и обѣщалъ полковницу проучить...

Подъ 22 февраля записано извѣстіе о маскарадѣ, бывшемъ въ клубѣ, на масляницѣ, слѣдующаго содержанія. Нѣкто полковникъ Ретцъ устроилъ для маскарада изъ обручей и бумаги катеръ безъ дна, помѣстилъ въ немъ четырехъ дамъ, въ томъ числѣ свою жену и жену городничаго Стратимировича, и столько-же кавалеровъ, наряженныхъ гребцами, которые несли это судно въ согнутомъ положеніи; предполагалось войти такимъ образомъ въ клубный залъ, и оставивъ катеръ, протанцовать кадриль. На бѣду знаменитый буянъ князь Гагаринъ не долюбливалъ Ретца и, какъ только катеръ послѣдняго показался въ залѣ, окружилъ его толпой своихъ единомышленниковъ, которые сдавили его колѣнями. Дамы переполошились, дверцы въ катерѣ имъ отворить не удавалось, а борты катера были высоки; нечего было дѣлать... Тутъ-же въ толпѣ стояли директоры клуба и не принимали никакого участія въ чинимомъ гг. офицерами безобразіи. Другая маска, продолжаетъ Пишчевичъ, была движущаяся вѣтряная мельница, которую три сокрытые внизу офицера дѣйствовали. Сію мельницу никто не трогалъ, а напротивъ молодежь окруживъ любовалась круженію оной, которое столь близко изображало круженіе ихъ мозга.

25 апрѣля. Такъ называемая здѣшняя георгіевская ярмарка 23 сего мѣсяца бываетъ весьма значительна по большому пригону рогатаго скота и лошадей. На сей разъ жиды изъ Польши купили значительное число сихъ послѣднихъ и располагали оныхъ гнать, какъ вдругъ настигло великое число офицеровъ ремонтеровъ, опоздавшихъ къ началу ярмарки, и, видя себя безъ лошадей, ибо табуны уже были угнаны, они изобрѣли средство себя оными запасти, захвативъ отъемомъ у жидовъ купленныхъ ими лошадей и бросивъ имъ за оныя деньги. Нѣкоторые изъ жидовъ было вздумали попротивиться въ семъ грабежѣ, но одни, испытавъ плети, другіе — фухтели, принужденными нашлись молчать. Противъ такового военнаго деспотизма полиція ни слова не говоритъ, равно и корпусный начальникъ молчитъ.

9 мая. Воровство здѣсь непомѣрное и все нашими постояльцами производится. Судья Булацель, идучи ввечеру и еще не со-

всѣмъ поздно, былъ окруженъ двумя егерями, которые хотѣли завладѣть его шинелью, но на крикъ его сбѣжались люди, и воры удалились. Вообще ночью никто не смѣетъ ходить по улицамъ. Жители жалуются ихъ начальникамъ, ибо полиція наша не смѣетъ слова сказать имъ въ нашу заступу: корпусный начальникъ есть все, противъ него—никто; но ихъ удовлетворяютъ тѣмъ, чтобы они поймали вора и обличили, что дѣйствительно это происходитъ отъ егерей; но кто успѣетъ поймать сихъ проворъ! Однакожъ одному мѣщанину случилось обличить вора, и вотъ какъ. Мѣщанинъ покоился ночью съ своею семьею, какъ вдругъ слышитъ нѣкій шорохъ около себя, пробуждается, видитъ при слабомъ свѣтѣ луны, что одна изъ шибъ его окна вынута съ улицы и оттуда рука въ военномъ мундирѣ шаритъ по лавкѣ и стѣнѣ, ощупывая, нельзя ли что попасть. Мѣщанинъ схватываетъ толстый отрубокъ дерева, поражаетъ сію руку, отъ чего на улицѣ слышитъ крикъ, и все симъ оканчивается. Въ слѣдующее утро узнаютъ въ городѣ, что одному егерю отбита кисть руки: это былъ воръ, попавшійся подъ отрубокъ. Мѣщанинъ идетъ къ гр. Палену (корпусному командиру) и объясняетъ дѣло. Приводятъ егеря безрукаго. Графъ удостовѣряется въ показаніи мѣщанина, и вотъ рѣшеніе: «ежели (сказалъ графъ мѣщанину) егерь не выздоровѣетъ, то я тебѣ ручаюсь, что ты и твои сыновья будутъ въ солдатахъ!» Съ симъ обиженный оставилъ его сіятельство и, какъ таковое опредѣленіе было въ присутствіи егеря, то сей разсказалъ своимъ сотоварищамъ, сколь милостивъ корпусный командиръ, и что всѣ шарящія руки въ домахъ изъяты впредь отъ увѣчья.

10 мая. Князь Гагаринъ упился съ подобными ему и, втащивъ пушку въ комнаты, стрѣлялъ изъ окна на улицу. Окна отъ потрясенія выпали во всемъ домѣ, а князь Гагаринъ съ гостями въ самомъ безобразномъ видѣ, выставляя себя въ оныя, заставляли народъ удивляться и смѣяться.

23 мая. На сихъ дняхъ вотъ что въ здѣшнемъ городѣ случилось. Мѣщанинъ Карасевъ, не молодыхъ уже лѣтъ, съ молодою и видною, но честною своею женою были въ гостяхъ, и поопоздневшись довольно, въ вечеру возвращались домой мимо гауптвахты, у которой будучи остановлены, введены въ оную и разсажены—мужъ и жена въ разныя мѣста—за то, что шли послѣ зари. Сна-

чала караульный офицеръ, явясь къ Карасевой женѣ, ее снасильничалъ, а потомъ тоже учинили и всѣ караульные солдаты. Не говоря уже о томъ, что сіи бдители общаго покоя на сей разъ явили себя совершенными преступниками, но скажемъ, что когда на другой день обиженный Карасевъ явился къ графу Палену принесть жалобу, то сей потребовалъ видѣть его жену, которая когда ему предстала и онъ, увидѣвъ ея молодость и пригожество, издѣваясь на счетъ старости ея мужа, сказалъ ей: .....[1]).

10 іюля. Квартира графа Палена противъ церкви старообрядческой. Его сіятельству показался частый звонъ колоколовъ безпокойнымъ и потому онъ запретилъ долго оный производить, а особливо рано поутру...

5 сентября. Полиція въ здѣшнемъ городѣ ничего не значитъ въ разсужденіи чинимыхъ военными безпорядковъ. По положенію армейскаго генералъ-штаба, корпусные начальники имѣютъ право наблюдать за безпорядками по части гражданской. Но въ томъ-же положеніи ничего не сказано, что дѣлать, ежели гражданская часть увидитъ въ корпусномъ начальникѣ сумасбродство; повидимому полагалось, что таковой начальникъ долженъ быть мужъ избранный, мужъ достойныхъ качествъ. Графъ Паленъ, не будучи таковымъ, но права данныя остаются при немъ и потому онъ деспотически управляется въ Елисаветградѣ; онъ взялъ на себя распредѣленіе въ городѣ квартиръ и произвольно ставитъ въ домъ штабъ-офицера или кого другаго, словомъ: «я такъ хочу». И отъ сего опредѣлительнаго слова вышло, что у нѣкоторыхъ гражданъ есть по три дома и всѣ три заняты постоемъ; всѣ офицеры имѣютъ—однѣ квартиры по эскадронно, а другія въ городѣ для пріѣзда, гдѣ занимаясь городскою жизнью, мало помышляютъ о своей должности. Другой случай, который-бы принадлежалъ къ надзору полиціи, то, какимъ образомъ живущіе въ городѣ офицеры довольствуютъ своихъ лошадей: приторгуютъ на базарѣ сѣно или овесъ и отвезя на квартиру, отщитываютъ мужику, вмѣсто договоренной цѣны, что хотятъ, и съ симъ выталкиваютъ за ворота. На толикіе безпорядки могутъ только доносить жандармскіе офицеры армейскому полиціймейстеру генералу Эртелю, но сіи офицеры подчинены корпусному

[1]) Опускаемъ подлинныя выраженія, ради непристойности ихъ.

начадьнику, а у графа Палена фухтеля не за горами. Сверхъ здѣсь изъясненныхъ жителямъ обидъ, видимъ другія странности въ корпусной квартирѣ, которыя старымъ служивымъ кажутся дикими: офицеры по улицамъ прохаживаются въ мундирахъ, но безъ сабель, какъ будто арестованы (въ прежнюю службу офицеръ въ мундирѣ не смѣлъ казаться безъ сабли, а въ квартирѣ корпуснаго начальника и подумать никто не могъ), съ дымящимися трубками во рту (это запрещается полицейскимъ уставомъ), а глядя на своихъ господъ, ихъ слуги, между которыми много поляковъ, нѣмцевъ, французовъ, также по рынку расхаживаютъ, куря трубки.

23 сентября. Губернаторъ графъ Сенъ-При объѣзжаетъ теперь ввѣренную ему губернію и на сихъ дняхъ пріѣхалъ и сюда, гдѣ, обозрѣвая присутственныя мѣста, нашелъ крайне недѣятельнымъ нижній земскій судъ и потому всѣхъ членовъ онаго отрѣшилъ, приказавъ явиться имъ въ Херсонъ для изслѣдованія ихъ дѣятельности. Послѣ сего сей справедливый губернаторъ принялся было за другія части, но слѣдующее помѣшало довершить добромъ начатое дѣло. Жители села Злынки, въ которомъ квартируетъ дерптскаго конно-егерскаго полку эскадронъ [1]), долго терпѣли всѣ угнетенія, которыя постигли вообще мѣста, занимаемыя симъ войскомъ, и просили о своихъ обидахъ земскій судъ, просили полковаго начальника, просили корпуснаго начальника графа Палена, но нигдѣ заступы не обрѣли и потому рѣшились принесть жалобу своему губернатору. Для сего отправили волостнаго голову, писаря и нѣсколько почетныхъ стариковъ къ его сіятельству въ Елисаветградъ. Сіе посольство, прибывъ въ городъ, остановилось на квартирѣ у жида и на составлять просьбу. Хозяинъ, подслушавъ, въ чемъ дѣло состояло, и желая поддобриться графу Палену, увѣдомилъ его обо всемъ. Сей отправляетъ офицера съ командою забрать весь этотъ совѣтъ и посадить на гауптвахту; не замедлилъ явиться и самъ графъ Паленъ и не постыдился ихъ бить по щекамъ, по зубамъ и въ

---

[1]) Въ Злынкѣ квартируетъ съ дерптскимъ эскадрономъ капитанъ Дроздовскій, любимецъ графа Палена, и дерптскій полкъ есть его фаворитный полкъ, потому что онъ былъ въ ономъ шефомъ, а сего уже и предовольно для несправедливаго начальства, чтобы отстаивать дѣло обидное и къ общему вреду клонящееся. Прим. автора.

поволочку пинками, а между тѣмъ послалъ просить графа Сенъ-При къ себѣ на обѣдъ, и сіе въ томъ намѣреніи, чтобы онъ не узналъ о происходящемъ. Губернаторъ, отобѣдавши, еще долго у него сидѣлъ, а когда они разстались, то графъ Паленъ приказалъ предъ себя привесть голову съ сотоварищами и уже тутъ билъ ихъ всѣхъ фухтелями нещадно. Послѣ сего, связавъ и вложивъ ихъ на телѣги, отправилъ съ жандармами обратно въ Злынку, куда едва голову привезли, то онъ и умеръ. Говорятъ, по штату о жандармахъ, простой изъ оныхъ рядовой, видя генерала въ безпорядкѣ, можетъ его арестовать. Ежели столь странное узаконеніе существуетъ, то въ семъ разѣ видится совсѣмъ противное, ибо жандармы имѣли причину, какъ бѣшенствующаго, не токмо арестовать своего корпуснаго начальника, но и связать еще; но они обиженныхъ сопровождали, какъ преступниковъ. Сенъ-При, когда сей поступокъ до него дошелъ, тѣмъ болѣе былъ разогорченъ, что оный произошелъ почти въ его присутствіи,—тотчасъ отправилъ курьера въ Одессу съ донесеніемъ о происшедшемъ графу Ланжерону и при томъ сказалъ: «я не останусь губернаторомъ ни двухъ дней, ежели сіе происшествіе не будетъ доведено до свѣдѣнія императора». По отправленіи сего курьера, Сенъ-При поѣхалъ въ мѣстечко Каменку къ г-жѣ Давыдовой; а возвратившись оттуда въ Елисаветградъ, посѣтилъ его генералъ баронъ Паленъ, двоюродный братъ графа Палена, который старался его примирить съ своимъ братомъ, но графъ Сенъ-При гордо отвѣчалъ: «какъ графъ Сенъ-При, я никакого дѣла съ графомъ Паленомъ не имѣю, но какъ губернаторъ я хочу, чтобы сіе извѣстіе дошло до свѣдѣнія государя». Когда баронъ Паленъ объявилъ сіи слова своему брату, то графъ Паленъ отвѣчалъ: «я увижу, что этотъ французъ — парикмахеръ мнѣ сдѣлаетъ!» Сіи слова тотъ-же часъ лазутчики вложили въ уши графу Сенъ-При. Послѣ сего онъ отправился въ Одессу, дабы настоять у графа Ланжерона въ семъ представленіи. Время покажетъ, чѣмъ все сіе кончится. Но ежели-бы Сенъ-При не столь горячо за сіе дѣло вступился, то елисаветградское купечество начало было шевелиться, вступаясь за обиженныхъ поселянъ тѣмъ съ большимъ жаромъ, что какъ большая часть купечества, такъ жители Злынки суть старовѣры.

1 октября. Слѣдуя скоропостижности, съ какою донесено было графу Сенъ-При о смерти злынскаго головы и по той скоропостижности, съ каковою съ симъ донесеніемъ отправленъ былъ въ Одессу курьеръ, а вслѣдъ за онымъ и самъ губернаторъ отправился (не удивляйтесь, нами управляютъ французы, народъ опрометчивый), и я попалъ въ обманъ, писавши вамъ 23 сентября о смерти злынскаго головы. Графъ Паленъ со всею свойственною нѣмцамъ флегмою и аккуратностью выбилъ голову безчеловѣчно; но, благодаря Богу и крѣпкому сложенію русскаго человѣка, голова не умеръ. Теперь любопытно знать, чѣмъ все сіе кончится. Молва повсюду разнеслась о убіеніи Паленомъ головы, графъ Паленъ, и дерзокъ, и пьянъ, за это хочетъ мстить; графъ Сенъ-При, слѣдуя правиламъ чести, связаться долженъ съ пьяницей и можетъ имѣть при всей своей трезвости серьезное дѣло. А ежели графъ Ланжеронъ, скоропостижно основываясь на донесеніи губернатора, да уже сдѣлалъ государю свое представленіе, то согласитесь, что дѣло трехъ графовъ будетъ замѣчательно въ своемъ родѣ. Надобно ожидать сему развязки отъ времени.

15 октября. Графъ Паленъ вызываетъ графа Сенъ-При черезъ письмо на дуель и для сей битвы назначено первое число будущаго ноября. Паленъ предоставляетъ своему сопернику избрать мѣсто къ побоищу, а чтобы сіе письмо не могло затеряться, или можетъ быть и ради того, чтобы Сенъ-При не могъ сказать, что онъ его не получалъ, то отправлено въ Херсонъ страховымъ. Повидимому, худо теперь быть такимъ губернаторомъ, который беретъ сторону ему ввѣреннаго народа, ибо того мало, что Сенъ-При вызываютъ на дуель за исполненіе его обязанности, но и капитанъ Дроздовскій объявилъ графу Палену, что онъ берется выбить Сенъ-При, прибавя, что онъ уже разъ изъ офицеровъ былъ разжалованъ въ рядовые и потому еще разъ пострадать для своего начальника ничего не значитъ.

18 октября. Графъ Ланжеронъ поручилъ губернскому предводителю Корбе изслѣдовать въ Злынкѣ какъ обиды, жителямъ причиненныя квартирующими въ ономъ конными егерями, такъ и освидѣтельствовать спину и прочія части избитаго головы. Г. Корбе, который повсюду видитъ предстоящія ему знаки отличія, вмѣнилъ сію порученность себѣ въ должность, отправился въ Злынку, гдѣ

нашелъ поступокъ военныхъ съ поселянами слишкомъ жестокимъ, а голову избитаго хотя и живымъ, но совершенно распухшимъ и едва дышавшимъ. Г. Корбе описалъ все имъ найденное въ Злынкѣ графу Ланжерону въ партикулярномъ письмѣ самымъ безобразнымъ образомъ и, невѣдомо къ чему, присовокупилъ ко всему этому извѣстныя слова великаго Суворова: «береги хозяина, онъ васъ поитъ, кормитъ, солдатъ не разбойникъ». Графъ Ланжеронъ чѣмъ-бы удержать сіе письмо у себя, оное отправилъ къ Палену въ оригиналѣ. Теперь графъ Паленъ сбирается бить Корбе, чтобъ его отучить отъ подражанія Суворову. Сей великій полководецъ, писавши сіи слова въ наставленіе своимъ воинамъ, никогда не мыслилъ, чтобы они могли заставить извѣдать фухтеля спинѣ дворянскаго предводителя.

20 ноября изъ Херсона. Сенъ-При на вызовъ графа Палена дуелировать отвѣчалъ, что онъ его вызова не пріемлетъ до тѣхъ поръ, пока пробудетъ губернаторомъ, а оставя сію должность, онъ его волю удовлетворитъ. Паленъ, прочитавъ сіе, сказалъ: «французъ увертывается отъ меня, но я его гдѣ нибудь попаду». Таковы теперь генералы: изъ устъ ихъ выходятъ слова, приличныя однимъ кабачнымъ забіякамъ.

14 декабря. Графа Палена проказамъ нѣсть конца. Онъ поймалъ было въ городѣ избитаго имъ злынскаго голову и хотѣлъ его добить, но голова, стоя на колѣняхъ и валяясь у сіятельныхъ ногъ, едва себѣ вымолилъ отпущеніе. Теперь жиды испытываютъ тяжесть графскаго самовластія. Ихъ бьютъ, за что попало. Напримѣръ: жидъ графскому слугѣ сшилъ сапоги и когда сей не всѣ деньги отдалъ, жидъ не давалъ сапоговъ; отправлены солдаты и взявъ жида въ караульню, выбили его порядочно, сапоги отняли и денегъ не заплатили. Много-бы надобно говорить, ежели-бы описывать таковое; мелочные по существу побои, со стороны глядя, но тому, кто ихъ извѣдываетъ, плотно къ спинѣ прилегаютъ. Посреди толикихъ безпорядковъ нѣкоторыя части преобразуются въ лучшее: клубъ теперь получилъ своимъ директоромъ генералъ-маіора Репнинскаго, который, говорятъ, въ дисциплинѣ клубной шутить не любитъ и крѣпко смотритъ, чтобы дерзость офицерская никого не оскорбляла и даже запретилъ танцующимъ быть въ шпорахъ. Это много... Таковой порядокъ, хотя и съ ногъ

начался, привлекъ опять всѣхъ въ клубъ, отъ онаго было отставшихъ во время прошлой зимы, въ совершенно революціонное правленіе очередныхъ директоровъ, каковъ, напримѣръ, князь Гагаринъ и ему подобные. Правда и то, что главные забіяки почти всѣ разъѣхались по домовымъ отпускамъ. Его сіятельство гр. Паленъ, сколько кажется, клубомъ занимается только потому, чтобы питать въ оном карточную игру. Эскадронныхъ начальниковъ онъ обыгриваетъ, а полковой командиръ, по его мнѣнію, никуда не годится, ежели въ карты не играетъ, а особливо—ежели ему не проигрываетъ. Но кажется, что конно-егерскихъ полковъ всѣ полковники ему сію дань ежегодно платятъ исправно, и тѣ, которые не умѣютъ играть, даютъ опредѣленную сумму денегъ какому нибудь игроку своего полку и тотъ проигрываетъ его сіятельству будто не нарочно. Въ теперешней службѣ, по пословицѣ, рука руку моетъ: ежели полковники и набиваютъ карманъ корпуснаго начальника, за то положено закономъ, что корпусный начальникъ можетъ набавить 10 коп. на всякій пудъ сѣна сверхъ справочной цѣны, и сіи 10 коп. должны посредствомъ картъ перейти въ карманъ его высокопревосходительства...

20 декабря. Теперь графу Сенъ-При нечего бояться капитана Дроздовскаго, обѣщавшаго его бить, потому что на сихъ дняхъ сему Дроздовскому отрубилъ кисть правой руки его другъ истинный, полякъ же, съ которымъ поссорившись въ трактирѣ, вышли на дуель. Такова дружба нонѣшнихъ офицеровъ. На сихъ же дняхъ здѣсь случилась драка между жандармскимъ офицеромъ и сербиномъ, недавно пріѣхавшимъ изъ Цесаріи для вступленія въ русскую службу. Жандармъ голіафовскаго роста, а сербинъ малъ; первый далъ ему нѣсколько тумаковъ, сербинъ сначала оборвалъ эполетъ, эксельбантъ и лацканы жандарму, но видя немоготу преодолѣть своего соперника, придумалъ его обезоружить, ударивъ ногою въ непоказанное мѣсто. Жандармъ, взявшись за пораженное мѣсто, отошелъ прочь и теперь лежитъ въ постели.

2 февраля 1817 г. (‹Вѣдомости съ Днѣпровскихъ (sic) береговъ›). Полкъ тираспольскій конно-егерскій выступилъ отъ насъ вчера по утру. Сіе выступленіе было замѣчательно тѣмъ, что въ предшедствовавшую оному ночь многіе домы были обокрадены, у другихъ окна и печи были выбиты. Многіе изъ воровъ пойманы и

обличены и потому полку не дана квитанція. Въ тотъ промежутокъ, когда о сей квитанціи происходилъ споръ между полковыми и жителями, вышло другое: пойманъ мальчикъ форейторъ, ушедшій отъ одного помѣщика и показавшій, что онъ подговоренъ полковникомъ Даниловичемъ, а послѣ открылось, что у его-же скрывается торбанистъ и нѣсколько дѣвокъ дворовыхъ—всѣ украденные, и отправлены въ деревню его, состоящую въ Курляндіи, а наконецъ и многіе другіе открылись дворовые люди спрятанные. Итакъ, чтобы сія обличенная кража не могла дойти далѣе, то г. полковникъ далъ подписку елисаветградскому городничему въ томъ, что онъ ручается за себя и ввѣреннаго ему полку штабъ и оберъ-офицеровъ, что всѣ люди, принадлежащіе разнымъ помѣщикамъ и ими отправленные впередъ, будутъ возвращены къ своимъ мѣстамъ.

Къ приведенному выше добавимъ еще замѣтку Пишчевича изъ «Записокъ» 1813 г., касающуюся *колдовства*.

Мая 11. Оставилъ я Скалевую пополудни и къ вечеру прибылъ въ Александрію. Здѣсь я засталъ новаго рода (?) разбирательство: г. Даниловичъ (городничій) посадилъ подъ стражу трехъ старухъ за то, что онѣ приговляли какія-то травы для колдовства, законами запрещенныя. При допросѣ онѣ показали, что двѣ изъ нихъ колдовству учились, а одна изъ нихъ идетъ въ семъ званіи по наслѣдству отъ своей прабабки. Молва народная полагаетъ, что теперешнему бездождію причиною сіи вѣдьмы, что онѣ продали дождь въ Польшу на 7 лѣтъ. Добрый человѣкъ Даниловичъ прибавляетъ къ сему вѣрному открытію еще и слѣдующее: что утренней звѣзды не видать, что сіи вѣдьмы ее куда-то запрятали, что онѣ, ссорясь между собою, одна другую въ томъ упрекали, ибо и дождевую звѣзду нашли у одной изъ сихъ чародѣйницъ закупоренную въ горшкѣ, который когда открыли, чтобы звѣзду выпустить, то нашли оную превращенную волшебною силою въ грибъ. Г. Даниловичъ есть предобрѣйшій, честныхъ правилъ человѣкъ, былъ въ службѣ всегда храбрымъ офицеромъ, но небесную систему толкуетъ по своему.

ПО ПОВОДУ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА С. И. ВАСИЛЬКОВСКАГО.

Ты знаешь край, гдѣ все обильемъ дышетъ,
Гдѣ рѣки льются чище серебра,
Гдѣ вѣтерокъ степной ковыль колышетъ,
Въ вишневыхъ рощахъ тонутъ хутора...
И чистъ, и тихъ, и ясенъ сводъ небесъ,
Вдоль берега стоитъ кудрявый лѣсъ,
И къ облакамъ, клубяся надъ водою,
Бѣжитъ дымокъ синѣющей струею?
А. Толстой.

Украйна! Сколько и грустныхъ и веселыхъ воспоминаній встаетъ въ моемъ воображеніи при одномъ этомъ словѣ! Найдется-ли гдѣ-нибудь въ нашей обширной матушкѣ Россіи столь многозначительный своимъ прошлымъ и вмѣстѣ столь чарующій своимъ настоящимъ уголокъ, какъ та тихая, далекая и широкая Украйна! Да, здѣсь что ни шагъ, то намекъ на славное прошлое нашихъ предковъ. Сколько подвизалось здѣсь великихъ и славныхъ героевъ! Сколько завязывалось и развязывалось громкимъ дѣлъ! Сколько разъ оглашался воздухъ воплемъ и стономъ убиваемихъ и пѣснями и кликами побѣждающихъ! А сколько разъ земля поливалась кровью христіанскою и засѣвалась костьми человѣческими!.. Многострадательная Украйна!.. И то было уже на зарѣ историческаго существованія южной Руси, въ то, сравнительно, счастливое для нашихъ предковъ время, которое принято называть удѣльно-вѣчевымъ, предъ-татарскимъ періодомъ. Но что послѣдовало затѣмъ?—Тяжкая мгла окутывала тогда нашу Украйну.

Зажурилась Украина, що ниде прожити:
Вытоптала орда киньми маленькіи дити;
Ой маленькихъ вытоптала, великихъ забрала,
Назадъ руки постягала, пидъ хана погнала...

Но послѣ долгихъ лѣтъ страданія въ нѣдрахъ Украйны зародилась и выросла могучая козачая сила. Крѣпкое тѣломъ, сильное духомъ, «низовое рыцерство» бурей носилось по степямъ и волнамъ морскимъ, по всей широкой Украинѣ, вездѣ оставляя послѣ себя кровавый слѣдъ и всюду мстя страшною местью врагамъ своей предковской вѣры и противникамъ своей русской народности, какими были татары, турки и поляки. И гремѣла слава козачая по

отдаленнымъ странамъ и вдохновляла народныхъ пѣвцевъ славныхъ подвиговъ козацкихъ, доселѣ хранящихъ память о нихъ въ своихъ думахъ и пѣсняхъ.

Но время козачества давно миновало; страсти улеглись, перестала литься кровь и отъ прежней жизни и людей остались лишь высокіе курганы, носящіе выразительное имя могилъ. Замолкли бранные подвиги, сошли со сцены дѣятели прежнихъ временъ, смѣнилось много поколѣній однѣ другими, а природа въ Украйнѣ осталась все таже. *Родъ приходитъ, родъ преходитъ, а земля во вѣки стоитъ.* Все тоже синее небо, все тотъ-же чистый живительный воздухъ, все таже роскошная растительность, все тѣ-же прохладные тѣнистые лѣса, и тѣ-же рѣки, и тихо льютъ онѣ свои серебристыя струи, и чуть замѣтно скользятъ вдоль широкихъ душистыхъ луговъ. Чудный край!.. Еще въ XII вѣкѣ воспѣтъ онъ даровитымъ творцемъ «Слова о полку Игоревѣ», а на нашей памяти геніальнымъ Пушкинымъ, безсмертнымъ Гоголемъ и высокодаровитымъ гр. А. Толстымъ.

«О, Донче, Донче! немало ти величія:
Ты волнами князя убаюкивалъ,
Стлалъ ему траву зеленую
По серебряному берегу,
И подъ тѣнью дерева зеленаго
Одѣвалъ ты мглою теплою;
На водѣ стерегъ ты его гоголемъ,
На струяхъ лелѣялъ его чайками».

Но не однихъ творцевъ вдохновеннаго слова плѣняетъ свѣтлое небо Украйны; влечетъ оно къ себѣ и талантливѣйшихъ нашихъ художниковъ, начиная съ старѣйшихъ, каковы Орловскій и Куинджи, и кончая самыми юными. Вотъ передъ нами только что оконченная картина молодаго художника С. И. Васильковскаго, увѣнчанная самою высокою преміей с.-петербургской академіи художествъ. Картина переноситъ насъ въ мѣстность Слободской нѣкогда Украйны, на берега сѣвернаго Донца, въ зміевскій уѣздъ нынѣшней харьковской губерніи. Лѣтняя жаркая пора; чистое синее небо, на немъ ни облачка, ни птички; все, кажись, замерло отъ лѣтняго зноя. Но опустите глаза ваши къ низу картины,—здѣсь очарова-

тельный «заулокъ», со всѣми прелестями мягкой прохлады въ лѣтнюю «спеку». Во всю длину картины красавица-рѣка, змѣевидно извивающаяся по широкому лугу; она заключена между двумя берегами; лѣвый, возвышенный, на половину окаймленъ густымъ, высокимъ лѣсомъ, протянувшимся цѣлой стѣной по-надъ рѣкой, на половину-же переходитъ въ песчаную равнину, страшно накаленную солнцемъ и какъ-бы отдѣляющую отъ себя огненное марево. Стоитъ полузакрыть глаза, и вамъ покажется, что передъ вами поднимается полымя съ берега рѣки и огненными струями пышетъ вверхъ... Вы даже какъ будто ощущаете на себѣ дѣйствіе этого жара... Но перенесите взоръ вашъ на самую средину лѣваго берега рѣки,—предъ вами, въ далекой перспективѣ, обрысовываются деревенскія хатки, чистенькія, выбѣленныя мѣломъ, покрытыя соломой. Это—малорусская деревенька. Много пріятныхъ ощущеній вызываетъ она у васъ. Если вы родомъ южно-руссъ, а судьба занесла васъ на далекій сѣверъ, то вы тѣмъ съ большею жадностію вопьетесь глазами въ эту деревеньку и въ вашемъ воображеніи промелькнутъ знакомые, родные образы: низенькая, ветхая, наклонившаяся на бокъ отъ времени церковца, вся въ зелени, мирно почивающія въ тѣни старой колокольни ягнята, по временамъ вздрагивающія отъ докучливыхъ мухъ, заброшенная въ конецъ огорода «криница» съ наклонившеюся надъ ней кудрявой вербой, флегматично шагающій по пыльной улицѣ «господарь» у воза сноповъ, чуть-чуть подвигаемаго уставшими волами, и какъ разъ передъ ними кучка бѣлоголовыхъ, въ однихъ рубашечкахъ, дѣтей, беззаботно строющихъ изъ уличной пыли городки. Но вотъ вы отрываетесь отъ лѣваго берега рѣки и переводите свой взоръ на правый: тутъ не менѣе привлекательный видъ. На первомъ планѣ, у самаго берега рѣки, два высокіе, развѣсистые и кудрявые осокори со сплетшимися вмѣстѣ верхушками. Кажется, что и они чувствуютъ тягостный лѣтній зной. Листья ихъ какъ-бы побѣлѣли отъ дѣйствія палящихъ лучей солнца, а вѣтви какъ-бы тянутся къ водѣ, чтобы въ ней найти себѣ прохладу. У самаго осокоря повозка съ поднятыми вверхъ оглоблями, а около нея двѣ лошади; онѣ сонливо повѣсили головы и, изможденныя зноемъ, отказываются ѣсть... Немного поодаль отъ повозки разложенъ небольшой костеръ, отъ котораго поднимается вверхъ струйка дыма; у костра сидитъ женщина, она готовитъ

кашу. Для кого?—досказываетъ остальная часть картины: нѣсколько правѣе отъ костра лодка, возлѣ которой возятся съ сѣтью четыре человѣка, два въ самой лодкѣ, два около нея; они выбираютъ рыбу изъ сѣти, только что вытащенной изъ рѣки. Ну, и вкусная-жъ каша будетъ въ тѣни деревьевъ, среди мягкой зеленой травы, у чистыхъ водъ рѣки!

Таковъ сюжетъ картины, вышедшей изъ-подъ кисти художника С. И. Васильковскаго. За талантливое выполненіе ея говоритъ уже самая премія — *большая золотая медаль*, присужденная юному жрецу Минервы корифеями академіи художествъ. Самъ художникъ по происхожденію украинецъ, уроженецъ г. Харькова; онъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ. Это «щирая», талантливая душа! Съ какою глубокою любовью онъ относится къ своей родинѣ! Съ какимъ живымъ интересомъ встрѣчаетъ всякій проблескъ стремленія къ добру у своихъ земляковъ! Съ какимъ высокимъ чувствомъ онъ говоритъ о долгѣ того, кого Богъ отмѣтилъ печатью таланта! Благородный сынъ Украйны, трудись, и благодарная мать воздастъ тебѣ сторицею! Благодарнѣе родныхъ сюжетовъ не можетъ быть въ наукѣ и искусствѣ. Но перенесись отъ настоящаго въ далекое прошлое твоей родины, и ты найдешь тамъ и вдохновеніе, и богатѣйшій матеріалъ для твоей художественной кисти.

Д. Эварницкій.

Спб., 6 декабря, 1885 года.

ДВѢ МАЛОРУССКІЯ ОДЫ ИЗЪ ЭПОХИ НАПОЛЕОНОВСКИХЪ ВРЕМЕНЪ.

(1807—1812).

Обѣ эти оды найдены въ старинномъ рукописномъ сборникѣ (изъ категоріи такъ называемыхъ Silvae rerum) конца XVIII и начала XIX в., принадлежавшимъ лицу, служившему въ гадячской полковой канцеляріи въ послѣдніе годы ея существованія. Первая ода носитъ заглавіе: *Ода на случай выгранной Бенигсеномъ надъ французомъ побѣды 1807 года, генваря 27 числа.* Она относится къ событіямъ *второй* войны императора Александра I съ Наполеономъ, когда Россія выступила на помощь прусскому королю

Фридриху-Вильгельму, потерявшему свою столицу и бѣжавшему въ Кенигсбергъ. Въ концѣ 1806 г. двѣ русскія арміи, подъ начальствомъ Беннигсена и Буксгевдена, вступили въ восточную Пруссію, чтобы удержать французовъ отъ перехода за Вислу. На берегахъ этой рѣки, подъ Пултускомъ и Морунгеномъ, произошло нѣсколько убійственныхъ сраженій, одно изъ которыхъ вдохновило безъименнаго малороссійскаго поэта. Нѣтъ сомнѣнія, что означенная ода была написана *тотчасъ* по полученіи извѣстія о событіи, потому что поэту очевидно еще не было ничего извѣстно о послѣдовавшей 8 февраля 1807 г. несравненно болѣе кровопролитной битвѣ подъ Прейсишъ-Эйлау, а равно о пораженіи Беннигсена подъ Фридландомъ (14 іюня), принудившемъ императора Александра вступить въ переговоры съ Наполеономъ, закончившіеся тильзитскимъ миромъ.

Вторая ода—*на изгнаніе французовъ изъ Россіи*, значительно превосходитъ первую какъ по объему, такъ и по своимъ поэтическимъ достоинствамъ. Она также вполнѣ современна воспѣтому въ ней событію, именно относится къ тому моменту въ ходѣ отечественной войны, когда Наполеонъ, благополучно ускользнувъ отъ преслѣдованія русскихъ, издалъ 3 декабря 1812 г. свой знаменитый 29-й бюллетень, принесшій давно остававшимся безъ извѣстій народамъ увѣдомленіе о томъ, что императоръ живъ и здоровъ, но что великая армія не существуетъ болѣе, и когда онъ вслѣдъ за тѣмъ лично поспѣшилъ въ Парижъ, чтобы распорядиться новыми вооруженіями. Нашъ поэтъ сомнѣвается въ успѣшности этого послѣдняго предпріятія: «Може (говоритъ онъ о Наполеонѣ)

«Ще старцивъ або хлопятокъ
Назбира хиба зъ десятокъ,
А годящихъ нигде взять».

Очевидно, ему не было еще извѣстно, что тяжкая конскрипція, вмѣстѣ съ призывомъ національныхъ и почетныхъ гвардейцевъ, вскорѣ восполнила пробѣлы въ арміи Наполеона, а неутомимая дѣятельность, высказанная геніальнымъ вождемъ, снова изумила Европу. Наконецъ, ода упоминаетъ о подвигахъ Кутузова, который, какъ извѣстно, скончался въ маѣ 1813 г. Все это убѣждаетъ насъ въ томъ, что ода написана въ декабрѣ 1812 года и во всякомъ случаѣ не позже января слѣдующаго года.

Кто былъ авторомъ названныхъ одъ, и объ-ли онѣ вышли изъ-подъ одного пера—мы не знаемъ. Кромѣ упомянутаго рукописнаго сборника, мы имѣемъ и другой списокъ оды на изгнаніе французовъ, подаренный намъ однимъ волостнымъ писаремъ въ полтавской губерніи и относящійся по времени къ 50-тымъ годамъ. Въ этомъ спискѣ ода подписана почему-то буквой *М.*, въ видѣ какъ-бы инціала имени автора; но изъ этого, разумѣется, трудно вывести какое-либо заключеніе. То лишь несомнѣнно, что обѣ оды написаны подъ сильнымъ вліяніемъ Энеиды Котляревскаго, какъ извѣстно впервые изданной еще въ 1798 г. Вліяніе это сказывается во всемъ: въ тонѣ, манерѣ, въ языкѣ и въ особенности въ формѣ стихосложенія—въ этихъ десятистишіяхъ, столь любимыхъ авторомъ Энеиды. Скажемъ даже болѣе: нѣкоторыя строки одъ представляютъ нечто иное, какъ буквальное повтореніе стиховъ Котляревскаго; такъ, въ одѣ на изгнаніе французовъ говорится о Наполеонѣ:

А що, кажуть, надъ Москвою
Глумивсь дуже бусурманъ:
Зробивъ зъ неи скирту гною...

Это буквальное повтореніе того мѣста изъ Энеиды, гдѣ говорится, что

Греки, якъ, спаливши Трою,
Зробили зъ неи скирту гною.

Точно также заключительныя слова оды:

Та и музы попотіють,
Пьяту долю поки вспіють
Описати до ладу...

очень напоминаютъ соотвѣтствующее упоминаніе о тѣхъ-же музахъ въ «Одѣ до князя Куракина»:

Та и музы лобъ нагріють,
Поки проспивать успіють... и проч.

Можно было-бы сдѣлать и больше подобныхъ сопоставленій, но мы ограничимся лишь этими, оставляя открытымъ вопросъ: нельзя-ли на основаніи всего этого признать И. П. Котляревскаго авторомъ если не обѣихъ, нынѣ публикуемыхъ одъ, то по крайней мѣрѣ *второй* изъ нихъ, имѣющей особенно близкое сходство съ подлинными его сочиненіями?

Въ заключеніе можно пожалѣть, что, за неимѣніемъ другихъ, болѣе исправныхъ списковъ, приходится возстановлять полузабытыя оды по спискамъ хотя и стариннымъ, но весьма неисправнымъ, съ пропусками строкъ и порчею стиховъ.

О. Лев—ій.

I.

Ода на случай выгранной Бенигсеномъ надъ французомъ побѣды 1807 года, генваря 27 числа.

Гай, гай! и чого ты нахопився,
Сынъ котюжій, Бонапартъ!
Не бійсь, пасокою вмывся,
Дарма, що ты чорту братъ.
Це тоби вже не Цесарци,
Що глытавъ ихъ якъ нетапци,
Ни, тоби тутъ носа втруть;
Выпрудять тоби вси блохи,
Пидожди ище хоть трохи—
Маку доброго дадуть!

—

Може бравъ ты за дурныцю
Зъ москалями воювать;
Може думавъ ихъ столицю
Такъ якъ пруську плюндровать?
А дзусъ, мурый, невмывака!
Ты, розбійникъ и бурлака,
Гладко брешешъ, якъ той песъ.
Корсиканська волоцюго!
Замисть брати насъ до плуга:
Самъ въ ярмо ты попадешъ.

—

Та и що тоби казати!
Ты и самъ вже схаменувсь
. . . . . .
. . . . . [1])
Щастя маешъ, вражій сыну,
Що не взявъ ще списа въ спину,
Та ты ёго й не минешъ!
Бувъ колись у насъ Костюшко,
Скакавъ, пурхавъ, мовъ та птушка:
А де-жъ винъ теперъ?—не вспомянешъ.

—

Правда, що ты мудроватый,
Уси штуки показавъ;
Та й Бенигсенъ хитруватый—
На все тоби здачу давъ.
Крутивсь ты, якъ та лысыця,
Та що-жъ робить! треба скрыться,
Такъ ты лучче нагадавъ:
Мерщій на човенъ схопився,
Хоть и трохи замочився,
Та не оглядаючись удравъ.

—

Хоть такъ соромъ утикати,
Та що-жъ маешъ ты чинить!
Дарма! буду я казати,
Що ты рыбу вчився ловить.
А ты мовчи, що втикаешъ:
Кажи всимъ, що ты гуляешъ,
Щобъ минувся трохи чадъ;
А якъ прибижишъ икъ жинци,
То кажи, що погубивъ червинци,
То й вернувся за гришми назадъ.

—

[1]) Здѣсь очевидно не достаетъ двухъ строкъ въ риѳму предыдущимъ.

Бачишъ, вже якіи жарты
Вамъ москаль теперъ завдавъ;
Далеби и видъ пивкварты
Не бувъ-бы ты такій пьянъ.
И питаешъ: що-жъ мини робити?
Хочуть вже мене убити,
Оттеперъ-же я пропавъ!
Що-жъ Кулишъ якійсь явився,
И накоивъ, и назадъ пробився,
А намъ усимъ дулю давъ.

—

Стій лишъ, я тоби, козаче,
Найгарнійшій дамъ совитъ:
Схаменися, небораче,
Не мудруй ты на ввесь свитъ,
Та й не чванься, не гордися,
Олександру поклонися.
И якъ хочешъ царювать,
То верни все, що награбивъ.
Тымъ бы грихъ свій ты загладивъ
И смашненько лигъ-бы спать.

—

Коли-жъ хочешъ, такъ крутися,
Поки прыйде твій кинець;
Тильки-жъ дуже стережися...
Зашморгне петлю донець!
Вже й аркапъ тоби готовый,
Дуже добрый, мицный, новый—
Хоть тягни, не перервешъ.
Ой покайся, сыну вражій,
А то Бенигсенъ докаже,
Що петли ты не минешъ!

II.

Ода на изгнаніе французовъ изъ Россіи въ 1812 г.

Слава Богу, стало тихо,
Мовъ на мори писля бури;
Страхъ минувся и спить лыхо,
Мовъ на сидали ти кури.
Це якійсь зъявився поганець,
Звидтиль, кажуть, выструганець,
Де все сонечко сида,
Черезъ царства, черезъ панства,
Та й до нашого гетьманства
Ажъ въ Москву забривъ сюда.

—

Кажуть, панъ зъ себе маленькій,
Незавидненькій щенюкъ,
Низькій, смуглый и сухенькій,—
Що-жъ то? видно, чорту внукъ!
Мабуть, клятый, винъ одминокъ,
Мабуть винъ мары потимокъ;
Винъ изъ биса ростомъ, несъ.
Ну, та якъ-то зажирае,
На ввесь свитъ ротъ роззявляе,
Мовъ-бы хоче зъисти ввесь!

—

О якій-же злый вродився!
Скильки царствъ винъ осягнувъ!
Та и тымъ не насытився,
Ще й на наше зазихнувъ.
Скильки Божого народу
Спикъ въ огни, втопивъ у воду,
. . . . . [1])
Скильки царствъ уже ограбивъ,
Скильки золота награбивъ—
Той голодный бусурманъ!

—

Якъ въ Московщину добрався,
Ставъ бувъ москаливъ ласкать:
Вильность, панства обищався,
Якъ схотять къ ёму пристать.
Думавъ имъ на шию скочить
И якъ дурныкивъ морочить,
Ажъ ба! хтивъ, та нельга взять!
А зась, мурый, нехрещеный!
Каминь зъйжъ, не хлибъ печеный,
Хтилы на тебе плювать!

—

[1]) Здѣсь чувствуется недостатокъ строки.

Москаля вже не огуришъ,
Знае, що ты есь таке!
Тутъ и бабы не піддуришъ,
Давно чули про тебе!
Е въ насъ батько-царь ясніймій,
Винъ для насъ найпредобріймій,
Присягали мы на ёго:
Будемъ ёму угождати,
Кровъ до капли проливати
За батька-царя свого.

—

Далеби, мени ажъ чудно,
Якъ то сьмивъ царемъ ся звать
Бонапартъ, бурлацьке пудло!
Що воно? хотивъ я-бъ знать.
Отъ якъ царь у насъ царює,
Зъ давнихъ предкивъ все пануе;
А то—не знать що таке!
Десь взявся Корсиканець,
Мабуть съ пекла сей поганець,—
А пиды-жъ лихе яке!

—

Видно, винъ одъ чорта злійшій,
Та ще дуже й зажира:
Срибло, злото, що милійше—
Все до-щенту забира.
Церкви Божи обдирае,
На конюшни повертае,
Ламле, палить образы.
Сёго-жъ чуть мы не чували,
Й наши предки не зазнали
Ще такои сатаны.

—

А ще, кажуть, надъ Москвою
Глумивсь дуже бусурманъ:
Зробивъ зъ неи скирту гною
Та й подрыгавъ дальше самъ.
Десь личина зла не знае,
Що Кутузовъ князь гадае:
Тутъ имъ жаба цыцьки дасть!
Богъ намъ, бачитьця, поможе,
Що поганцивъ тутъ положимъ,
Нападе ихъ триста трясць!

—

Якъ прыйшовъ у руське царство,
То и лапки бувъ поклавъ,
Думавъ, тутъ ёго и панство;
Ажъ скобзнувся та й упавъ.
Навивъ пранцузивъ якъ гаду,
Самъ-же мовъ-бы кишка зъ чаду
Бига пинявый, якъ бисъ.
Кинувсь биться зъ москалями,
Ажъ прыйшлось кивать пятами,
Дати драла ажъ у лисъ.

—

Бигавъ, бигавъ, якъ шаленый,
Самъ не знае, що робивъ,
А дали, мовъ торопленый,
Зъ рота й пину попустивъ.
Думавъ, думавъ: «що почати?
Дай писульку написати,
Що вже биться не хочу,—
Зъ ними битись—не дурниця,
Лучче буде помириться,—
Та Кутузову пошлю».

—

Нарядивъ гинця зъ папиромъ,
До Кутузова послявъ;
Той захекавшись, якъ Иродъ,
Къ руськимъ військамъ поскакавъ.
Нашъ Кутузовъ у ти листы
Пидивився, що за вісти,
Такъ ёму одповидавъ:
«Скажи свому отаману,
Що мириться я не стану,
Поки тутъ винъ не пропавъ!»

—

Тутъ поганець самъ безъ духу,
До посланця прискакавъ:
«Ты якого привизъ слуху?
Що Кутузовъ паказавъ?»
— «Миру намъ не хоче дати:
Хоче, каже, насъ карати;
Більшъ балакать не схотивъ».
Тутъ поганець весь зминився,
Зблидъ и знидивсь, зажурився,
Та и руки опустивъ.

—

Эге, а що, вражій сыну,
Чи завився зъ русакомъ?
Покалявъ, не бійся, спину;
Знать, що бивсь не съ прусакомъ!
Се не нимцивъ покаряти,
И не Видень тоби брати:
Заразъ носа тоби втруть.
Стрепенуть за патлы трохи,
Повыскакують и блохи,
И моклыци опадуть.

—

Думавъ, зъ москалями биться—
Все одно що очеретъ косить,
Ажъ прійшло вже и мириться,
Та Богъ-ма! дарма просить!
Ни, поганець, будешъ знати,
Якъ то руськихъ зачипати.
Будешъ довго памъятать,
Якъ въ Московщину забрався;
Мовъ собака тутъ тынявся,
Ще й назадъ прыйшлось тикать.

—

Якъ прыйшлось тоби крутенько,
Въ пику мицно припекло,
То поплився ты швиденько,
Мовъ тебе тутъ й не було!
Посурганивсь мовъ вовчище,
Пидобгавши свій хвостище.
Чи смашного скуштувавъ?
Бижи-жъ къ чорту до поганцивъ,
Обдури ихъ, голодранцивъ,
Що Россію звоювавъ.

—

Ни, звоюешъ, мабуть, вчора,
А сёгодня ще не вмывсь!
Мы забудемъ скоро горя,
Що изъ насъ ты наглумивсь.
Зробимъ мы Москву Москвою,
А Парижъ внизъ головою,
Все пидправимъ до кола!
Мы й Москву збудуемъ сами,
Не поганьскими руками,
Зробимъ кращу, нижъ була.

—

Бонапартъ, мошеникъ, злодій,
У Москви що бачивъ—бравъ,
Страшну силу на пидводы
Бувъ добра наташлувавъ;
Такъ же якъ прыйшлось тикати,
Мусивъ по шляхахъ теряти
Не тильки крадене—й свое:
Срибло, злото, вси добутки,
Хлиба кучи, ружжа, пушки,
Хворихъ пранцивъ—кидавъ все.

—

Отъ злодюжка часомъ краде
Яблучка въ чужимъ саду,
А хазяинъ бува ззаду
Та й збижить якъ на биду:
Дасть винъ драла ажъ до лясу!
Тутъ, гляди, очкуръ ввирвався
И ти яблучка слидомъ
Изъ-за пазухи сыпнуться,
Ему-жъ страшно й озырнуться,
Щобъ не хлиснувъ батогомъ.

—

Такъ той Бонопартъ, злодюга,
Бувъ накравъ багато всёго;
Якъ же ставъ тикать, котюга,
Тоди вже и не до того,
Щобъ крадижку забирати.
Николи й свого хватати,
Радъ,що вырвавсь самъ, якъ пыжъ:
Все покинувъ тутъ поганець,
Лепетнувъ, якъ зъ-ляку заиць,
Ажъ у свійщину—въ Парыжъ.

—

Що-жъ тамъ скаже, якъ спытають:
Де ты військо наше дивъ?
Знаю, збреше, що вертають;
Збоку скажуть, що винъ зъйвъ.
Зъйвъ, та, клятый, не вдавився,
Ще таки въ Парижъ добився,
Може здума йсти випять:
Ще старцивъ або хлопьятокъ
Назбира хиба зъ десятокъ,
А годящихъ нигде взять!

—

Ни вже, якъ ты не вертися,
Тоби зверху не бувать!
Лучче руськимъ поклонися
Та й забудь бильшъ воювать.
Кинь ты вси свои затіи,
Поклонись царю Россіи,
Лучше здайся ёму въ плинъ.
Ты не думай, що сховався,
Якъ у свійщину забрався:
Выпудимъ тебе й звидтиль!

—

Вже коли не змигъ ты биться
Съ тою силою, що мавъ,
А теперъ нехай не сниться,
Щобъ ты руськихъ звоювавъ!
Тоди правою рукою,
А теперъ уже й лившою
Ничого тебе намъ бить.
Ось лишъ ще поткнись до наськихъ,
Зшишъ гостынчикивъ козацькихъ,
Коли змошешъ укусить!

—

Ой, не зважишся вже вдруге
Нисъ въ Россію потыкнуть.
Мабуть вже тебе, котюго,
Й калачемъ не замануть!
Знай-же нашихъ, вражій сыну,
Тай не лизь туды, личино,
Де не влазыть голова!
Знай, що Богъ за виру кревну,
За царя, за правду певну
Завсегда намъ помага!

—

Михаилъ святый собою
Закрыва Кутузова,
Юрій-же своею бронёю
Витгейштейна и Платова:
„Не лякайтесь, кажуть: зъ нами
Богъ и мы тутъ, диты, зъ вами,
Будьте певни вы на насъ!
Идить, быйте корсиканьця,
И безъ жалости поганьця
Вытурлить ёго видъ насъ!

—

Винъ ни се, ни те: родився
Простымъ мясникомъ,—пиды-жъ,
Десь старшій мари злюбився,
Що зробився царемъ въ Парижъ!
Бачиться, зъ ёго й довольно:
. . . . . .[1])
Тилько-бъ жить та панувать!
Такъ-же ни, не вдовольнився,
Ще объ тимъ бачъ зажурився,
Щобъ весь свитъ пидъ себе взять!

—

Поивъ царства, якъ галушки,
И ничимъ не насытивсь:
Не жувавши думавъ руськихъ
Проковтнуть,—та ба, вдавивсь!
Въ горли ставъ москаль, якъ кистка;
Уже кашлявъ винъ, якъ кишка,
А не выхряне, не бійсь!
Мабуть, ûсти перестане,
А живцемъ, та ще й съ кистками,
Вже не стане, не журись!

—

Загубивъ поганець славу,
А святая Русь знайшла!
Стыдно, соромъ ёму стало,
Що къ намъ славонька прыйшла.
Слава Богу Господеви,
Слава руському цареви,
Слава князямъ и грапамъ,
Слава руськимъ всимъ народамъ,
Храбрымъ руськимъ воеводамъ,
Вирнымъ Россіи сынамъ!

—

Я цю славу росказати
Не зумію й не берусь,
А щобъ ïи описати—
И подумати боюсь!
Описать ïи щобъ хвацько,

[1]) Не достаетъ строки, въ риѳму предыдущей.

Треба розуму багацько:
Хоть-бы й Ломонисъ не вмеръ,
То надъ славою такою
Довго-бъ рахувався зъ собою,
Лобъ до мизку винъ протеръ.

—

Славу описати цю
Ще нихто не сподобався

Хоть-бы трохи, а не всю
. . . . . [1])
Та и музы попотіють,
Пяту долю поки вспіють
Описати до ладу;
Аполлонъ-бы поподувся,
Поки-бъ трохи схаменувся
Здумать гарну коляду.

СУДЕБНАЯ «ИНКВИЗИЦІЯ» ВЪ БЫВШЕЙ ГЕТМАНЩИНѢ.

Въ бумагахъ архива генеральной канцеляріи намъ попалась на глаза замѣчательная по своей простотѣ, обстоятельности, ясности, нѣкоторой даже картинности и вмѣстѣ живой народной рѣчи, съ соблюденіемъ даже мѣстнаго произношенія, судебная запись о дознаніи произведенномъ по возникшему въ м. Новомлинскѣ, нѣжинскаго полка, уголовному дѣлу. На тогдашнемъ языкѣ дознаніе носило названіе *инквизиціи*. «Инквизиція», которой списокъ здѣсь предлагаемъ, происходила въ 1713 г., т. е. въ такую пору, когда въ Малороссіи вполнѣ еще сохранялся военный строй, данный ей Хмельницкимъ, когда вся страна дѣлилась на полки и сотни и всѣ жившіе въ предѣлахъ ихъ судились и рядились козачею военною старшиною въ судахъ полковыхъ и въ генеральномъ войсковомъ судѣ. Суть дѣла, выведеннаго этою «инквизиціею», вкратцѣ такова. У одного изъ жителей Новомлинска въ колодцѣ во дворѣ усмотрѣно случайно мертвое дитя. Онъ заявилъ объ этомъ войтовскому уряду; урядъ сдѣлалъ распросы. Нашлась виновная, замужняя женщина, но свалила вину на мужа. Допросили обвиняемыхъ и свидѣтелей, сдѣлали краткую, но точную запись для представленія въ высшую инстанцію, полковую, вѣроятно чрезъ сотенный урядъ. Тутъ цѣлая драма въ основѣ дѣла; тутъ слѣдственная часть во всей ея непосредственной простотѣ и полнотѣ; тутъ масса бытовыхъ чертъ того времени; тутъ наконецъ безпримѣсная почти, притомъ мѣстная народная рѣчь. Много весьма цѣннаго въ этомъ документѣ. Воспроизводимъ его по подлиннику съ буквальною точностію.

[1]) Здѣсь также не достаетъ строки.

«Року 1713, іюня 11 дня. Передъ мене Василя Желѣзняка, атамана городового новомлинского, Івана Тиховского, войта, Грицка Ярусенка, Назара Тимченка и другихъ жителей новомлинскихъ, пришовши, Кондратъ, Басанченкувъ зять, нашъ-же новомлинский житель, говоритъ: пане уряде! сегодня пошла жона моего швакгра до колодезя, якій мѣю увъ огородѣ своемъ на Накрашовцѣ, где мешкаю, води брати и, прибѣгши, кажетъ мнѣ: охъ! мовитъ, Кондрате, въ колодязѣ нашомъ дитина плавлетъ. Я пошовши зъ ею швакгровою икъ колодезю, тую дитину витягъ и положивши въ дому своемъ, вамъ, пане уряде извѣщаю, що мнѣ съ тоею дитиною дѣяти.

Мы врядники сказали ему Кондрату оное заховати и вчинили о томъ опитъ, хто-бы мѣлъ тую дитину въ колодезь укинути.

Теди многіе люде, на Накрашовцѣ мешкаючие, стали намъ врядникомъ доносити, говорачи: пане уряде, Параска, Демка Броварникова дочка, которая сеи клечалнои прошлои недели за Василя Настетченка замужъ ишла, то беременна була, а теперъ чемусь стала тонка и дитина еи не знати где; а помежъ мужъ еи Василь Настетченко съ Кондратомъ, Басанченковимъ зятемъ, мешкаетъ и совокупне колодезь той, въ якомъ дитину теперъ знайдено, себѣ мѣютъ.

Мы врядники на слова людские, зискавши передъ себе Параску Броварниковну, розними способами почали еи о дитинѣ знайденной въ колодезѣ питати. Якая Броварниковна не мало таилася, а потомъ, признаючись, говоритъ: що-жъ, пане уряде, теперешній мужъ мой, Василь Настетченко женихався на мене роковъ изо два, а такъ прошлого року, якъ теперъ знаю, передъ Рождествомъ Христовимъ, у Пилиповку, онъ, Настетченко, пришовъ до насъ, не засталъ въ дому матки моей и брата, кромѣй мене самои. Я, любячи его и взявши горѣлки въ дому своемъ, якая одъ гостей зосталася, зъ нимъ Василемъ напившися и пошовши у хлѣвъ, учинила зъ нимъ на погребѣ грѣхъ. А теперъ передъ клечалною неделею онъ Василь, видячи мене гараздъ беременную, повѣнчався и весѣля стали отправляти, а знаючи, що сусѣде и иные люде околичине накрашувскіе вѣдаютъ тое, пошовъ до Левка Сакгатого и говоритъ Левчисѣ, мовячи: Левчихо, жона моя черевата, то ось я юй дитину вибью, а тихъ людей, которие говорили и говорятъ,

що она черевата, буду позивати, заговѣвши у Петрувку: нехай мнѣ и юй, женѣ моей, тое доказуватимуть. И пришовши отъ Левка Сакгатого, онъ мужъ той у четверъ рано того тижня, якого весѣля було, ставъ мене у хижцѣ полѣномъ быти. Матка его, а моя свекруха, вибѣгши зъ хаты, почала мене черезъ дверѣ хижчини, заглянувши, лаяти: иди, мовитъ, сякая-такая нецното, зѣлье у борщъ криши! Я, вихопившися зъ хижки, почала кришити зѣлье; такъ онъ мужъ мой, ухвативши мене ззаду изненацка за брижѣ и обваливши навзнакъ о землю, почалъ лежачую первей кулачемъ по пудбочу быти, а потомъ, подскочивши, вдарилъ ногами противъ серца; такъ у мене кровъ ротомъ и носомъ полинула и дитина, тилко що памятаю, вискочила. А свекруха, заразъ кинувшися ко мнѣ, дитину, не знаю, чи живую или нѣтъ, ухвативши зъ нимъ, мужемъ моимъ, не вѣдаю где заподѣли, бо мѣнѣ глузди забилъ. Потомъ свекруха зъ нимъ-же, мужикомъ моимъ, зволѣкши мене зъ мѣсця, тамъ-же у сѣнцяхъ на лавочцѣ посадили и свиту зъ мене, якая вся у бруду была, зняли и велѣли мнѣ ополоскати; такъ я зде булшого ополоскала; якая теперъ тамъ у хижцѣ висить, и могла-бъ вамъ, пане уряде, о томъ ознаймити, да по самую прошлую суботу мужъ мой зъ маткою своею мене нѣгде зъ двора не пускали.

Теди мы урядники на тое ей, Параски Броварниковни, сознание велѣли привести ей свекруху, именемъ Настю, а его Василя Настетченка, мужа Броварникового, не зловили,—того-жъ часу, якого дитину зъ колодязя винято, утеклъ, не вѣсть куда; которой Настетчисѣ она Броварниковна наочне предъ нами урядниками и описанними людми тое-жъ, що сознала, говоритъ: да не тайся, панѣ матко, признайся: власная ты зъ синомъ своимъ, а моимъ мужемъ дитину зъ мене вибыли и втопили; грѣхъ минѣ невинне инихъ людей каляти и напрасно говорити.

Мы видячи Настетчиху въ лѣтехъ престарѣлую и тому таючуюся, обовязовали ей Броварниковну совѣстию Божиею, говорячи: чи не зъ ненависти повѣдаешъ ты на свою свекруху и на мужа своего тое говоришъ?—Нѣтъ, мовитъ, пане уряде, готова умерти, а по самой истиннѣ кажу, что она свекруха зъ синомъ своимъ тое учинили. По семъ казалисмо старую Настю нагайками пострашити, чи не признается, якая и подъ каранемъ, живо себе ко Богу

ставячи, не призналася и говоритъ: отнюдь не знаю и не вѣдаю о той дитинѣ. Мы врядъ, шукаючи въ томъ певного доводу, прозвавши Левчиху Сакгатую, которую первей, тожъ Божиею совѣстію обовязавши, питали, якого часу въ дому еи Василь Настетченко бувъ и що говоривъ. Якая Левчиха сказоваетъ: пане уряде, запомнѣламъ, когда онъ Василь Настетченко, до дому моего пришовши, хвалился, говорячи такъ: Левчихо! а я кажу: що?—Жунка моя черевата, то ось я юй петрувченя, що люде говорать, же у Петрувку дитину приведетъ, вибью, да и почну, заговѣвши, тихъ людей, которые говорать на еи, жону мою, «черевата», до права позивати, жеби мнѣ и жунцѣ моюй тое доказовали; и не знаю, чи бивъ онъ Василь еи, свою жунку, или нѣтъ. Мы врядники юй Левчисѣ говоримо: чему-жъ ти намъ о той его Василевой похвалцѣ не извѣстила?—Що-жъ, пане уряде, не токмо я сама тое одъ его чула, але и многимъ людемъ, на улицѣ будучимъ, онъ Василь тое-жъ у слухъ говорилъ.

Которая Броварниковна, теперъ барзо зостаючи хора, и на исповѣдѣ духовному тое, що и намъ врядникамъ, сказала, же свекруха зъ синомъ своимъ тую еи дитину стратили.

О якой справѣ все совершенно прилюдне сюю инквизицию вивювши, предлагаемъ височайшему разсужденію.

Василь Желѣзнякъ, атаманъ городовій новомлинский рукою. Іванъ Тиховскій войтъ зо всѣми врадниками новомлинскіе».

(*М. П.*) № 191. Сообщ. **А. Л—скій.**

ИЗЪ НАРОДНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЦЫГАНЪ.

Полтавской губерніи, лубенскаго уѣзда, въ м. Сорочинцахъ (читатель невольно припомнитъ здѣсь «Сорочинскую ярмонку» Гоголя) жилъ цыганъ Иванъ, нынѣ уже умершій; простолюдье звало его Ивашкой. Отъ него-то и пришлось мнѣ услыхать разсказъ, который и передаю здѣсь въ дословной записи. Но прежде нѣсколько словъ вообще о цыганахъ.

На южно-русской землѣ съ незапамятныхъ временъ поселялось много пришлецовъ различныхъ племенъ: литовцы, ляхи, московиты, армяне, греки, нѣмцы, татары, турки, жиды и цыгане; но ни одни изъ нихъ не присасывались такъ къ южно-русскому народу, какъ

поселенцы двухъ послѣднихъ наименованій. Жиды больше льнули къ панамъ, цыгане къ простому народу. Первые эксплуатировали малорусское поспольство больше за посредствомъ пановъ въ операціяхъ болѣе или менѣе доходныхъ (всевозможныя аренды, гуртовыя скупки), послѣдніе промышляли въ народѣ непосредственно, исключительно по мелочамъ. Бездомные скитальцы, переходящіе изъ села въ село, цыгане, свыкшіеся искоконъ вѣка съ бѣдностію и праздностію, никогда не искали большихъ прибытковъ, довольствовались малымъ, но и это малое извлекали изъ народа легкими способами гаданій и ворожбы, мѣны и обмана, а то и просто кражи. По развитію они гораздо ниже жидовъ, далеко уступятъ имъ въ хитрости и искусствѣ, но превзойдутъ ихъ въ беззастѣнчивой лжи и грубомъ обманѣ. Тѣхъ и другихъ народъ нашъ давно отмѣтилъ самыми не лестными чертами. Въ старинныхъ интермедіяхъ жидъ и цыганъ фигурируютъ всегда въ качествѣ враговъ-обманщиковъ мужика. Но хитрость того и другаго всегда наказывается, и въ народѣ на эту тему ходитъ и теперь множество разсказовъ. Приводимый ниже— одинъ изъ числа ихъ. Онъ записанъ отъ цыгана, но не есть плодъ цыганской мудрости, а указываетъ только на близкую ассимиляцію цыгана-разсказчика съ народомъ, среди котораго ему пришлось жить. Одно изъ немногихъ практикуемыхъ бродячими цыганами ремеслъ есть кузнечное; но чтобы дать просторъ своему обману и легче скрыть его, цыганъ, предлагая свое искусство и трудъ, требовалъ не плату, а въ видѣ мѣны старое желѣзо, которое онъ разъ-за разъ вытягивалъ у заказчика, утаивая данное и требуя прибавки. Украденное желѣзо и было то золото, которое, по разсказу, оставалось въ горнѣ и замѣняло съ избыткомъ плату. Форма мѣновой сдѣлки указываетъ на давность происхожденія разсказа. Въ замѣнъ мѣны жадность цыгана, по народному представленію, придумала плату; но плата получалась, а того *золота* (прибытка), которое оставалось отъ *мѣны*, въ горнѣ уже не стало, стала получаться одна жужелица. Такимъ образомъ въ основѣ разсказа лежитъ мысль о наказанной самимъ Богомъ жадности цыгана, точнѣе его хитрости и обманѣ. Привожу самый разсказъ, запечатлѣнный и непосредственностію народнаго представленія, и чуть замѣтнымъ сарказмомъ, о которомъ, конечно, и не догадывался передававшій его мнѣ Ивашка.

Теперъ, бачите, куепъ-куешъ, та все жужелиця зостаетця въ горни... Таке вопо никчемне, та жужелиця: ни продать ёго, ни зробить нычого... А за давнихъ часивъ, кажуть стари люде, оставалось въ горни—не жужелиця, а золото, таки правдиве золото... Наветь и слова такого *жужелиця* нихто не чувъ. И було, кажуть, такъ, що це зробить цыганъ чоловикови що-небудь—чи тамъ сокиру, чи лемишъ (отъ якъ бы оце й я вамъ роблю, нехай здорови будете), то вже винъ платы за роботу ниякои не бере—и звычаю такого не було, щобъ брать цыганови за роботу; а оте золото, що въ горни зоставалось, ото цыганови й плата... Не погано було!

Коли якось и приходить Богъ до цыгана серпъ зубить.

— Назуби, каже, цыгане, мени серпъ!

— Добре, каже, назублю; тильки, каже, оттака и така плата.

Отто, бачите, такій уже чоловикъ выдався, жадность ёго взяла, а платы, кажу, тоди и въ заводи не було за роботу... А про те цыганови и не въ догадку, що то Богъ: бо бачите, зовсимъ мовъ чоловикъ—хто-жъ ёго зна?

— Якъ, каже Богъ, плата? яка плата?

— Оттака, каже, якъ бачъ; не заплатишъ, каже, то й зубить не буду.

Отъ тоди Богъ розсердився та й каже:

— Ну, каже, коли-жъ вы таки цыганы стали, то не золото вамъ буде въ горни зоставаться, а жужелиця.

— Жужелиця? каже цыганъ, яка жужелиця?

— Побачишъ, каже, яка!

Такъ зъ оттого часу и пишла въ горнахъ скризь жужелиця, слово таке пишло *жужелиця*... А. Р—въ.

ЕЩЕ ИЗВѢСТІЕ О МОСКОВСКОМЪ ПОХОДѢ САГАЙДАЧНАГО.

Напечатанная въ декабрьской книжкѣ «Кіевской Старины» за 1885 г. любопытная повѣсть объ осадѣ Михайлова (рязанской губерніи) Сагайдачнымъ прибавила нѣсколько новыхъ данныхъ къ исторіи малоизвѣстнаго похода этого гетмана подъ Москву въ арміи королевича Владислава, претендента на московскій престолъ. Она напомнила мнѣ краткую выпись о томъ-же походѣ, сдѣланную мною въ давніе годы въ библіотекѣ покойнаго графа Уварова изъ хра-

нящейся тамъ лѣтописи. Это рукопись XVII вѣка, въ 4-ю долю листа, озаглавлена: «Курскій лѣтописецъ» и въ числѣ другихъ рукописей той библіотеки значится подъ № 117. Тутъ на листѣ 63 неизвѣстнымъ составителемъ лѣтописи записано слѣдующее.

«Въ лѣто 7121 отъ малороссійския киевския страны на украинные грады бысть нахожденіе литовскихъ гетмановъ Саадашного и Желтовского со множествомъ воинства. Саадашной же съ воинствомъ своимъ исъ града Путивля пойде на Болховъ, на Белевъ, на Лихвинъ, на Перемышль, на Калугу и много зла сотвори и православныхъ хтистіанъ крови пролия; и отъ Калуги возвратися вспять и шествоваше къ Киеву чрезъ курской уѣздъ, верхъ рѣки Псла, на Думчей Курганъ. И егда мимо градъ Курескъ шествова, тогда къ гражданамъ въ онь и присылалъ отъ себя дву человѣка: обявляя, аки онъ града Курска, уѣзду и въ немъ живущимъ воинству своему заповѣда ни единого зла сотворяти».

Какъ ни незначительно это извѣстіе, мы пріобщаемъ его къ числу другихъ уже извѣстныхъ. Воспѣтый въ пѣсняхъ народныхъ гетманъ Петръ Конашевичъ-Сагайдачный—лице слишкомъ выдающееся въ нашей исторіи, чтобы пренебрегать и самымъ малымъ о немъ извѣстіемъ. Помимо громкихъ подвиговъ его въ борьбѣ съ турками и татарами, это—возстановитель православной южно-русской іерархіи, повсемѣстно уничтоженной вскорѣ послѣ введенія уніи, устроитель и новый фундаторъ кіево-братской школы, уничтоженной пожаромъ въ 1616 г., древнѣйшаго нашего училища—академіи. Лѣтописецъ курскій, въ противуположность рязанскому, не рисуетъ славнаго гетмана только чертами Ирода ненасытнаго, но отмѣчаетъ въ немъ черту великодушія и человѣколюбія, естественнаго, можетъ быть, при окончаніи военныхъ дѣйствій неудачно кончившагося похода, но вмѣстѣ и очень рѣдкаго въ тѣ отдаленныя дикія времена.

Сообщ. **А. Л—скій.**

ВИРША О СОЖЖЕНІИ МЛІЕВСКАГО КТИТОРА ДАНІИЛА КУШНИРА.

Въ дѣтствѣ моемъ, въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, въ селѣ, въ которомъ я родился, жилъ старикъ-крестьянинъ, бывшій очевиднымъ свидѣтелемъ всенароднаго сожженія мліевскаго ктитора Даніила Кушнира въ обозѣ польскаго войска подъ м. Ольшаною (кіевской губерніи, звенигородскаго уѣзда), въ 7-ми верстахъ отъ мѣста жительства свидѣтеля. Въ простыхъ, но одушевленныхъ словахъ старикъ разсказывалъ объ этомъ ужасномъ зрѣлищѣ, прибавляя и о томъ, какое было тогда великое гоненіе на «благочестіе» и какъ сгоняли въ ту пору отовсюду народъ въ обозъ смотрѣть на страшную казнь еретика-схизматика, не приставшаго на унію. Свидѣтель былъ въ числѣ пригнанныхъ въ обозъ зрителей.

Слова старика были уже забыты мною, когда въ 1844 году въ поэмѣ Шевченка «Гайдамаки» воскресъ для меня образъ мученика Даніила въ измѣненномъ нѣсколько, поэтическомъ очертаніи, съ прибавкою непровѣреннаго доселѣ преданія о дочери его Оксанѣ.

Въ 1858—59 гг. при разборѣ бумагъ заштатныхъ монастырей кіевской губерніи и дѣлъ переяславской консисторіи, хранившихся въ архивѣ консисторіи кіевской, мнѣ приходилось не разъ натыкаться на отрывочныя свѣдѣнія о сожженіи Кушнира, но это были упоминанія вскользь.

Въ 1860 году въ только что начавшемся тогда кіевскомъ журналъ «Руководство для сельскихъ пастырей», въ № 2-мъ, было напечатано пр. П. Г. Лебединцевымъ современное произшествію «Сказаніе о страданіяхъ и мученической кончинѣ мліевскаго ктитора Даніила Кушниря», не оставлявшее никакого сомнѣнія въ дѣйствительности этого, невѣроятнаго по своей исключительности, факта. Обстоятельства этого произшествія вкратцѣ таковы.

Предоставленная императоромъ Петромъ I по прутскому договору во власть Польши, съ переведеніемъ козачихъ полковъ на лѣвую сторону Днѣпра, Западная Украйна,—эта, по выраженію лѣтописца, благословенная Богомъ земля, кипѣвшая медомъ и млекомъ, не могла, не смотря на условія договора, оставаться долго въ запустѣніи. Раздѣленная между тремя польскими магнатами,

къ половинѣ прошлаго столѣтія она быстро заселилась выходцами изъ-за Днѣпра. Но едва они успѣли устроиться на новыхъ мѣстахъ, какъ на нихъ обратила свои заботы польско-католическая пропаганда, пожелавшая привести ихъ въ «святую унію» съ римскою церковью. Какъ прежнія, такъ и вновь построенныя украинскія православныя церкви издавна считались въ вѣдѣніи переяславскаго епископа, подвластнаго Россіи; но территорія, на которой онѣ находились, состояла во владѣніи Польши, и кіевскіе уніатскіе митрополиты, резиденція которыхъ находилась въ Радомыслѣ, считали ихъ подвѣдомственными себѣ и не могли допустить во вновь населенныхъ польскихъ мѣстахъ существованія схизмы, или православія, по тогдашнему «благочестія». Поддержанные всѣми силами польской партіи съ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія, они принялись поголовно обращать православныхъ поселенцевъ и ихъ церкви въ унію. Миссіонерами явились офиціалисты польскихъ магнатовъ, владѣвшихъ Украйною, которымъ служило право избранія и представленія кандидатовъ во священники. Съ 1761 г. ближайшее завѣдываніе украинскими церквами поручено было переяславскимъ епископомъ Гервасіемъ славному въ памяти народной, энергическому игумену мотренинскаго монастыря Мелхиседеку Значку-Яворскому. Пошла офиціальная письменная полемика о правѣ церквей и народа быть въ «благочестіи», а не въ уніи. Народъ знать не хотѣлъ уніи, его насильно къ ней принуждали. Мелхиседекъ ободрялъ и поддерживалъ народъ. Въ 1766 г. онъ возвратился въ Украйну изъ Петербурга и Варшавы, обнадеженный заступничествомъ Екатерины и королевскою грамотою о безвозбранномъ исповѣданіи «благочестія». Но въ это время вступилъ въ Украйну оффиціалъ уніатскаго митрополита Григорій Мокрицкій, сопровождаемый массою уніатскихъ священниковъ и козаковъ, нарочито даваемыхъ ему отъ полкихъ пановъ. Начался повсемѣстный отборъ церквей на унію, изгнаніе православныхъ священниковъ и монаховъ и насильственное принужденіе населенія къ уніи. Непосредственное дѣятельное участіе во всемъ этомъ принимала польская шляхта: комиссары, губернаторы, арендаторы, поссесоры, жондцы, экономы и ихъ писаря. Въ тоже время вступилъ въ Украйну и сталъ обозомъ подъ м. Ольшаною регименгарь польскихъ войскъ Вороничъ, разсылая отъ себя отряды для той-же священной цѣли, подъ

предлогомъ удержанія народа въ спокойствіи. Завязалась страшная борьба, разрѣшившаяся уманскою рѣзнею 1768 г. Всѣхъ не пристававшихъ на унію нещадно сѣкли, народъ отягчили страшными реквизиціями и постоями, монаховъ забивали въ кандалы и отсылали въ Радомысль, священникамъ брили бороды и стригли волосы на головѣ, церкви отбивали съ командами козаковъ и передавали уніатамъ. Безоружные и безсильные крестьяне спасали утварь и сосуды и прятали въ ямахъ и лѣсахъ. При отборѣ одной изъ церквей въ м. Мліевѣ (нынѣ черкаскаго уѣзда) тоже сдѣлалъ староста оной, съ другими прихожанами, благочестивый старецъ Даніилъ Кушниръ. Сдѣлавъ три земныхъ поклона предъ св. чашею, онъ благоговѣйно обернулъ ее церковной пеленой, снялъ съ жертвенника и спряталъ у себѣ въ коморѣ. По правиламъ церковнымъ чаши не можетъ брать въ руки человѣкъ непосвященный; въ этомъ была вина Кушнира; но къ ней присочинили невѣроятную клевету, будто онъ ходилъ съ чашею въ кормчу, пилъ изъ нея водку и закусывалъ св. дарами. Его заковали въ желѣза, доставили въ обозъ; тутъ судили и присудили къ сожженію. 27 іюня, день св. ап. Петра и Павла, назначено было днемъ казни: согнали множество людей для устрашенія: вывели старца, поставили среди обоза, обвертѣли ему руки пенькою, осмолили смолою и зажлги. «Господи Боже мой! что сіе мнѣ подалъ еси?» взывалъ старецъ въ страшныхъ мукахъ. «Воля твоя святая на мнѣ да будетъ! Боже мой, пріими духъ мой!» Обгорѣли руки; приступили къ отсѣченію головы. «Не бойся, старче! Богъ съ тобою! говорилъ палачъ, завязывая глаза. «Я не боюсь, отвѣчалъ страдалецъ: дѣлай. что тебѣ велятъ». Тогда отсѣкли ему голову и взбили оную на палю и гвоздемъ большимъ желѣзнымъ прибили, а тѣло сожгли. И виднѣлась голова мученика отъ іюня до конца сентября, а пепелъ съ нѣкоторою частію костей загребли люди близкіе въ ровикъ небольшой. Позже голова была снята съ пали, перевезена въ Переяславъ и епископомъ Гервасіемъ торжественно похоронена въ церкви михайловскаго монастыря.

Меня давно занималъ вопросъ о томъ, отмѣчено-ли въ пѣснѣ народной это трагическое событіе. И вотъ недавно такая пѣсня нашлась въ рукописномъ сборникѣ извѣстнаго, старѣйшаго нашего собирателя народныхъ пѣсенъ, П. А. Лукашевича, съ отмѣткою, что она спи-

сана съ сборника 1767 г., слѣдовательно современна самому событію. Вотъ текстъ этой любопытной пѣсни.

Захотила Смилянщина виру утвердити,
Восточному цареви главу преклонити;
Заразъ стали бидныхъ людей въ обозъ выгонити.
Да вчинилы ляхи-паны межъ собою справу,
Розигналы вирныхъ людей въ московськую страну;
Худобы ихъ забирали, монастыри драли,
А ще биднымъ христіянамъ й страхъ завдавали.
Да вчинили вражи ляхи у Вильшани славу,
Да отняли Даніилу Мліевскому главу,
Тило его повелилы огнемъ испалити,
Главу его а до пали изъ гвоздьемъ прибити...
Вражи сыны жидыченьки тоди израдилы,
Якъ ктитора Данiила на пали узрили.
А въ той часъ страхъ великій людямъ завдавали,
Усихъ людей до едности на виру навертали.
Сподивались на йгомена, що винъ зарятуе,
А винъ тилки ѣздячи по Украинѣ да ляхивъ дратуе.
Заплакали стари люде и малыи диты:
«Горе, горе намъ на свити, що нигде прожити!»
Телепенци зъ Вербинцями, дайте соби руки,
Ожидайте на тимъ свѣти пекельнои муки!

Пѣсня нѣсколько отдаетъ книжностію; но какая естественность и сила слова, какъ глубоко и вѣрно понятъ общій ходъ тогдашнихъ событій, какое глубокое чувство всенародной скорби и едва не отчаянія. «Горе, горе намъ на свѣти, що нигде прожити!« Немногими штрихами пѣсня отмѣчаетъ роль игумена Мелхиседека: «ѣздить по Украйни та ляхивъ дратуе». «Телепенци и Вербинци» — это жители сс. Телепиной и Вербовца (черкасскаго уѣзда), вѣроятно, приставшіе на унію; имъ грозитъ авторъ «пекельною мукою». Такъ и видно, что пѣсня слагалась подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ совершавшихся событій.

Ѳ. Лобода.

Н. В. ГОГОЛЬ ВЪ ГАДЯЧСКОЙ РАТУШѢ.

Прочитавъ эти слова, не подумайте, читатель, чтобы знаменитый нашъ писатель былъ при какихъ либо занятіяхъ въ гадячской ратушѣ или имѣлъ въ ней какое либо дѣло. Нѣтъ, я хочу передать вамъ одинъ лишь фактъ случайнаго посѣщенія Н. В. Гоголемъ гадячской управы, на который также случайно пришлось мнѣ натолкнуться въ весьма недавнее время.

Гадячь—ранговое гетманское имѣніе—городъ прекрасный: отличается благорастворенiемъ воздуховъ и вслѣдствіе того долговѣчностію живущихъ въ немъ. Хотите Маѳусаиловъ вѣкъ прожить—поѣзжайте въ Гадячь. Представьте себѣ, тамъ живутъ и доселѣ бывшіе члены ратуши, видѣвшіе Гоголя еще въ 30-хъ годахъ.

Сидѣли мы какъ-то съ моимъ гадячскимъ пріятелемъ въ домѣ его дѣда, глубокаго старика, и за чашкой чаю толковали о памятникѣ великому нашему писателю. У насъ возникъ даже споръ о томъ, какой пунктъ предпочтительнѣе слѣдовало-бы избрать для постановки памятника: Петербургъ или Миргородъ, Москву или Сорочинцы. Вслушавшись въ нашъ споръ, старикъ неожиданно обратился къ намъ съ вопросомъ: «та про якого се Гоголя вы говорите?» Мы обстоятельно объяснили ему, кто такой Гоголь, зная, что старикъ никогда никакихъ книгъ, кромѣ развѣ божественныхъ, не читалъ и о Гоголѣ-писателѣ ничего не слыхалъ.

Къ удивленію нашему, оказалось, что старикъ зналъ Гоголя, хотя и не по книгамъ, видѣлъ его лично и сохранилъ объ немъ понятіе, какое имѣли о немъ многіе изъ его современниковъ, даже не изъ гадячскаго круга.

— Це, значиця, той, що прыиздивъ до насъ на ревизію зъ губернаторомъ, замѣтилъ на наше объясненіе старикъ.

Я поспѣшилъ увѣрить его, что Гоголь въ провинціи на гражданской службѣ не состоялъ и съ губернаторомъ на ревизію пріѣзжать не могъ.

— Та якъ-же звали того Гоголя, що отъ вы про ёго говорите? спросилъ меня старикъ.

— Это Николай Васильевичъ, а вы вѣрно какого нибудь другого видѣли, отвѣчалъ я.

— Такъ, такъ; такъ и казали тоди, що Миколай Василёвичъ. Це винъ самый и есть.

Мы попросили старика разсказать, когда и при какихъ обстоятельствахъ онъ видѣлъ Н. В. Гоголя съ губернаторомъ на ревизіи, и онъ передалъ намъ слѣдующее.

«Було се въ 1833 чи въ 34 годи,—гараздъ не памятаю. Наставъ у насъ новый губернаторъ, а якъ на прозвище, тако-жъ не памятаю,—багато ихъ перевернулось на моимъ вику. Пишла чутка, якось литомъ, що буде ûздити по губерніи, а мы въ ратуши служили. Отъ прыйшла бумага така; прыбигъ засидатель и написавъ докладчикови рапортъ якійсь и намъ всимъ членамъ росказавъ, якъ одягтись, якъ стоять и що казать. Струсъ великій бувъ; сказано: губернаторъ. Коли прыиздить. Входить до ратуши, а за нимъ слидкомъ якійсь чиновникъ, такъ худенькій, трошки довгобразый, русявый и очима все такъ зыркъ, зыркъ. Стоимо мы въ паради, а И. П., нашъ докладчикъ, выступивъ передъ губернатора, одставивъ трохи ногу для поваги та якъ вриже той рапортъ на память: самъ ажъ трусиця, а все риже та риже. Губернаторъ щось трошки насупився, а той, що позадъ ёго стоявъ, хмыкавъ-хмыкавъ та якъ зарегочеця на всю ратушу, ажъ мы здивувались. Тутъ струсъ, присутствіе, начальство, а винъ регочеця. Губернаторъ трохи озырнувся, щось стиха промовивъ до того, а дали каже: довольно, довольно. А потимъ спитавъ щось голову, повивъ очима по ратуши та заразъ посыпихомъ зъ ратуши, а той за нимъ. Отъ мы й стали тоди роспитувать, що воно за блазенъ, що регочеця при всихъ; то намъ и росказали, що то Гоголь, писатель такій, и сами таки чули, якъ губернаторъ казавъ до ёго: Миколай Василевичъ. «Оттакъ, казали, ûздить винъ всюды та розглядуе, а потимъ пише, а паны читають та сôби регочуця». Дивувались мы зъ того, и гнивались таки, та що робить? Писатель, кажуть; думали, що то чинъ такій на ёму и що мае винъ таке право. А то... атъ, не знать що».

Ничего нѣтъ невѣроятнаго въ томъ, что Гоголь, который такъ живо подмѣчалъ всякую несообразность, противорѣчіе, фальшь, не могъ удержатся отъ смѣха при видѣ благодушныхъ, полусонныхъ гетманцевъ, нарядившихся въ залежавшіеся въ ихъ скрыняхъ мундиры и трехъугольныя шляпы съ несмертоноснымъ оружіемъ при боку, и этого доклядчика съ его гадячскимъ прононсомъ, «рѣжущаго»

наизустъ сочиненный засѣдателемъ рапортъ. Насъ не могъ не заинтересовать самый разсказъ объ этомъ мелочномъ, случайномъ обстоятельствѣ въ жизни Гоголя, какъ указаніе на то, какимъ путемъ давались ему его дивные, полные жизни портреты, и мы пустились въ дальнѣйшіе распросы; но увы! ни дѣдъ моего пріятеля, ни уцѣлѣвшій въ живыхъ самъ докладчикъ, «рѣзавшій» рапортъ, ни еще одинъ изъ членовъ ратуши ничего уже не могли прибавить къ приведенному выше разсказу. Да и что къ нему могло-бы прибавиться? Остается желать получить свѣдѣніе о томъ, кто былъ въ ту пору губернаторомъ въ Полтавѣ, въ какихъ отношеніяхъ стоялъ къ нему Гоголь и была-ли поѣздка его съ нимъ случайною или напередъ условленною.

Не разъяснитъ-ли этого обстоятельства такъ много вѣдающій о Гоголѣ нашъ извѣстный библіографъ, почтеннѣйшій С. И. Пономаревъ?

А. Луговой.

нѣмецкую 2 р. 50 к. Въ вечерѣ были у насъ пѣвчіе дворяне Коченевскій и Рубановскій.

26. За оправу двохъ книжекъ 40 к., за исторію троянскую 75 к. Обѣдали зъ Гудовичомъ у Коченевского.

27. Писалъ отозвъ до Ивана Гамалія. Уговоренъ для ученія дѣтей рисовалный майстеръ Мойсей Бериганъ при инженерномъ корпусѣ на мѣсяцъ по 6 р. Въ вечеру были на комедіи французкой.

28. Послѣ полдна былъ зъ Гудовичемъ у сенатора Шувалова, где и секретарь Новоторжцовъ былъ-же взглядомъ индуктивного дѣла. Матушка великія княгини, принцесса ангалтъ цербская отехала изъ Санктъ-Питербурха. Писалъ до Скоропадского зъ посилкою указа сенатского стороны Чаусъ.

29. Капралу гвардіи измайловского полку Лутавинову, по писму Скоропадского, дано 25 р., въ чомъ онъ на томъ-же писмѣ и росписался, а отъ себе писалъ писмо къ полковнику Тютчеву объ отдачѣ тѣхъ денегъ.

30. Государиня со всѣмъ гофъ-штатомъ изволила зъ лѣтнего въ зимный переехать дворецъ, и палено для того зъ пушокъ. Писалъ къ Скоропадскому объ оныхъ 25 р. денгахъ, позиченныхъ Лутавинову, и росписку его тамъ-же включилъ, а до жены о Суховерховѣ.

Октоврій.

1. Были въ дворцѣ и у ручки государини, потомъ у бунчучного. Семенъ Пустота и Журавко простились и отехали.

3. Инфортатору Юнгансу на расходы даны сто руб.

4. У бунчучного обѣдали съ Коченевскимъ и другими, где и розговоръ былъ о индуктѣ. На комедіи были италіанской.

5. Зъ сего противъ слѣдующого числа ночю великая вода была зъ моря.

6. Были въ дворцѣ у ручки государини, у великого князя и великой княгини. Розышлось на яблоки 15 к., за газети и казанье 17 к., сину Василю 14 к.

7. Обѣдали у бунчучного и вечеромъ купно съ нимъ были у Рейсхъ графа и какъ виноградомъ, такъ и виномъ почтованы отъ него и де якіи держали розговоры, въ томъ числѣ и о гетманѣ; потомъ были на комедіи французкой.

8. За мытье платя и направу бачмаковъ 26 к., за направу фляши мѣдной 15 к., секретарь Новоторжцевъ обѣдалъ у насъ и до позна бавилъся.

9. Вечеромъ были у Шостелникова. На чоботы Рудому дано 50 к.

10. Обѣдали у бунчучного, потомъ были у г-жи Розумовской, а послѣ на комедіи италіанской. За 5 замковъ желѣзныхъ 96 к., за молотокъ 15 к.

11. Получилъ писмо и далъ почтарю 4 к. Вѣдомость пришла Гудовичу, что синъ его недавно рожденный умеръ.

12. Рано были у генерала фелдмаршала князя Долгорукова и обѣдали у него.

13. Превеликое было наводненіе. У Федора Ивановича Коченевского обѣдали всѣ.

14. Камеръ-юнкеръ Сиверсъ вѣнчалъся съ своею невѣстою въ киркѣ лютеранской, а свадба его была въ государевомъ дворцѣ съ обычнымъ церемоніаломъ.

15. Обѣдали у бунчучного. Пошло на камфору и за мытье платя 20 к.

16. Морозъ и малый снѣгъ былъ. За газеты и на карандашъ 20 к. Были на комедіи французкой.

17. Государиня изволила быть на освященіи новой церкви въ корпусѣ кадецкомъ. Бунчучный зъ женою былъ у насъ. За шпигинаръ дано 6 к.

18. Золотарю за роботу и за золочене печаты до дипліома дано 17 р. 6 к., за трость 1 р. 94 к. На позлотку 2 червоніи.

19. За направу кожуха Рудому и чоботъ и за газеты 28 к.

20. Подписанъ именный указъ о квартерѣ и трактаментѣ, которого копію отъ Р. графа привезъ Иванъ Тимофіевичъ Золотовъ.

21. Рано бывъ въ дворцѣ, кланялись государини, отежджающей въ Царское Село, и у ручки были, потомъ обѣдали и до позна пробавили у г-жи Розумовской.

22. Писалъ писма до Скоропадского, до жены и до Іосифа. За полотно на фоту для голѣня (бритья) дано 23 к.

23. Обозный генералный ради своего тезоименитства принималъ гостей, изъ которыхъ вечеромъ и Александръ Ив. Головинъ, адмиралтейскій интендантъ, былъ, а маіоръ Александръ Александ-

ровичъ Прибышевскій и обѣдалъ съ протчими. За 6 паръ чашокъ болшихъ зъ кришками дано 2 р. 40 к.

24 Именный указъ о квартерѣ отданъ Н. Юр. Трубецкому. Ночю былъ пожаръ. Нева, что при Василевскомъ островѣ, стала. Розышлось 59 к.

25. За 12 паръ ножовъ чорныхъ 1 р. 20 к. Государиня ночю прибыть изволила.

29. Випалъ снѣгъ ночю. Рано мы были у Р. графа. Государиня изволила быть у оберъ-гофъ-маршала Дмитрія Андріевича Шепелева, ради тезоименитства его.

27. Рано были въ дворцѣ, а по полдни у капитана поруччика Марковича, да у маіора преображенского полку Ивана Ив. Косогова. За пакетъ, по почтѣ до Глухова отпущенный, дано 25 к. За газеты 6 к.

29. Обѣдали наши у капитана измайловского полку, князя Сергія Ивановича Барятинского. За пластыръ 24 к. На розницю 21 к.

30. Обѣдали въ монастырѣ Невскомъ у преосвященного архіепископа с.-п.-бурского Феодосія, купно зъ преосвященнымъ сарскимъ и подопскимъ. Тамъ-же съ нами обѣдала и дворцовая каморъ-юнфера, Евдокія Ивановна Вергуновская.

31. За окуляри дано 25.

Ноеврій.

1. Обѣдали у бунчучнаго ради его именинъ, где были и Преосвященный с.-п.-бургскій и г-жа Розумовская съ прочими.

2. Выдано намъ вдругъ за два мѣсяци жалованья 252 р. 25 к.

3. Были въ дворцѣ у ручки великого князя и великой княгини. Въ вечеру ездили къ Александру Ивановичу Головину панъ обозный зъ бунчучнымъ.

4. Петръ Стефановичъ Прютченко преставился. Свадба въ дворцѣ была камеръ-юнфери Евдокіи Ивановнѣ Вергуновской.

5. Петръ Прютченко погребенъ въ Невскомъ. Писаны писма въ Глуховъ до Скоропадского, до Іосифа и до жены.

6. Оные писма вручены Шатиловскому [228]), отежджаючому въ

---

[228]) Филимонъ Шатило или Шатиловскій отецъ Афанасія Шафонскаго, автора Описанія черниговскаго намѣстничества.

Малороссію. Камергеръ и кавалеръ князь Петръ Михайловичъ Голицинъ женился, въ дворцѣ вѣнчался и тамъ-же была сватба.

7. Юнгансу даны сто руб. на росходъ.

8. Обѣдали у г-жи Розумовской. Писаны писма въ Глуховъ до Скоропадского, до Іосифа, до жены и до обозного полкового стародубовского Юркевича, чрезъ салдата отпущены.

9. Рано были у гг. фелдмаршаловъ князя Долгорукова и к. Трубецкого, а обѣдали у графа Румянцова. За газети 6 к.

10. Въ дворцовой церкви посвященъ епископомъ костромскимъ и галицкимъ архимандритъ кіево-братскій, отецъ Силвестръ Кулябка, а посвящалъ преосвященный Платонъ Малиновскій, архіепископъ сарскій и подонскій, съ другими архіереями. Ночю спѣгъ выпалъ.

11. По обѣдѣ были у П. Шувалова, у к. Куракина. Въ вечеру былъ Головинъ съ женою у обозного генералного.

12. По обѣдѣ былъ у преосвященного тверского. Писалъ до писаря суда генералного Івана Василевича Пиковця съ посилкою писемъ отъ Алексія Требинского.

13. За вѣдомости даны 35 к., по полдни были у насъ Новоторжцовъ, Коченевскій и бунчучный.

14. Обѣдали наши у бунчучного, я въ квартерѣ. На яблоки 10 к. Вечеромъ были Королкевичъ и Данилевскій. Сину Василю на бачмаки и митье платя 1 р., за камортухъ на манжеты 1 р. 20 к.

15. За двѣ пушки чайные мосіенжные дано 80 к.

16. За шесть паръ чашокъ фарфурныхъ 1 р. 70 к.

17. Золотописцу, взявшому додѣловать дипломъ, дано 3 р. Обѣдали у преосвященного переяславского Арсенія Могилянского.

18. Вечеромъ были у г-жи Розумовской.

19. Съ діакономъ Савіцкимъ, придворнымъ проповѣдникомъ, былъ Журманъ, потомъ бунчучный съ Новоторжцовымъ. Розышлось 8 к.

20. Обѣдалъ я и Гудовичъ у г. Розумовской зъ г. Кириломъ Григоріевичемъ и Тепловымъ.

21. Были въ дворцѣ и у г. Кирила Григоріевича. Обѣдали у преосвященного тверского купно съ г. Розумовскимъ.

22. За шесть паръ чашокъ чайныхъ фарфурныхъ съ золотомъ 2 р.

23. За одну пушку мосіенжную чайную 40 к.

24. Великую княгиню поздравляли тезоименитствомъ и у обоихъ у ручки были.

25. Ради празднованія вступленія на престолъ ея императорского величества была проповѣдь въ церквѣ дворцовой, говорилъ преосвящ. Кулябка. По службѣ были у ручки государини, а въ вечеру въ салъ галдареи и въ большой салѣ, гдѣ изволила государиня кушать съ лейбъ-компанцами. Графъ Алексій Григоріевичъ Розумовскій капитаномъ лейтенантомъ, а Александръ Ивановичъ Шуваловъ поручикомъ лейбъ-компаніи пожалованы.

26. Vacat. 27. Капитану поручику Василю Марковичу сынъ, нареченный Евграфъ, родился. Рано поздравляли рангомъ новопожалованнымъ г. Розумовского, а вечеромъ Василя Никитича Репнина фелдцеймейстерствомъ.

28. Еще даны Юнгансу 30 р. За маніфестъ короля прусского 30 к.

29. Писаны писма чрезъ зятя полковника лубенского, князя Петра Сергіевича Долгорукова [350]) до Скоропадского, до Іосифа и до жены.

30. Поздравляли по домамъ кавалеровъ ордина святого Андрея, потомъ были въ дворцѣ, гдѣ въ церквѣ имѣлъ проповѣдь семинаріи невского монастыря ректоръ, отецъ Гавріилъ Камѣнскій.

Декабрь.

1. Рано были у графа Алексія Григоріевича Розумовского и писмо отъ старшины генералной къ ему писанное мною подано, а въ вечерѣ были у его-жъ сіятелства обозный и бунчучный генералные и Гудовичъ.

2. За полфунта чаю дано 1 р. 12½ к.

3. Дѣла наши нѣкоторые слушаны въ сенатѣ.

4. При писмахъ до Іосифа и до жены отправлена посилка съ людми полковника компанѣйского Василія Чоснока, а именно чрезъ Наума: дзигаръ стѣнный, зъ двома вагами (гирями) въ пудлѣ, тамъ-же замковъ нѣмецкихъ 5 желѣзныхъ зъ ключами и обценки, кунтушъ штофовый подъ песками, два кафтаны бѣлыхъ, футро лисее зъ-подъ кунтуша зъ карванами, и сее увинуто въ старомъ килимцѣ, три пушки жолтіе, въ томъ числѣ: въ одной чай зеленый, 12 паръ ножовъ чорныхъ, 3 посуды фарфурные высокіе съ криш-

[350]) Мужъ Софьи Петровны Апостолъ.

ками, пара сосудовъ низкихъ съ крышками-жъ, 24 пары разныхъ цвѣтовъ чашекъ чайныхъ зъ мисочками, а 6 паръ зъ крышками, да одна мисочка съ подножіемъ мосіенжнымъ, чайникъ фарфурный, столикъ чорный каменный.

6. У того-жъ отца Софронія исповѣдалъся и по благости Божіей удостоилъся причастится на ранной службѣ Божой, а потомъ, ради тезоименитства моего, были у менс на кушаню гости, въ томъ числѣ г-жа Розумовская зъ дочерми. Генералъ-маіоръ и гвардіи маіоръ Іванъ Ивановичъ Косоговъ, Федоръ Ивановичъ Коченевскій, бунчучный зъ женою и сестрою его и протчіе.

7. За екземпляри изъ медаліовъ оловянніе дано 70 к.

8. Юнгансу заплатилъ за нѣкоторую имъ справованную покупку 60 к.

9. Обѣдали у г-жи Розумовской.

10. Писалъ до Красінского въ Москву. Государиня изволила прибыть зъ Гостилици.

11. Юнгансу дано еще 70 р. на росходъ.

12. Здѣлано, а 13 подано въ сенатъ доношеніе объ індуктѣ. 14 прибылъ зъ Глухова куріеръ Андрей Глинскій.

15. Бунчучный со всѣми своими, а съ нимъ и Семенъ Кочубей віехали къ Москвѣ, а до войта нѣжинского пріехалъ куріеръ.

16. Полковникъ Чосновъ и сотникъ Лисаневичъ переехали на нашу квартеру.

17. Писаны писма въ Глуховъ до Скоропадского, до Іосифа и до жены.

18. Ради праздника рожденія ея імператорского величества стоящіе полки въ строю палили трижды бѣглымъ огнемъ и палено-жъ зъ пушокъ. Послѣ службы Божой казанье говорилъ преосвященный Платонъ Маліновскій. У стола государева и мы обѣдали съ офицерами гвардіи, а по обѣдѣ былъ балъ и преизрядная на Невѣ противъ дворца, и при корпусѣ кадецкомъ, да и въ крѣпости иллюмѣнація.

19. Куріера, зъ Глухова пріездившого, писаря Андрея Глинского отправили къ Глухову, чрезъ котораго и вышеписанные писма отпущены, и до Івана Гамалія, тако-жъ до Красінского въ Москву писалъ.

20. За здѣланные сину 3 рубашки зъ манжетами заплачено Антонисѣ 1 р., за сосудъ оловяный до голѣня 35 к., да за другую мѣлочъ 36½ к.

21. Обѣдали у генерала інтенданта Александра Ивановича Головина.

22. Въ вечеру дозорца шептаковскій Гулевичъ отехалъ, чрезъ котораго до жены писалъ я и синъ Василь.

23. Знову писалъ до жены по почтѣ и вручилъ то писмо графу Мойсею Владиславичу, а также писалъ и до Скоропадского о Чаусахъ и о деньгахъ, зъ медицинской канцеляріи отдаючихъся.

24. Сину Василю на чолки данъ 1 р.

25. Въ сей день Рожества Христова слушали обѣдни въ церкви святого Симеона, а по полдни пріездилъ къ намъ капитанъ поруччикъ Марковичъ съ нѣкоторымъ обнадеживанемъ отъ графа Розумовского.

26. Были съ поздравленіемъ у канцлера, у обоихъ Шуваловыхъ, у князя Никиты Юревича Трубецкого, у г. Кирила Розумовского, у графини Чернишевой, у духовника и у графа Румянцова.

27. У фелтмаршаловъ князей Долгорукого и Трубецкого, у г. Ушакова, у генерала крикъ комисара Стефана Федоровича Апраксина, у г-жи Розумовской и тутъ обѣдали. Вечеромъ были у войта Тарнавіота.

28. Рожденіе моей жены праздновалъ въ квартерѣ.

29. Іванъ Забѣла, молодый, обтовскій, пріѣхалъ. Вечеромъ были у Ігната Кириловича Полтавцова.

30. Отехалъ Левъ Сорока за Кочубеемъ къ Москвѣ.

31. Вечеромъ были у генерала інтенданта Александра Ивановича Головина и у него-жъ вечеряли, и тако сей годъ оконченъ. Слава Богу!

1746 годъ.

Мѣсяцъ генваръ.

1. Былъ въ дворцѣ и тамъ по службѣ Божой слушали казанья, которое имѣлъ архимандритъ рождественскій володимерскій, Платонъ Пстрункевичъ.

2. Въ вечеру были у насъ въ квартерѣ князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, оберъ-шталъ-мейстеръ, и Александръ Ивановичъ Головинъ, генералъ-інтендантъ отъ адмиралтейства.

3, 4, 5, 6, 7 и 8. Vacant.

9. Семенъ Василіевичъ Кочубей прибылъ изъ Москвы. Изъ главной медицинской канцеляріи взялъ позикою денегъ 300 р. и далъ на оные два векселя, для отданія тихъ-же денегъ въ Лубняхъ въ тамошнюю аптеку; изъ тихъ-же денегъ далъ Jugancy 100 р. Въ вечеру была опера Тита Веспасіана въ комедіальномъ домѣ.

10. За 3 книжки въ академію 93 к., за календарь большой 15 к., за календарь придворный 20 к., за гербовую бумагу 6 к.

11. Вечеромъ были у графа Розумовского въ собственномъ его домѣ и имѣли розговоръ о дѣлахъ нашихъ, въ сенатѣ сущихъ, съ П. І. Шуваловымъ.

12. Были въ дворцѣ на службѣ, а у насъ вечеромъ Ія Журманъ и Александровичъ.

13. Подана челобитная въ сенатѣ о дѣлѣ съ Соколовскими, за которой переписку дано 20 к. Писаны писма до Скоропадского и до жены, да въ Москву до Красінского чрезъ пѣвчого придворного, посланного въ Малую Россію для выбору пѣвчихъ. Запасъ отъ Скоропадского пришолъ.

14. Въ домѣ графа Алексія Григоріевича Розумовского былъ сговоръ Семену Василіевичу Кочубею[231]) съ двоюродною сестрою графскою, Ксеніею Герасимовною (Демешко), и ихъ-же размѣнано перстнями, которые обоимъ, жениху и невѣстѣ, сама государиня отдавать и на руки наложить изволила; потомъ была вечеря, где и мы у стола сидѣли и кушали, а по ужинѣ были салти, до конхъ и насъ употреблено; тогда-жъ графъ принесъ золотую табакерку съ алмазами и подарилъ Кочубею.

15. Петръ Савичъ прибылъ въ С.-Пбурхъ. Поддячому дано 20 к.

16. На квартерѣ у Журмана имѣли перегоноръ зъ войтомъ нѣжинскимъ Тарнавіотомъ. Писмо писалъ къ Скоропадскому зъ посилкою календаря.

17. Купилъ цѣны (цинковой посуды) два пуды и 8 фунтовъ, въ томъ числѣ большихъ полумисковъ 6, малыхъ 6, талѣрокъ глубокихъ 2 тузни, мелкихъ 1 тузінъ, дано 17 р. 60 к.

---

[231]) Семенъ Кочубей, внукъ В. Л. Кочубея, р. 1725, † 1779 года. Благодаря родству съ Разумовскими, Кочубей тогда-же, въ годъ женитьбы, сдѣланъ былъ нѣжинскимъ полковникомъ, а въ 1751 году генеральнымъ обознымъ. Умеръ членомъ малороссійской коллегіи.

18. Оная цѣновая посуда, да еще блюда 3 съ крышками, въ томъ числѣ одно болшое, двѣ меншихъ, ножовъ съ бѣлыми черенками паръ 24, двѣ кострулки и 1 выжигалница мѣдные, отпущены при писмахъ до жены и до Іосифа чрезъ Івана Сербиновского, служителя Скоропадского, и до его-жъ при помянутомъ писмѣ посланъ календарь, а до Красінского въ Москву писалъ о нашемъ запасѣ и объ отпускѣ нашого-жъ человѣка въ домъ. Дано Афонѣ 10 к., Кирилу Скоропадского 10 к. Матушка г. Розумовского отехала изъ С.-Шітербурха.

19. Были въ дворцѣ и допущены къ ручкѣ государини. Проповѣдь имѣлъ діаконъ отецъ Савіцкій. Вечеромъ была комедія французкая.

20. Писаны писма до Скоропадского, до Гамалія, до Іосифа и въ домъ до жены, чрезъ полковника Василія Чоснока, сегодня поутру отехавшого.

21. Видѣлъ въ сенатѣ резолюцію по челобитнымъ моей и Соколовского. Обѣдалъ у Федора Івановича Коченевского. Даны хлопцю Максиму именинніику 9 к., Грицку на поясъ 25 к.

22. Писалъ писма чрезъ капрала гварнизону глуховского до Скоропадского и до Іосифа подъ конвертою, на імя полковника Делятура подписанною. Пріехалъ Бѣлоцерковець.

23. Въ сенатѣ былъ съ Гудовичемъ призыванъ за табель о рангахъ.

24. Писма зъ Глухова и изъ дому получилъ, тако-жъ 200 р. и 20 червоныхъ. Отъ Шоха отобралъ для отдачи червоныхъ слузѣ Валкевичевому Соколовскому. Писалъ чрезъ сотника ірклѣевского Алексія Требинского до Скоропадского, до Іосифа и до жены въ домъ.

25. Дѣйствительный тайный совѣтникъ и кавалеръ Александръ Львовичъ Нарышкинъ преставился. Помянутому Соколовскому 20 червоныхъ, а Андрею Вітѣцкому за коня его, проданного по писму Скоропадского, 9 руб. отдалъ и взятые у нихъ въ пріемѣ тихъ денегъ росписки включилъ въ писмо до Скоропадского чрезъ капрала глуховского гварнизону 7-й роти Івана Гаврилова.

26. Оный капралъ отехалъ.

27. Василю сину дано на бачмаки 50 к.

28. Въ крѣпости, въ церквѣ петро-павловской была панихида по государѣ імператорѣ Петрѣ I, на которой всѣ господа знатные были.

29. Обѣдали въ монастырѣ Невскомъ у намѣстника свінского Луки, потомъ были и у архіереевъ с.-петербургского и вятского.

30. Обѣдалъ у насъ секретарь Новоторжцевъ.

31. Писалъ писмо до жены чрезъ Мглинъ, чрезъ келейника преосвященного новгородского. Канцелярістъ Лебедь отехалъ. Кухтику Івану Рудому на рубашки дано 50 к.

Февраль.

1. Юнгансу на росходы для дѣтей далъ 100 руб. Книжка Телемакъ куплена, дано за оную 1 р. 85 к.

2. Вечеромъ были у Петра Горленка на квартерѣ.

3. Обѣдали всѣ мы на Василевскомъ острову у князя Сергія Михайловича Хованского. Сегодня былъ машкарадъ въ собственномъ домѣ графа Алексія Григоріевича Розумовского и иллюмінація.

4. Машкарадъ былъ въ цесаревнинскомъ домѣ у Александра Борисовича Бутурлина.

5. Мы были на Смолномъ дворѣ у Івана Дмитріевича Рожевского вечеромъ. Машкарадъ былъ у оберъ-маршала Шепелева. Михайло Федоровичъ пріехалъ въ С.-Петербурхъ.

6. Обѣдали у преосвященного крутицкого Платона Маліновского. Машкарадъ былъ у князя Репнина, генерала фелтцехмейстера.

7. На смолномъ дворѣ у управителя тамошнего обѣдали, а вечеромъ были у насъ дворцовый бандуристъ слѣпый и два скрипцісты комнатные, которымъ дано общихъ денегъ 10 р.

8. Обѣдали у отца духовника, ради его іменинъ, да и у Григорія Михайловича Любисткова, дворянина, были.

9. Я и обозный генеральный по собственному ея імператорского величества приказу кушали обѣдъ у собственнаго-жъ ея величества стола въ Еремѣтажѣ, а ужинали у господина Головина.

10. Ради рожденія его высочества, государя великого князя випалено на поздравленіе изъ 73 пушокъ, и сего числа противъ 11-го слѣдующого дѣти перешли на другую квартеру на Василіевскій островъ, и преставилъся князь Василій Володимеровичъ генералъ-фелтмаршалъ, отъ рожденія своего на 79 году. Куплены для мене сапоги за 1 р., за сцезорикъ и запонки 22 к.

12. Писаны писма до Скоропадского, да до Іосифа повѣренное, и до жены, и другое до Іосифа о подписѣ на приговорѣ въ слушанія, которые писма посланы чрезъ Сангурского, сего числа отехавшого.

13. Генералъ Густавъ Біронъ умре въ С.-Пітербурхѣ.

14. Ночовали въ монастырѣ Невскомъ.

15. Тамъ исповѣдывались и сообщались Св. Тайнамъ. Розышлось на розницю 38 к.

16. За офарбоване черкески 1 р. 50 к.

17. Василю сину даны на потребы 18 к.

18. Деружкину дано 50 к.

19. Писалъ до Скоропадского съ посилкою печатныхъ вѣдомостей, въ которыхъ и трактатъ миру, между королемъ прусскимъ, полскимъ и венгерскою королевою заключенный, выпечатанъ.

20. Оное писмо вручено Федору Ивановичу Коченевскому для пересылки чрезъ келейника архимандрита печерского.

21. Рано осматривалъ квартери другой на Василіевскомъ острову для дѣтей.

22. За тою-жъ квартерою ходилъ къ князю Михайлу Андрієвичу Бѣлоселскому и зъ онымъ договорилъся на годъ за 80 р. за 5 покоевъ въ домѣ князя Адоевского. Господа сенаторы сезджались екстраординарно въ сенатъ для нашихъ дѣлъ. Кушалъ я зъ Гудовичемъ обѣдъ у оберъ-маршала Шепелева. Издержано 25 к.

23. Рано были зъ Гудовичемъ у графа и довольные имѣли розговоры, потомъ въ крѣпости казанья слушали.—Куплено платья для сина Василя, дано за оное 25 р.

24. Подалъ въ сенатъ Федоровичъ доношеніе Купчинского.

25. Івану Рудому куплена свита за 1 р. 50 к. Писано писмо въ Москву до Красінского и до поддячого Бѣляева и дано за оное на почтѣ 4 к.

26. Вечеромъ были у бригадира главной артилеріи, Івана Федоровича Глѣбова.

27. За книжку Граматику руско-латинскую 50 к.

28. Графъ Мойсей Ивановичъ Владиславичъ у насъ былъ.

Мартъ.

1. Погребеніе было церемоніалное генералу фелдмаршалу князю Долгорукову въ монастырѣ Невскомъ. Вечеромъ были у насъ отецъ духовникъ и Федоръ Коченевскій.

2. Были въ дворцѣ на службѣ и на казаньѣ, которое имѣлъ діаконъ Савіцкій. Пріехалъ въ С.-Петербурхъ факторъ індуктный Халкидоцкій.

3. За пошитье старой черкески 25 к. Рудому даны сапоги.

4. За вибойку на юпку 77 к. Маіоръ Воеводской арестованъ въ сенатѣ.

5. За полотно на рубашки и на штаны дано 2 р. 22½ к. Сыну Василю на чолки и прочее 1 р. 70 к.

6. За оправу двохъ книгъ 40 к., Козмѣ портному 30 к. Были рано у графа Розумовского и получили декларацію о бытіи гетмана.

7. У г. Мойсея Владиславича были на его новой квартерѣ.

8. Рано представляли графу маіора Рикачова и Петру Ивановичу Шувалову стороны дѣла Полтавского. За направу компаса 20 к., за Рудого въ поліціи 15 к.

9. Въ придворной церквѣ имѣлъ проповѣдь діаконъ Савіцкій.

10. Рано былъ у насъ отецъ духовникъ и обѣщалъ денегъ визичить. За чайникъ вименянный додано 1 р. Нѣмкенѣ 14 к.

11. Писмо вручено отцу духовнику до г. Скоропадского на 500 р.

12. Генералу фелтъцехмейстеру князю Василію Никитичу Репнину при писмѣ отъ г. Скоропадского представлялъ дѣтей, чтобъ позволилъ имъ ходить въ классы кадецкіе. Чоботы Рудому куплены за 64 к.

13. Писма писаны чрезъ Забѣлу до Скоропадского, до Іосифа и до жены, который ночю и отехалъ. Нѣмкенѣ дано 26 к.

14. Писано писмо до жены о посилки 50 лимоновъ чрезъ сотника мглинского Лисаневича, за якіе дано 1 р., да за лѣкарства 50 к. Оный-же Лисаневичъ сего числа отехалъ, а чрезъ него и книги посланы, именно на реестрѣ показанные; чрезъ него-жъ писано и въ Москву до Красінского о нашихъ запасахъ. Ночю противъ 15 числа были чюдные на небѣ знаки.

15. Лекару адмиралтейскому за 3 книжки нѣмецкіе даны 2 р. Халкицоцкій отехалъ и объ немъ писалъ до Скоропадского.

16. Обѣдали у пѣвчого Богуша. Пріехалъ Іванъ Жоравко съ женою. Вечеромъ поздравляли графа Розумовского тезоименитствомъ.

17. Рано такожде обоихъ графовъ Розумовскихъ поздравляли. Государиня съ протчими изволила обѣдать и ужину кушать въ собственномъ домѣ графскомъ. Баронъ Іванъ Антоновичъ Черкасовъ, тайній совѣтникъ, пожалованъ кавалеріею святого Александра Невского.

18. Графа Кирила Григоріевича Розумовского поздравляли тезоименитствомъ его. Отехали изъ С.-Петербурха Марко Марковичъ, Петръ Горленко и значковый Полтавскій. Были зъ Гудовичемъ на сахарныхъ заводахъ. За пошитье двохъ паръ чоботъ, изъ конхъ одни даны Ялоцкому, заплочено 50 к. Привезено тѣло умершей принцесы Анны въ Невскій монастырь.

19. Пріехалъ въ С.-Петербурхъ судія Павелъ Скорупна и привезъ разные писма.

20. Ездили въ Невскій монастырь видѣти тѣло принцесино. Поданъ меморіалъ графу о дѣлахъ рѣшенныхъ и нерѣшенныхъ. Войтъ коропскій отехалъ.

21. Было погребеніе принцессы въ Невскомъ, где и всемилостивѣйшая государиня присутствовать изволила, потомъ обѣдать въ домѣ отца духовника надъ Фонтанкою. Рано были у барона Черкасова, поздравляючи его кавалерією.

22. За двѣ ручки изъ дерева чорного, до чайника и до кофейника здѣланные, дано 1 р. 20 к. За два шматки гатласу алого 60 к.

23. Были у канцлера, у Черкасова, у к. Н. Юр. Трубецкого, потомъ въ дворцѣ, а вечерю имѣли у А. І. Головина. Писалъ до Гамалія.

24. На Василіевскомъ острову былъ у професора механика Брункера.

25. Ради сего Благовѣщенскаго праздника оффіцери конной гвардіи трактованы въ дворцѣ.

26. На ночь отехалъ въ монастырь Невскій.

27. Тамъ-же исповѣдалъся и причащалъся.

28. За роботу ночныхъ рубашокъ сину Василю и протчее 66 к.; за митье его-жъ рубашокъ и на другіе потребы 74 к. До г. Кондратовича отосланы 3 книжки латинскіе, да емужъ послана бутеля двойного и бутелка водки.

29. За ренкойсте (рукоять), изъ дерева чорного сдѣланное до тесака, дано 70 к., за конфору 7 к.

30. Въ сей день Свѣтлаго Воскресенія, кромѣ церкви, ни где не бывали.

31. Рано поздравляли канцлера к. Н. Юр. Трубецкого и П. І. Шувалова, потомъ въ дворцѣ великого князя и великой княгини

и у ручки были. По службѣ Божой у графа Розомовского. Объявленъ Семенъ Кочубей полковникомъ нѣжинскимъ.

Апрель.

1. Государиня изволила отехать въ Царское Село. Рано были съ поздравленіемъ у князя Трубецкого фелтмаршала, у графа Румянцова, у Бутурлина и у г. Чернишевой и у Ушакова; обозный генералный у Головина, а я у Носка обѣдали. Вечеромъ были у насъ полковникъ Кочубей, капитанъ лейтнантъ Марковичъ и Левъ Сорока.

2. Были у камергера Корфа, у князя Михайла Андреевича Бѣлосельского, у барона Черкасова и преосвященного Арсенія переяславского.

3. Были у г. Головина, а потомъ и онъ у насъ, и секретарь Новоторжцовъ, и войтъ нѣжинскій Тарнавіотъ.

4. Обѣдали у полковника нѣжинского Кочубея, куда по обѣдѣ пріездилъ и Василъ Марковичъ, капитанъ поруччикъ.

5. Были въ монастырѣ Невскомъ, у Архіерея здешнего и у намѣстника тамошнего, отца Софронія.

6. Рано поздравляли Василія І. Демидова, да оберъ маршала Шепелева, потомъ были въ дворцѣ и у ручки государини. Федоровичъ съ Кочубеемъ въ дворцѣ ссорилъся. Гаврило Роздавідовскій умеръ.

7. Приведенъ къ присяги въ церквѣ Ісакія Далмацкого изъ сената полковникъ нѣжинскій Кочубей. Послѣ обѣда были съ Гудовичемъ у секретаря Бахирева и у войта нѣжинского Тарнавіота.

8. Рѣчи, говоренные по депутаціи нашей къ государинѣ и къ великому князю во время брака іхъ імператорскихъ высочествъ, вручены графу Кирилу Григоріевичу Розумовскому, по требованію графскому. Обѣдали у Федора Ивановича Коченевского.

9. Сину Василю на бачмаки дано 60 к., на помаду 10 к.

10. Вечеромъ были у Илін Борисовича Ксилиндра.

11. За крашенину 18 к.

12 и 13 осор. NB.

14. Въ седмомъ часу по полуночи рѣка Нева прошла и для того первей разъ, потомъ въ другое и третое палено съ пушокъ въ крѣпости. Рано былъ съ Гудовичемъ у графа и подалъ ему прошеніе въ моемъ дѣлѣ.

15. Писалъ до Скоропадского, до Іосифа, до Піковця и до жены, да до Ивана Гамаліи въ Москву. Сина Васия вислалъ на Василіевскій островъ и ему-жъ дано на его нужды 30 к.

16. За поправу старого мундира портному дано 65 к., за шлифи 10 к.

17. —

18. Писаны писма въ Москву по почтѣ до Гамаліи, до Красінского и до поддячего Бѣляева, да до жены въ домъ. Заплачено за оные писма 26 к.

19. Синъ бывшого полковника нѣжинского Божича отехалъ и чрезъ него подъ числомъ 15 писанные писма отпущены. За таву красную до черкески 2 р. 78½ к. За шолкъ и табиновую матерію 27 к., за бархатъ 1 р. 20 к., щипцы желѣзные сину до убираня волосовъ 24 к., за кошеліокъ 1 р., за ленту черную и за проч. 17 к.

20. Были въ дворцѣ.

21. Поздравляли рано великую княгиню, которой 17 лѣтъ кончилось, и были у ручки. По обѣдѣ былъ балъ, а вечеромъ иллюмінація.

22. Погребали жену князя Костантина Дмитріевича Кантеміра, которая дочь была князя Димитрія Михайловича Голицина, въ Невскомъ монастырѣ.

23. За направу бачмаковъ и сапоговъ Василевыхъ сапожнику дано 25 к., портному Козмѣ 40 к., за мило и шнурокъ 6 к.

24. На перевозъ вчора, какъ ездилъ посѣщать болного Соколовского на Василевской островъ до дѣтей и сего дня, пошло 10 к.

25. Въ сей день воспоминанія коронаціи ея императорского величества поздравляли израна первей разныхъ господъ, потомъ были въ дворцѣ на службѣ и на казальѣ, якое имѣлъ проосвященный Стефанъ Каліновскій, архіепископъ велико-новгородскій. Тамъже, при присутствію самой государини подъ балдахиномъ, съ великимъ княземъ и великою княгинею, изволившей кушать, и мы у стола государева кушали, а послѣ обѣда былъ балъ и въ вечеру иллюмінаціи противъ дворца, при корпусѣ кадецкомъ и около крѣпости, тако-жъ и по всѣмъ домамъ.

26. При пушечной палбѣ изъ крѣпости и изъ адмиралитейства изволила государиня и великій князь и великая княгиня переѣхать въ лѣтный дворецъ, и тамъ-же освященіе было новопостроенной

церкви во имя Пресвятыя Троицы. За направу каѳана и проч. да за передѣлане чержески дано портному 50 коп.

27. Рано и на обѣдѣ были въ дворцѣ, а по полудне въ комедіяномъ домѣ на оперѣ, которая чрезъ нѣсколько годинъ въ дѣйствіяхъ продолжалась.

28. На разные потребности пошло 23 к., за платокъ бумажный синій 30 к., изъ сего числа противъ

29. Капитанъ гвардіи измайловского полку, князь Сергій Ивановичъ Борятинской надъ чаяніе умре.

30. Куплена для сина епанча красная, за которую дано 7 р. 50 к., за направу чолокъ и на проч. 23 к.

Маій.

1. За матерію подъ тую епанчу паплінъ и за шолкъ и гарусъ дано 2 р. 86¾ к.

2. Для отобрания за три мисяци кормовыхъ денегъ 300 р. ездилъ въ крѣпость Василь Гудовичъ и отобралъ оные деньги. Ивану Рудому куплены штаны, двѣ рубашки и поясъ жолтый, дано за все 95 к.

3. Звалъ насъ къ себѣ на сватбу переводчикъ иностранной коллегіи, Иванъ Андріевичъ Данилевскій.

4. Оный Данилевскій вѣнчался въ церквѣ Исаакія Далмацкого, потомъ мы были у него на сватбѣ съ Павломъ Скоруппою. Розышлось 15 к.

5, 6 и 7 числъ розышлось сину Василю на чолки шолковые 2 р. 50 к., а на другіе его жъ разные потребности 1 р. 51¾ к., да на мои разные потребы 1 р. 68 к.

8. Государиня изволила отехать въ Царское Село для освященія церкви.

9. Великій князь ездилъ въ Катеринъ-Гофъ.

10. Сину Василю на перчатки дано 10 к.

11. Были у Александра Ивановича Головина. За чолки для мене 15 к.

12. За направу моихъ перчатокъ 30 к.

13. Писаны писма 1-е въ Москву до Ивана Гамалія, 2-е до архимадрита донского отца Кирила, да въ Глуховъ до Скоропадского, до Іосифа и до жены.